

Анна Нева

Найди меня на
звездах

Вот уже какое-то время я ощущаю на своих плечах давление извне. Мелкие и крупные сбои в отлаженной системе, взбросы в СМИ — всё говорит о том, что против меня ведется подковёрная война. Мне не привыкать, бизнес по-другому и не делается. Но то, что в эту войну втянули мою семью — очень плохо.

А ещё эта... Линара... имя-то какое! Жаль, плохо разглядел её тогда, у Шамиля. Помню только коленки острые в черных плотных колготках, что мелькали над ступеньками со скоростью велосипедных спиц, да волосы каштановые, с каким-то неестественным мандариновым оттенком. Рыжая?

Хлопаю дверью внедорожника, топлю педаль газа и срываюсь в промозглую морось ноябрьского вечера, кромсая темноту светом от фар.

Ладно, Линара, скоро встретимся. И молись, чтобы с моей дочерью ничего не случилось. Иначе ты нежилец.

Глава 1. Линара

Сигнал зуммера застаёт меня в самый неподходящий момент — пипец! Опять кто-то из Иркиных хахалей в подъезд ломится. Хоть бы один из них додумался своей зазнобе звонок починить, а не дергать мой.

Сплюнув в раковину, шаркаю к двери, не глядя тыкаю клавишу домофона и иду назад в ванную, мимоходом бросив взгляд на часы: полпервого ночи. Корова блудливая, устало думаю я, понося, на чем свет стоит свою непутевую соседку. Сороковник на носу, а она все никак не нагуляется.

Снова сую в рот зубную щетку и яростно орудую ею, но меня опять прерывают: в этот раз — два коротких «дзинь» во входную дверь. Ну, это, уже ни в какие ворота...

Как есть — в пижаме, со щеткой за щекой, злая и растрепанная, распахиваю дверь, и застываю.

— Слава Богу, добрались, — слышу я до боли знакомый голос. — Ты одна?

Я на автомате киваю, после чего раздаётся командное:

— Заходи, давай!

— Здравсь... тётъ Лин... — слышу звонкий голосок, и мимо меня пронесется маленький торнадо. Я едва успеваю отшатнуться в сторону, уловив краем глаза копну буйных черных кудряшек, которые скрываются в моей ярко освещенной ванной — там из крана до сих пор течет вода.

— Аська уже давно на горшок просится, еле дотерпела, ну не в кусты же её тащить, в самом деле. Не бойся, она уже на унитаза сама залезает.

Слушаю эту, совершенно лишённую для меня смысла, дичь, а сама в ступоре наблюдаю, как в прихожую втискивается огромный крокодиловый чемодан, и с грохотом валится на бок, задрав свои копыта-колесики. Сверху летит сумка Carvela, детский рюкзачок со стразами, меховая курточка, и, как вишенка на торте — шикарное кожаное пальто с шиншилловой опушкой, подол которого небрежно шаркает по моему, признаться, не совсем чистому полу. Живописная такая куча получилась. Брендочная. Миллиона на полтора, не меньше.

Перевожу взгляд на гостью, и, наконец, вынимаю щетку изо рта.

— Ну, и какого чёрта, Нисар?

**

Сидим на кухне, пьём чай. Нет, не так: «пьём чай». Потому, что я лишь медитирую над полупустой чашкой, а Нисар, отставив свою, курит, стряхивая пепел в блюдце моего любимого фарфора.

Молчим. Я не начинаю разговор принципиально — мне её проблемы на дух не упали, Нисар это знает, и специально тянет время. Не смотрит на меня, скорее, куда-то вглубь себя. Ощущение, что она вообще не здесь.

Я не мешаю. С завтрашнего дня я в отпуске, могу хоть всю ночь сидеть, тем более, спать мне негде: ребенок, после скромного ужина в виде яичницы с гренками, оккупировал единственную в доме кровать. Естественно, Нисар ляжет там же, а мне, похоже, придется ютиться на сдвинутых между собой креслах.

Сизый дым от дорогих сигарет постепенно окутывает кухню, форточка не справляется. Я встаю, и приоткрываю окно, впуская внутрь промозглый ноябрьский воздух, смешанный с

дождем и гарью. Задерживаюсь взглядом на ночных огнях и замираю. Говорят, Москва никогда не спит. Но в районе старых хрущёвок, где я живу, всё будто вымерло.

Уже шесть лет здесь, а никак не привыкну ни к здешнему климату, ни к правилам жизни в огромном мегаполисе. Я, к слову, тоже не селянка, но я девочка южная, разбалованная солнцем, умытая теплым морем, обласканная свежим бризом. Мне до сих пор снится запах цветущих пионов во дворе дома, где прошли первые десять лет моей жизни — самые счастливые, и самые короткие. А еще жар раскаленной прибрежной гальки под босыми ступнями, и то чувство блаженства, когда, добравшись до воды, ты, наконец, ныряешь в первую прохладную волну. И закаты. Почему-то чаще всего мне снятся закаты, когда море превращается в тягучий расплавленный янтарь. Я очень скучаю по морю.

— У меня проблемы, Лина. Серьезные.

Мгновенно возвращаюсь в настоящее.

— Это очевидно, раз ты здесь, — говорю и оборачиваюсь, разглядываю сестру по новой: красивая, стройная, шмотки брендовые, в ушах караты, на шее связка перевитых цепочек с золотыми висюльками, из которых выделяется одна, в виде рыбки. Лицо, правда, усталое, и это делает нас с ней похожими сейчас. Только вот мои глаза тусклые, опухшие после суточного дежурства, а её блестят, украдкой следуют за мной, ждут реакции.

Хитрая бестия. С детства такой была: с виду милая девочка из хорошей семьи, а внутри эгоистичная, заботящаяся лишь о своих хотелках, сука. Когда её скрытая суть прорывалась наружу, и появлялась необходимость спрятаться за чью-то спину, чтобы не обляпаться дерьмом, которое сама же и сотворила, тут всегда под рукой оказывалась я — бесправная сиротка, девочка для битья. А для окружающих — «неуправляемый ребёнок», «отбившаяся от рук девчонка», «неблагодарная». Немногим позже — «конченная наркоманка», «воровка», «гулящая». «Непутёвая дочь непутёвого отца»...

Да, это была моя роль, пока очередная злополучная выходка, сотворённая не мной, не заставила дядю Шамяля отослать меня, куда подальше от семьи с одним чемоданом и небольшой суммой денег на счету. Кто бы знал, как я была ему благодарна за это. Ведь я, наконец-то, стала свободной. Правда, еще очень долго не знала, что с этой свободой делать.

Трудно было возвращать в себе заново чувство самоуважения, учиться жить, если не с гордо поднятой головой, то, хотя бы без стыда.

Пометавшись с полгода по Москве, как муха в банке, я, наконец, стала приходить в себя: сняла постоянное жильё, устроилась на работу, поступила на курсы (об университете, конечно, речи не шло). И всё это время пыталась забыть прошлое. Но это прошлое без спроса вошло в мою дверь, и сейчас, сидя передо мной, вновь угрожает моему душевному равновесию. Почему? По какому праву? Не хочу!

На меня вдруг злость накатывает. Руки просто чешутся схватить Нисар за шкурку и вытолкать за дверь, в промозглую ночь. И это было бы правильно. Но мысль о малышке, что сопит сейчас в соседней комнате в мою подушку, гасит гнев, что вода костёр. И только ради неё я делаю то, чего поклялась никогда больше не делать, а именно — позволяю втянуть себя в дела своей сестрицы. Снова.

Сажусь напротив, без спроса вытаскиваю из пачки Нисар сигарету. Прикуриваю, и небрежно швыряю золотую зажигалку обратно на стол.

— Как ты узнала мой адрес? — направляю струю дыма в сторону окна.

— У Таньки Финько.

Татьяна Финько наша бывшая одноклассница. В прошлом году я помогла ей устроить

мать в клинику Шумакова, где работаю санитаркой — да, представьте, у санитарок тоже есть связи. И, насколько я знаю, трансплантация прошла успешно. Рада за них обеих. Только зря она так, с адресом. Да, чего уж теперь.

— Тебе тоже нужна трансплантация? — не удерживаюсь от шпильки.

На что Нисар снисходительно хмыкает, оценив мой выпад, и мнет окурок в уже почти полное блюдце. Я невольно слежу за её пальцами с гламурным маникюром. Ухоженные, да. И все же, кое-где просматриваются желтоватые пятна от никотина — она слишком много курит, да и лёгкий тремор выдаёт нервозность. Я, к слову, тоже курю, но лишь когда мутно на душе. А сейчас там очень и очень мутно.

— Что ж, рассказывай, — вздыхаю я, смиряясь с неизбежным. — Каким недобрым ветром тебя занесло ко мне, сестра.

Глава 2. Линара

— Ты же помнишь Стиха?

Я дергаю бровями — ещё бы мне не помнить Мансурова. Мне его век не забыть.

Рамиль Мансуров, по кличке Стих, эдакий местечковый альфа-самец, гроза нашего тихого благополучного райончика, соседствующего, на свою беду, с группой старых автомастерских, где собиралась банда пристукнутых на всю голову рокеров.

Подонки и мразь, пользующийся своей картинной внешностью и аурой опасного парня, чтобы дурить головы глупым девчонкам, которые сами вешались ему на шею. Он трахал их в своём гараже под тяжёлый рок, а потом заставлял нюхать кокаин, и смотрел, как их трахают уже его приятели. И снимал процесс на видео. Но об этом я узнала позже.

А пока случилось так, что и моя сестрица положила глаз на Рамиля. Ясное дело, в открытую они встречаться не могли, поэтому Нисар придумала план, с которым Стих легко согласился. Моего согласия, естественно, никто не спрашивал.

И в один момент я стала «его» девушкой. Официально. Хотя на самом деле я была лишь ширмой, прикрывающей тайные встречи сестры с Рамилем в заброшенном строительном вагончике, оборудованном всем необходимым для приятного времяпровождения. Но это именно я рассекала с ним на «Харлее» по вечерним улицам Новороссийска. Это со мной в обнимку он стоял в кругу наших знакомых и слюнявил мне лицо, а Нисар, брезгливо сморщив носик, демонстративно отворачивалась, изображая из себя недотрогу. Я была их прикрытием, их связным, чтобы папочка нашей Принцессы, ни дай Бог, ничего не заподозрил и не прикрутил гайки в виде денежных потоков на карманные расходы своей доченьке.

Полтора года тянулась эта чёрная комедия, пока Рамиль вконец не обнаглел, и не начал, чуть ли не в открытую, продавать наркотики на территории нашей школы. Мансурова тогда едва не посадили, однако он сумел улизнуть, зато я имела все шансы попасть в исправительную колонию для несовершеннолетних, поскольку именно в моей сумке Нисар спрятала пакетики с кокаином, когда спасала свою шкуру во время облавы.

Да, я помню Мансурова. Очень хорошо помню. И что?

Сестра в очередной раз затягивается сигаретой. Её скулы при этом заостряются так, что я невольно обращаю внимание на то, как она похудела.

— Пять лет назад, сразу после свадьбы, я встретила Рамиля здесь, в Москве. И мы переспали.

Щурюсь от сигаретного дыма, рассматривая сестру, а сама вспоминаю, что совсем недавно у них с Заиром был юбилей: пять лет брака. Нисар тогда ещё настоящий фотопонос в соцсетях устроила, закрепила все контакты своим «состоявшимся счастьем».

Счастье, блин. Ну-ну.

А Нисар продолжает:

— Это случилось сразу после нашего с Тураевым медового месяца. Мы тогда всего четыре дня провели на Бали, а потом позвонил отец и велел возвращаться — где-то там у них что-то стряслось, и надо было срочно решать. Всё как обычно.

Да, дядя Шамиль был жестким человеком, ни себя не жалел, ни других, земля ему пухом.

— Заир тут же укатил в свою командировку, а меня в пустой квартире бросил — мы еще

даже обставить её толком не успели. Я, естественно, распахивалась, стала доставать Тураева звонками. А однажды с его телефона мне ответил женский голос, ну мне крышу и снесло. Со зла к Раиске Польшиной на днюху пошла, она его в каком-то новом клубе отмечала, думала — развеюсь, заодно Тураева по носу щелкну. Пили, веселились, всё, как обычно, и вдруг Рамиль передо мной, как чёрт из табакерки, выпрыгивает. Красивый, гад медоточивый. Загнал меня в угол, скалится, глазами раздевает, руки липкие свои тянет. И все о прошлой любви ко мне в ухо шепчет, шепчет, а я уже хорошо так набралась, потекла вся...

— Ээ... мне это обязательно слушать? — прерываю я изливания сестры, а она дёргается вся, полосует по мне убийственным взглядом.

— Ну, хотя послушай, как это у нормальных людей бывает, — зло шипит она, — а то так и ссохнешься вся, не поняв, что к чему.

Я удивленно приподнимаю брови: она что, думает, что у меня до сих пор никого не было? Мне вообще-то двадцать четыре, и «печать девственницы» на мне не стоит. Или Нисар продолжает считать, как и раньше, что ни один парень не посмотрит в мою сторону?

Подмигиваю ей:

— У меня соседка путана. Я все про «это» знаю, не волнуйся. Ты продолжай, только без лишних подробностей, а то поздно уже. Итак, вы с Мансуровым переспали. Дальше что?

— Ничего, — сестра жмёт плечами. — Потрахались в випке на диване, и разбежались. Он у меня даже телефон не спросил, получил, что хотел, и был таков. Я еще удивилась: думала, шантажировать начнет. Ан нет. Обошлось. Точнее... обходилось, до сих пор. Но на днях Рамиль опять нарисовался. Уже с предьявой.

— Какой?

Нисар делает драматическую паузу, а я зависаю, чувствую, что грядет то самое.

— На отцовство Аси претендует.

— Чтоо??

Этот писк не имеет ничего общего с моим обычно красивым контральто, и, тем не менее, он вырывается из моей глотки, факт.

— Увидел наши семейные фотографии в интернете, говорит...

Нисар взволнованно облизывает сухие губы. Снова присасывается к сигарете, пальцы её дрожат.

— Говорит, Аська его копия, и даты совпадают, он, видите ли, подсчитал. Счетовод хренов...

Трудно описать, что я сейчас чувствую. Я оглушена. Я потрясена.

— А это так? Нисар! Это так? — тормошу сестру, когда та опять проваливается куда-то «в себя».

— Да не знаю я, в том-то и дело! — отмирает она, наконец. — Через пару дней Заир вернулся, и мы с ним сутки потом не вылезали из койки — улаживали конфликт, так сказать. И про защиту иногда просто забывали.

— А с Мансуровым разве вы не предохранялись?

— Он утверждает, что презерватив порвался. А я не помню — пьяная была! Так что пятьдесят на пятьдесят.

Мы замолкаем, смотрим друг на друга. Моя неприязнь к Нисар постепенно сходит на нет. Не уходит совсем, просто временно прячет когти, уступая место другим чувствам, таким, как единение против общего врага. Обиды подождут — не до них сейчас.

— И что теперь? — задаю я главный вопрос.

— А теперь самый треш. Мансуров хочет денег. Много. Если не заплачу, он грозит через суд стребовать проведение ДНК-теста. Через суд потому, что добровольно я на это не пойду. Еще Рамиль сказал, что если я буду артачиться, он просто выкрадет ребенка, и тогда деньги ему будет платить уже Тураев.

— Он что, бессмертный? — таращу глаза на сестру. — Он же сошка мелкая, обычный дилер. С кем он захотел рогами меряться, с Тураевым? Дурак совсем?

— Был когда-то мелким, да. А сейчас силу набрал, бизнес подпольный крутит, люди за ним, с криминалом связанные, стоят. В общем, Мансуров давно не мелочь, считаться с ним приходится.

— А что Заир? Может, стоит ему все рассказать?

— Его нет в Москве — это раз. А во-вторых — я еще не сошла с ума, чтобы своими руками себе могилу рыть. Ты разве не понимаешь, что он со мной сделает, если узнает?

«Когда» узнает, поправляю я мысленно. Естественно, вслух я этого не говорю. Зачем?

— Ну, а что он сделает? Разведётся что ли?

Нисар мгновенно преображается: подбирается вся, скулы краснеют, губы в струнку.

— Никакого развода! — заявляет она твёрдо, и с такой яростью тычет очередным бычком в блюдо, что оно переворачивается, и вся мерзость высыпается на стол.

О, я знаю этот тон. И это выражение лица сестры тоже знаю. Держите меня семеро...

— В общем, выход один, — говорит Нисар, вскидывая голову, как ретивая лошадка. — Нужно вывезти Аську из страны. И это сделаешь ты.

— Я?!

Весь вечер ожидала чего-то подобного, и всё равно оказалась не готова. От мысли, что мне придется взять ответственность за чужого ребенка, пусть даже всего на несколько дней, я мгновенно покрываюсь холодным потом.

— Почему я? Почему не сама?

Нисар кивает в сторону коридора:

— Видишь чемодан? Мы пытались улететь сегодня, но не вышло. Знаешь, почему?

— Мансуров? — догадываюсь я.

— Прямо у стойки регистрации поджидал со своими мордоротами. Повезло, что я их первая заметила, успели с Аской удрать. Два часа в такси по городу кружили, пока прикидывала, куда податься. Домой уже нельзя. Теперь, когда Рамиль знает, что я хочу сбежать за границу, он точно с ребёнком что-нибудь сотворит. Сейчас, небось, носом землю роет, нас по всей Москве ищет.

Наверняка. К счастью, обо мне он вряд ли вспомнит, а если вспомнит, то долго искать придется. Мой адрес знают единицы. Когда я уехала из Новороссийска, порвала все старые связи, а новых так и не завела, жила скромно, не выпячивалась. С семьей дяди общалась редко, исключительно по телефону. Даже на похороны не поехала: отделалась устными соболезнованиями и символическим подношением в виде перевода.

И, все же, проблему это не решает. Девочку действительно надо увозить подальше от Мансурова. И тут Нисар права: с ребёнком и чемоданами особо не набегаешься, а если они разделятся, шансы на успех увеличатся — ей будет легче скрыться от преследования, а со мной девочку никто искать не будет. Если еще вылететь не из Москвы, а из какого-нибудь мухосранска, добравшись до туда, например, на автобусе...

План хороший, но я продолжаю сомневаться: а что, если Ася не захочет со мной ехать?

Если испугается чужого человека и будет плакать — она ведь ещё совсем маленькая? А если с ней в дороге что-нибудь случится, а я не буду знать, что делать?

Аллё, Загитова! — тут же одёргиваю себя. — Думаешь, Мансуров будет задаваться всеми этими вопросами, когда решится на похищение? Как бы ни так.

Знаю, что должна помочь, знаю. Но почему-то медлю с ответом. Вижу, что Нисар не юлит, страх её неподдельный вижу. Это настоящее. Я хорошо изучила сестру, и могу поклясться, что она не играет — на самом деле боится. Впрочем, даже если играет, о ней ли сейчас речь?

Ася. Вот, о ком надо думать, вот, кому верить. Не заслуживает она быть разменной монетой в грязных торгах взрослых. Ребёнок должен купаться в любви и заботе, а не получать удары битой по своей несформировавшейся ещё психике.

Я плохо помню Тураева, видела его мельком в доме дяди — высокий, красивый, но неулыбчивый мужчина. Ближе к тридцати. С глазами такими черными, что в них неприятно было смотреть. И с первых мгновений чувствовалась в нём какая-то необузданность, экспансивность. Будто ему тесно в его шикарном костюме.

Вспоминается, как пришла однажды из школы, а он с дядей Шамилем в холле стоит, о чем-то с ним беседует.

— Поздоровайся, Линара. Это господин Тураев, Заир Самирович, мой партнёр по бизнесу из Москвы, — дядя хлопает гостя по плечу. — А эта зеленоглазая стрекоза — моя племянница, Линара. После смерти моего брата, Линара живет с нами.

Тураев скользит по мне равнодушным взглядом, коротко кивает, и возвращается к разговору с дядей, а я бегу наверх, в свою комнату, с ощущением, будто мне за шиворот засунули горящие угли.

Но к своей дочери Заир хорошо относится, я видела это по фотографиям. Там он улыбается. Только ей, больше никому.

Да, Тураев за Аську любому глотку порвёт, отец он ей там, или не отец. А вот к бандиту-Мансурову девочка не должна попасть.

Встаю, начинаю убирать со стола, стряхиваю окурки, мою чашки. Я еще не ответила сестре согласием, но мысленно уже прикидываю, что перво-наперво нужно сделать перед отъездом. Вспоминаю, где у меня загран — я его только недавно оформила, и с работой удачно — отпуск как раз.

— Наверное, чтобы вывести ребенка за границу, требуется разрешение? — вслух рассуждаю я.

— У меня есть, — оживляется Нисар, понимая, что, фактически, я уже сломалась. — Для новой няни Аськи делала, нужно будет лишь твое имя вписать. Деньги на карту прямо сейчас переведу, только номер дай.

Сестра спешно хватается за телефон и начинает действовать.

— Билеты возьмёшь уже в аэропорту, чтобы тебя не засекли раньше времени, а бронь в отеле перепишу на твоё имя. Там я вас и найду. И ты, конечно, понимаешь, что ехать нужно прямо сегодня?

Сегодня? Смотрю на часы — четыре утра. Вздыхаю. Ладно. Сегодня, так сегодня.

Глава 3. Линара

Утро. Мы топчемся в моей маленькой прихожей втроём, не считая тщедушного таксиста, который ведёт неравный бой с огромным кофром Нисар, пытаюсь выпихнуть его за дверь. Один-ноль в пользу кофра. Сама сестра, уже при полном параде и в пальто, сосредоточенно роется в сумочке.

— Ты бы всё-таки дала мне свой номер, мало ли что.

— Зачем? Ты главное до отеля доберись, а там я сама с тобой свяжусь, — инструктирует она меня. — Запомнила название?

— Чего там запоминать? «Мираж» он и в Африке «Мираж».

— Да, думаю, не промахнёшься. Езжай из аэропорта прямо туда.

— Когда ты приедешь?

— Не знаю. Если всё получится, то встретимся дня через два.

Поворачивается к дочери.

— Слушайся тётю Линару, поняла?

Аська, в пижаме и с растрёпанными после сна волосами, послушно кивает, не переставая зевать во весь рот — понятно, девочка не выспалась, и всё же, я ожидала чего-то более драматичного: слёз, протестов, уговоров, поцелуйчиков-обнимашек...

Я же приплясываю вокруг, готовая в любую минуту кинуться к ней при первых признаках истерики (на этот случай у меня в кармане даже конфеты припрятаны), но ничего подобного. Мама с дочкой являют собой образец сдержанности и хладнокровия. Мне даже обидно становится, неужели так и расстанутся? Я не выдерживаю:

— Ася, обними маму на прощанье, — подталкиваю девочку вперёд. — И не расстраивайся, вы скоро с ней увидите.

Обе взглянули на меня, как на идиотку — никто и не собирался расстраиваться, по всей видимости, но всё же послушно обнялись, сделали тёте приятное.

— И не смотри слишком долго мультики на планшете, о'кей?

— О'кей.

— Ну, всё, — Нисар отдергивает от себя ребёнка слишком резко, и кудряшки Аси запутываются в многочисленных цепочках на шее сестры.

Дочь вскрикивает, мать чертыхается, но потихоньку распутывает локоны и осторожно прячет ожерелье за вырез.

— Ох, Аська!.. Надо будет что-то делать с твоими волосами. Линара, заплети ей косу, что ли.

— Не хочу косу! — тут же начинает канючить племяшка, а я боюсь, что истерика всё же случится.

Нисар уже нетерпеливо запахивает пальто.

— Ладно, разберётесь тут без меня, мне пора. Пока, девочки!

— Пока, Нисар. Будь осторожна.

— Я всегда осторожна, — как-то странно улыбается сестра, а меня вдруг пробивает дрожь от ощущения дежавю, но дверь уже захлопывается, и я теряю мысль.

Отгоняя дурные предчувствия, обращаюсь к племяннице:

— Ну, что? Пойдём и мы собираться, что ли?

Такого бардака в моей квартире, пожалуй, еще не было. Когда сестра сказала: «Я

положила Аськины вещи там», а я ответила «Хорошо», я не имела в виду это.

Обозревая гору одежды, и других, неопознанных пока мной предметов детского обихода, сваленных кучей на моей кровати, пытаюсь сообразить, с какой стороны к ней подойти. Явно, половина здесь лишняя, кое-что можно и не брать с собой. Перебираю детские трусики, маечки, купальники, ээ-э... лыжный комбинезон уверенно откидываю в сторону — в Анталии он точно не понадобится. А это, что?

Я вытаскиваю странного вида вещицу: похоже на сшитые вместе тюлевые оборки, торчащие колом в разные стороны. Это ведь...

— А-ась? — ору я.

Аська, всё еще в пижаме, но уже с пластмассовой тиарой на нечёсаной голове, носится по всей квартире и тычет гигантским карандашом с шипованным шариком на конце во всё, что ни попадя, пока я разглядываю тюлевое недоразумение.

— Детка, зачем тебе балетная ПАЧКА, скажи на милость?

— Это не балетная, это фейская пачка, я же ФЕЯ!

— О, правда? Хм-м... — я мычу, судорожно соображая, как бы поделикатнее подкатить к Аське со своим предложением. — Послушай, мы же на море едем, в отпуск, так? А феи в отпуске должны отдыхать, поэтому давай оставим твой рабочий прикид дома, мм..? — я с надеждой гляжу на племяшку, делая бровки «домиком», но мой манёвр не срабатывает.

— Нельзя! Нет! — кричит она, и с негодованием всплёскивает своими маленькими ручонками, едва не засветив мне в глаз шипованной звездой. — Я же морская буду фея! Морские на море не отдыхают, они работают!

С подобной убойной логикой мне не совладать, и я, к своему стыду, быстро сдаюсь.

— Ну, ладно. А это? — я кручу на пальце сиреневую безделицу. — Ведь у тебя уже есть два купальника.

Аська смешно закатывает глаза.

— Но это же мой подинельничный купальник! — выговаривает она мне, как неразумной дитяти. — Я в нем в подинельник буду плавать. Если мы его не возьмём, в чем мне в подинельник плавать?! И это тоже мне нужно, тётъ Лин. Ой, и это!.. — Аська шустро хватает одну тряпку за другой, и кидает в почти уже собранный чемодан, за три секунды наведя там полный хаос.

Короче, из целой кучи отбракованных мной вещей, дома мы оставляем только джинсовую юбку-миди на подтяжках и пачку пластилина. А косу заплести Ася согласилась лишь в обмен на обещание позволить ей одеться в дорогу так, как ей хочется.

— Даёшь слово? — спрашивает она с хитринкой в глазах, подставляя мне «пять».

— Чтоб мне лопнуть! — ударяю своей пятерней по её ладошке. И это была моя первая серьезная ошибка.

Из такси к автобусу мы выходим с помпой: Аська гордо вышагивает впереди меня в косухе с клёпками-шипами, шлеме-авиаторе и в розовой пачке. Образ завершают берцы с неоновой шнуровкой и рюкзачок со стразами за спиной, из которого угрожающе торчит карандаш-мутант со звездой на конце. Я тащусь следом с двумя чемоданами средней величины и сумкой наперевес, и тихо краснею от излишнего внимания окружающих в нашу сторону.

— Косуха, мать вашу, — ворчу я, с помощью водителя втягивая чемоданы в разинутый под брюхом междугороднего автобуса багажник. — У четырехлетней письки кожаная косуха и настоящий шлем-авиатор. Сдаётся мне, вы слишком балуете свою дочь, многоуважаемый

Заир Самирович.

Глава 4. Заир

Два часа ночи. Лифт тащится, как неживой, но, в конце концов, добирается до нужного этажа. Мои шаги гулко отдаются в пустых, в этот поздний час, коридорах. Заворачиваю за угол, толкаю дверь в кабинет. А вот здесь уже как в штаб-квартире какого-нибудь кандидата в президенты: люди, компьютеры, звонки телефонов, шум до потолка.

— Заир Самирович...

Иду прицельно к столу у дальней стены, киваю всем и никому конкретно. Кто-то топает за мной, и я, не оборачиваясь, задаю свой первый, но далеко не последний, за сегодня, вопрос:

— Кто смотрел за ней?

— Никифоров.

— Уволить

— Слушаюсь, Заир Самирович.

Шаги удаляются от меня.

Подхожу к столу, снимаю пальто, которое от впитанной в дороге влаги кажется стопудовым, и валю его на близстоящий диванчик. Сам падаю туда же и дергаю галстук, ослабляя узел.

— Что скажешь, Аркадий?

Мой Начальник безопасности, человек суровый и хладнокровный, имеет сейчас на своем лице «печать глубокой озабоченности», как сказал бы какой-нибудь политик. И я бы даже выразил ему сочувствие, если бы не был так зол. Поэтому лишь грозно зыркаю на него из-под сдвинутых бровей.

— В клинике подняли тревогу только спустя два часа после её исчезновения, — докладывает он мне.

— Как она смогла забрать ребенка из садика?

— Собственно, из садика девочку забрала бабушка, госпожа Загитова.

— Вот как? Говорил с ней?

— Уверяет, что ничего не знала, просто зашла с внучкой в кафе поесть мороженое и совсем не ожидала встретить там дочь. Потом не выдержала, и завела старую песню, сетуя на твою чёрствость и бессердечие, мол, отнимаешь у матери ребёнка, не даёшь им видиться, ну, и прочее. Так что, всё она знала. И встреча была обговорена заранее.

— Ясно. Коля! — кличу я своего секретаря.

— Да, Заир Самирович?

— Все карты Роксаны Давидовны заблокировать. Кредиты в ювелирке и бутиках закрыть, а счета за уже сделанные покупки отправить ей лично.

— Понял, — секретарь кивает и спешит исполнять приказ.

Аркадий устало мнёт переносицу.

— Заир, это еще не всё.

Не предвижу ничего хорошего от его тона. Сглатываю, собираю себя в кулак.

— Говори.

— Пропали документы по тому случаю с «Баркáром».

Я щерюсь, как волк, которому наступили на лапу.

— Ты, чёрт возьми, чем тут занимался вообще, а? Ворон считал?

Аркадий не смущается ни на йоту.

— Сам знаешь, профилактика в таких делах малоэффективна: если кто-то задумал преступление, он его совершит в восьми случаях из десяти. Наша задача быстро найти злоумышленника и минимизировать ущерб.

— И как? Нашел? Минимизировал?

— Сигнал о вскрытии сейфа поступил в то время, когда твоя жена должна была находиться в клинике. Но её там уже точно не было. Она старалась не попасть на камеры, успешно обошла все, кроме одной, о которой, видимо, не знала. Так что, задача упрощается — у нас один подозреваемый по двум делам.

Это уже серьёзно, тут не просто бабский заговор и драчка за ребёнка. Тру подбородок, походя, отмечая, что не брился уже сутки.

— Когда это случилось?

— В четверг. Похоже, всё было спланировано заранее, а клиника лишь для отвода глаз.

— Похоже на то. Значит, в любой момент эти документы могут всплыть. Но для этого Нисар надо связаться либо с журналистами, либо с властями, либо...

— Либо с твоими оппонентами. Что скорее всего, потому, что с первыми двумя она сама не захочет иметь дело — не та у неё ситуация.

— Выясни, кто может быть заинтересован в этой информации, пусть даже косвенно. Поднажми на конкурентов. Возможно, кто-то из них в последнее время крутился вокруг моей жены.

— Уже выясняю, Заир. Список будет завтра... вернее, уже сегодня у тебя на столе.

Я какое-то время смотрю на Аркадия, жую губу.

— Найди её. Найди раньше меня, иначе я сделаю с ней что-нибудь нехорошее, клянусь.

**

— Что?! Сука, блядь!

В сердцах пинаю подвернувшийся стул, тот с грохотом падает.

— И что теперь? Ладно. Ладно, я сказал!! — ору и швыряю телефон на стол.

Дерьмо. Падаю в кресло, тру лицо. Голова раскалывается, как орех — третьи сутки пошла, а результата ноль. Сам дьявол над ней шепчет, что ли?

Чувствую ладонь на плече. Сначала неуверенно и легко, потом все с большим нажимом начинает поглаживать, перемещаясь на спину.

— Всё так плохо?

Закрываю глаза, позволяю Марине поколдовать надо мной какое-то время. Ей нравится ко мне прикасаться. Но сейчас я чувствую, как от меня уже смердеть начинает, поэтому не хочется контактов. Встаю, сбрасывая её руку с себя. Подхожу к окну. Ни черта не вижу, красная пелена одна перед глазами от злости.

— Они опять упустили её. У этой суки чуйка, как у блаухаунда, только хвост и увидели, когда она в такси запрыгивала.

Марина усаживается на подлокотник кресла.

— По крайней мере, мы знаем, что она еще в Москве.

— И на том спасибо, — цежу сквозь зубы. Самому тошно от своего брюзжания. Ладно. Надо брать себя в руки.

— Я в душ.

— Приготовлю тебе свежую рубашку и кофе, — тут же спохватывается Марина, и, глухо стуча невысокими каблуками по ковровому покрытию, торопливо идет в маленькую

кухоньку при офисе.

Провожая её бёдра «аля Джей-Ло» взглядом. Красивая, сексуальная, умная, всё понимающая женщина. Моя женщины. Вот уже полгода как.

Поначалу немного коробило, что сплю с подругой жены, но с Нисар мы давно врозь: она так и не смогла взять под контроль свою зависимость, а лечиться отказывается. Я устал бороться. От всего устал: от грусти дочери, когда мать сутками пропадает неизвестно где; от всплесков ярости, либо приступов полного безразличия, когда всё же соизволит появиться дома; от упрёков, что её не любят и не понимают — от всего. Семьи, как таковой, нет. Дочь на няньках, я в постоянных разъездах по делам компании, а мать... да какая из Нисар мать? Надоело.

Раздеваюсь. Скидываю одежду на пол, небрежным пинком отправляя её в угол, и захожу в душ. Задвигаю панель и подкручиваю в душевой краны, настраивая режим «турбо», пожётче. Подставляю под упругие струи свой ноющий хребет и замираю.

Не к месту вспоминаются тяжелые груди Марины, как качаются надо мной, цепляя сосками губы, нос, подбородок. А потом нагло в рот тычутся, требуют ласки.

Член дергается, стоит мне только подумать об этом. Блядь, нашел время...

Включаю воду похолоднее. Похоть начинает отступать, зато злость возвращается.

Ах, Нисар, женушка моя дражайшая, дай мне только добраться до тебя, уж я приголублю так, что глаза твои лживые наружу выпрыгнут.

Пальцы сами собой сжимаются — вот так они сожмутся и на её белой шейке.

— Дрянь. Только посмей, только посмей... — шепчу куда-то в стену, сам плохо понимая, что конкретно имею в виду. Много чего. Ну, например:

Только посмей сотворить что-то с дочерью, подвергнуть её опасности.

Только посмей лишить меня возможности иметь нормальную семью.

Только посмей снова смешать моё имя с грязью.

Только посмей...

Запрокидываю голову. В лицо колючая струя хлещет, забивая ноздри, рот, глаза. Фыркая, отплевываюсь слюной и грязным матом, и что есть силы, впечатываю кулак в кафель.

Отпустило, вроде, немного.

Выхожу из душа еще мокрый. Марина протягивает мне крошечную чашечку турецкого кофе. Улыбкой благодарю её и отхлебываю, разрешаю себе на секунду забыть обо всём и насладиться моментом. Глубоко вдыхаю аромат хорошо прожаренных зёрен, чуть смешанный со сладковатым запахом женских духов Марины. Вкусно.

Она берет полотенце из моих рук, и начинает медленно обтирать мне шею, плечи, грудь. Соски не трогает — знает, что не люблю. Обходя кругом, спускается по спирали все ниже — к ягодицам, бедрам, икрам, и ниже, к самым ступням. Наконец, встает на колени и аккуратно промокает полотенцем мой член. Заставляет меня слегка раздвинуть ноги и осторожно обтирает яйца, щекоча их ворсистой тканью. Они поджимаются, член дёргается и наливается, твердеет. Марина поднимает глаза, вопросительно смотрит на меня снизу вверх.

Молчу. Смотрю в ответ. Она чуть заметно улыбается, и, не медля больше ни секунды, сжимает мой ствол, и своими потрясающими пальчиками пробегает по нему так, словно на флейте гамму играет. Раз, другой, третий... Мышцы живота моментально сокращаются, ягодицы рефлектируют, а бёдра волной толкаются вперед под эту чувственную музыку.

Мычу от кайфа, как полоумный, а Марина уже высовывает свой язычок, и бьёт головкой

по нему короткими частыми ударами, после чего заглатывает мой член насколько возможно глубоко в себя. Горячо, мокро, скользко, сладко. Именно то, что мне сейчас нужно. Именно так. Я же говорю — всё понимающая женщина.

Глава 5. Заир

— Заир, смотри!

Марина вбегает в кабинет и разбивает нашу сугубо-мужскую компанию, сгрудившуюся у стола.

— Я попросила девочек, если они вдруг увидят Нисар, сразу сообщить мне. Нет-нет, не волнуйся, я осторожно! — уверяет она, наткнувшись на мой хмурый взгляд. — Вот, Рита только что прислала. Смотри!

Я пальцами увеличиваю изображение на экране смартфона. Это Нисар. Сидит за столиком, похоже в кафе. Нога на ногу. Что-то строчит в телефоне. Потом смотрит в сторону, встаёт, кому-то машет, улыбается. Одета по-домашнему — мягкий спортивный костюм, кроссовки, волосы стянуты в хвост. Её парка лежит на соседнем стуле, там же вижу Аськину куртку — значит дочь где-то там, с ней. Вокруг толпа, дети орут, бегают. Какие-то аниматоры снуют туда-сюда...

— Где это?

— Игровой центр на Ходынском. Рита там с сыном почти каждое воскресенье проводит. Я попросила её не выпускать Нисар из виду до вашего приезда, правильно?

— Умница моя, — чмокаю её в лоб, а сам кидаю взгляд на Аркадия — Быстро туда!

Тот уже кожан свой набрасывает на плечи и бежит с ребятами к двери. Я срываюсь следом. Марина остаётся в кабинете, взволнованная, руки с телефоном к груди прижимает, переживает за меня, за нас.

А ведь Аська с ней неплохо ладит, мелькает задним планом мысль, и крепнет, по мере того, как я приближаюсь к стоянке, а адреналин вспенивает кровь. И вдруг выстреливает в мозг бронейбойным: будет, будет у меня семья. И дети ещё будут. В лепёшку расшибусь ради этого. Вот только разберусь с кошмаром по имени «Нисар», и поговорю с Мариной серьезно.

**

Как бы мы ни старались, до бульвара добираемся почти час, и это еще, спасибо, пробок не было. Рита встречает нас у эскалатора, расстроено разводя руками.

— Простите, мальчики, она ушла минут тридцать назад.

— Как она выглядела?

— Да нормально выглядела, — Рита пожимает плечами — Только неприбранная какая-то, не как всегда.

— А Ася с ней? — я кручу головой, оглядываю яркие аттракционы в надежде увидеть знакомые кудряшки в толпе детворы. Знаю, что напрасно, и всё же...

— Асю? Нет, вроде не видела, но здесь столько детей! Своего едва найдёшь, не то, что чужого.

Замечаю Аркадия — идет от стойки дежурного администратора, ловко уворачиваясь от снующей под ногами детворы.

— Камеры уже просматривают, скоро узнаем.

— Чёрт! — шиплю едва слышно, желваки ходуном ходят.

Хочется сплюнуть и растереть в сердцах, но не место подобному в детском центре. Поэтому впииваюсь пальцами в свою шевелюру, и с силой дергаю — больно лишь мне, другим моя боль незаметна.

— Успокойся, — друг хлопает меня по плечу, взывает к моему рассудку. — Смотри, она

в домашнем, без машины, значит, недалеко где-то осела. Надо прочесать не более километра вокруг, искать отель или съёмную посуточно.

— Ты прав. Будем искать неподалёку. Наверняка заглянула сюда на пару часиков Аську выгулять. Дочь у нас слишком активная, в четырех стенах долго сидеть не может, достанет любого.

— Есть, Аркадий Андреевич! — подбегает Якин, один из людей СБ.

— Где?

— Южные ворота, там засекли на выходе.

— Дуйте туда! Евгений — мониторь.

— Есть.

Возвращаемся в машину. Смотрим видео на планшете. Вот она! Выходит из здания, мешкает у дверей, открывая зонт. Аськи под ним не видать. Идет вдоль бульвара, заворачивает за угол... Всё.

Полчаса. Мы разминулись с ней всего на полчаса, мать твою!!

Бьюсь затылком о подголовник: что же за непруха такая, а? Однако Аркадий кажется довольным.

— Ну, так, ребята, — говорит он, окидывая всех отеческим взглядом. — Задача ясна? Что делать знаете. Вперёд.

Якин и Смирнов выбирают наружу и расходятся в разные стороны. Аркадий устраивается поудобней, продолжает что-то просматривать на планшете. Кошусь с недовольством на него — спокойный, как мамонт, а у меня мышцы от напряжения болят, челюсть дёргает. Так и подмывает ринуться на поиски вместе с остальными, но нельзя — я же в таком состоянии, что буду каждую дверь лбом вышибать, пока не доберусь до этой сучки, спугну ещё.

Аркадий замечает мой взгляд.

— Что будешь делать, когда найдем?

— Хер его знает. Не убить бы, для начала.

— А если серьёзно?

Так я серьёзно. Так ненавижу сейчас эту суку, что боюсь не совладать с собой. Трясу головой, как бык, пытаюсь успокоиться, взять эмоции под контроль, но столько дней поисков все нервы мне истрепали. Если бы не дочь — плевать мне на Нисар, на документы, на всё плевать, но Аська...

Тру лицо, разгоняя усталость. Так что там Аркадий спрашивал? Что делать буду?

— Дочь заберу и в отпуск, — отвечаю запоздало. — Нисар в клинику определю, принудительно в этот раз. Потом развод. Потом... посмотрим.

Аркадий, подлец, усмехается.

— Марина?

Киваю.

— Марина.

— Не слишком торопишься? С Нисар вон тоже поторопился, и что вышло.

Поторопился, да. Но уж больно выгодным на тот момент показалось мне предложение Шамяля о слиянии семей и бизнеса. И я был не прочь закрепиться в Новороссийске.

Да и Нисар — красавица, чего уж там. Высокая, стройная, волосы шёлковые до попы, будто чёрная река из нефти льётся. Молодая для меня, быть может, всё-таки девять лет разницы, но молодость ведь это не навсегда.

Вспоминаю, как увидел её впервые...

— Я Нисар, — смотрит в пол, пальчиками юбку мнет робко. Но когда поднимает на меня свои карие глазища — прям ух-ты! Нет там ни грамма робости, одно сплошное ХОЧУ. И я, признаться, выдыхаю с облегчением — ну зачем мне застенчивый ребёнок в постели? Мне женщина нужна, с моими-то аппетитами и темпераментом.

— Я Заир, — беру её руку в свою. — Приятно познакомиться.

**

Задумчиво смотрю на мокрый мир за окнами авто. Дождь кончился. Рваные облака нехотя тянутся к востоку, оставляя после себя тёмно-синие заплатки чистого неба. Московский вечер быстро накрывает город, заявляя на него свои права, расцветивая огнями каждый пиксель свободного пространства. С улиц исчезает детвора, всё больше женщин в элегантных пальто и мехах, стуча каблучками, проходят мимо, усаживаются в шикарные машины своих деловитых, самоуверенных кавалеров. Улыбки, касания, обещания, предвкушение... Время для взрослых, господа.

Я давно неверен Нисар, с первого её загула. Аське тогда только годик стукнуло, жена к тому времени окончательно охладела к роли матери, навела красоту на оздоровительных курортах, вернула фигуру, и, с какой-то маниакальной страстью ринулась в самую гущу столичной жизни. И до того её это затянуло, что однажды утром, проснувшись, я не нашел свою жену в нашей супружеской постели.

Вернулась она через три дня, когда я уже всю Москву на уши поднял. Буквально вывалилась из такси у порога дома, в полном раздрае, со стеклянными глазами и тремором во всём теле. В тот раз я за шкуру потащил её в клинику и на месяц запер там, пока её «чистили», а сам пошел к Шамилю с серьезным разговором, после того, как доктор поставил меня в известность, что у моей жены «проблемы».

Под давлением, тесть нехотя признался, что однажды с Нисар случилась нехорошая история, связанная с наркотиками. Что племянница Шамиля, та сама Линара, которую он приютил на свою беду в собственном доме, оказалась подлой тварью. Это она, под руководством своего дружка-бандита, распространяла запрещенные вещества, в том числе и в своей школе. Естественно, первыми жертвами становились дети богатых родителей, а Нисар как раз из таких, тем более что жила под одной крышей с этой гадиной. Но, к счастью, Шамиль успел вовремя вмешаться, еще до того, как ситуация стала критичной. Он избавился от племянницы и её влияния на дочь, спровадив подальше от дома, а дружок сам исчез с горизонта, испугавшись ареста. С тех пор всё было замечательно, и Шамиль без понятия, что могло случиться такого, что Нисар снова взялась за наркотики.

— Я отдавал тебе дочь «чистой», Заир, в этом смысле ты меня не можешь упрекнуть.

Я позволил себе мысленно усмехнуться: либо Шамиль сам так наивен, либо меня за дурака держит. Не была Нисар невинной. Нынче невинность измеряется не девственной плевой, которая легко восстанавливается хирургическим путём. Невинность она в душе, в поступках, а Нисар... О, нет. Только не Нисар.

— Возможно, ты сам уделяешь ей мало время? — продолжал тем временем Шамиль, не замечая иронии, пробежавшей по моему лицу. — Или у неё депрессия после родов, такое бывает у женщин, знаешь. Прояви терпение и мудрость, она ведь твоя жена, мать твоего ребенка. Реши эту проблему так, как подобает мужчине.

И я решал. Разговорами, уговорами, угрозами. Даже кулаками разок. К Нисар был приставлен человек, который под видом телохранителя, ходил за ней попятам и докладывал

обо всём, где и с кем она бывает и что делает. Но проходило от силы несколько месяцев, и жена опять исчезала, проявляя чудеса изворотливости.

Впрочем, теперь я знал, где её можно было найти.

После нескольких попыток вытащить Нисар из элитного наркопритона, спрятанного под вывеской неприметного «Оздоровительного Центра» в пригороде Москвы, у меня неожиданно состоялся разговор с его владельцем. Настоящим, а не подставным.

— Я никого здесь не держу, — сказал мне человек с неподвижным взглядом, имени которого я так и не узнал, и вряд ли узнаю. — Они сами приходят ко мне. И будут приходить. Уничтожишь меня — они найдут другое место, и, скорее всего, оно будет не таким комфортабельным и закрытым. Вот тебе мой совет: хочешь вытянуть свою жену из этого болота, сделай так, чтобы она сама этого захотела. А пока могу гарантировать, что твоя супруга получает «препараты» наивысшего качества, присмотр профессиональных медиков, и, разумеется, полную анонимность. Но сам понимаешь, это стоит дорого.

Вот так и получилось, что я еще и доплачивал за «комфортное» пребывание моей супруги под «препаратами».

Потом, когда Нисар возвращалась, происходило одно из двух: либо она запиралась в своей комнате на несколько дней, валялась в кровати, уставившись в стенку, никого к себе не подпускала и ни с кем не разговаривала; либо с порога устраивала целые представления с рыданиями, заламыванием рук и обещаниями завязать, и что мы с дочерью для неё самое важное в этой грёбанной жизни, и она готова на всё, чтобы сохранить нас.

Но я уже ничему не верил. Я не подходил к ней больше без презерватива, да и с ним уже редко подходил. У меня появились женщины на стороне — не много, но постоянные. Аську так вообще старался держать подальше от жены.

А потом случилась Марина — ласковая, сочувствующая, одинокая, что немаловажно для меня — с замужней не замутил бы никогда. Инициатива шла от неё. Начала издали, с намёков, с двусмысленных знаков при редких встречах. Но я делал вид, что не понимаю, потому, как была причина — Марина являлась подругой Нисар.

Да, я не примерный муж, признаю это. И всё же с подругой жены как-то не комильфо — зачем мне проблемы под боком? Других баб мало, что ли? Но всё как-то само собой получилось.

Однажды Марина позвонила поздно вечером — я только что вернулся с делового ужина и принял душ. Сказала, что случайно увидела Нисар в баре одного из клубов «сильно не в себе», и Марина решила привезти её на своей машине домой, и что они уже у наших ворот, сказала.

Я, как и следовало ожидать, психанул, связался с охраной, чтобы пропустили, а сам, как был — в трениках и без майки, навстречу вышел. Злость на Нисар грудь распирала — ведь только накануне разговор у нас серьёзный был — я специально Аську из-за этого к теще отправил, знал, что скандала не миновать. Нисар белугой ревела, с кулаками на меня кидалась, слюной брызгала, как одержимая, но я пригрозил, что на развод подам и ребёнка отберу, если в клинику не ляжет, не возьмётся за себя как следует. Согласилась. Вчера. И — на тебе сегодня!

Протопал босиком по плиточной дорожке до машины, хмуро кивнул поздней гостье, вытащил бесчувственное тело жены из внутренностей авто и понес в дом, не обратив внимания на то, что Марина следом увязалась.

Пока наверху укладывал свою непутёвую женушку в кроватку, с полчаса, наверное,

прошло. А когда спустился, Марина всё еще в доме была — сидела за барной стойкой, задумчивая вся такая, ладони о стакан с кофе грела.

Когда увидел её на кухне — улыбнулась виновато.

— Прости, я тут похозяйничала немного.

— Всё нормально, — успокоил я её, и пристроился напротив, только сейчас сообразив, что так и не оделся. — И на меня свари, что ли.

Вообще-то я на кухне редкий гость — это вотчина моей приходящей домработницы, но было приятно видеть красивую молодую женщину в длинном вечернем платье, хлопчущую для тебя у плиты среди ночи. Необычно. Непривычно. И так уютно.

Даже не заметил, как уже улыбаюсь, расслабленно почесывая грудь.

— Тебе не нужен кофе — спать плохо будешь. Это мне еще два часа до дому добираться, — усмехается Марина, а сама глаза прячет, пухлые губы кусает. И смущается. Да, ладно, кто в наше время еще смущается, глядя на полуголового мужика? Ну, никак не гламурная дамочка московского бомонда, привыкшая к вечеринкам и ночным клубам.

А Марина сползает с высокого табурета, неторопливо идёт к кухонным полкам, покачивая крутыми бёдрами прямо у меня перед носом.

— Давай, я тебе чай с чабрецом лучше заварю, я тут нашла случайно.

Убейте меня, если я знаю, что такое чабрец, но согласно киваю.

— Давай, — говорю, а сам глаза не могу оторвать от её танцующих медленную ламбаду ягодиц, обтянутых блестящим стрейчем, словно второй кожей.

Ладони вдруг потеют, я тру их об штанину на автомате, а Марина к шкафчику тянется за этим че... ча... за этой хренью, короче, выгибается вся над столешницей, как кошка, томно, тягуче, а у меня сердце тамтам выбивать начинает... Да, блядь, она же без трусов!

Ну, всё, Тураев, пизда тебе.

— Замри! — командую, сам вскакиваю со стула, обхожу барную стойку, и всё это, не отрывая глаз от потрясающего «ландшафта», раскинувшегося передо мной.

Марина так и застывает с поднятой вверх рукой и выпяченным задом, только обернулась слегка, глядя в замешательстве, как я приближаюсь к ней, откровенно поглаживая через ткань треников, свой вздыбленный член. Его тёмная головка уже торчит над резинкой, салютуя своей даме сердца на эту ночь о своей полной боевой.

Глаза Марины расширяются, губки складываются в очаровательное «О», а мой ствол дергается с ещё большим энтузиазмом — вот-вот из штанов выпрыгнет. Да, девочка, он у меня заводной, чертяка, и большой, придётся потерпеть. Но ты сама этого хотела, хотела же? Вот и получай.

— Стой так, — гаркаю, и прилипаю к Марининой спине как фольга к шоколадке.

Сначала слегка трусь всем телом, давая время скорее себе, чем ей, привыкнуть к мысли, что сейчас произойдет. Откидываю её распущенные волосы вперёд, открывая шею, дую в самую ямочку, отчего короткие волоски на ней тут же встают дыбом. Усмехаюсь про себя: самка всегда остаётся самкой, даже будучи человеком. Потом медленно прохожусь обеими ладонями по напряженным плечам, легко массируя их, затем ныряю под тёплые подмышки, подбираюсь снизу, через холмы груди, к вырезу платья, и резко дёргаю вниз. Марина ахает, а её груди выскакивают из чашечек лифа, как гигантские бобы из стручка, прямо мне в ладони. И в это же время мой член врезается ей между ягодиц в слепой жажде проткнуть тонкую ткань, добраться до живого.

— Я тут подумал, Марина...

Несильно мну податливую плоть — чёрт, её сиськи такие большие! Натуральные?! Покачиваю в ладонях — тяжелые. Пропускаю крупные торчащие соски между пальцев, едва сдавливаю их, и снова мну, наслаждаясь ощущением. Сжимаю её груди между собой и слегка тру их друг о друга, представляя себе, как мой ствол фигачит между ними.

— ...ну его, чабрец этот... — хриплю ей в ушко, и ещё интенсивнее поддаю членом под задницу. Скользящая ткань раздражающе трется о головку, размазывая мой предэякулят.

Утыкаюсь лбом в основание шеи Марины, вдыхаю её аромат. Она тоже тяжело дышит, оседает у меня в руках, цепляется за столешницу до белых костяшек на пальцах.

— Заииир...

Ну, хватит, довольно разогрева.

Быстро задираю платье — оно у неё в пол, но ткань тонкая, эластичная, легко собирается вокруг её талии. Оголяю зад — действительно, никаких трусов! — и звонко шлёпаю по нему ладонью. Не сильно, но чтоб остался след от моей пятерни. Коленом раздвигаю ноги в чулочках с ажурной вставкой — прелесть какая, но это потом, — а пока щедро облизываю два пальца и всаживаю их на всю длину ей в промежность. Мм-м... мокрая, блядь. Несколько раз вожу туда-сюда, подманиваю к себе, кружу легонько, и, как только чувствую сокращения влагалища, с причмоком вытаскиваю пальцы. А за ними сок её тянется, словно мёд вязкий. Готовая, киска!

Марина стонет, извивается, одной коленкой уже на стол лезет, попку свою ко мне сильнее выпячивает, приглашает меня к себе, в себя. Welcome, ну же! Нетерпеливая какая киска...

— Марина... — голос мой срывается, сипит от возбуждения, я полностью высвобождаю ствол из штанов и лихорадочно тыкаюсь в гладкие голенькие губки. Но кое-что еще осталось нерешённым.

— Ох, Марина, ты же всё продумала, да? Скажи «да», прошу тебя!

У меня глаза сейчас лопнут от натуги, но эта женщина просто умиляет меня до слёз, когда дрожащими пальчиками вытаскивает из своего длинного узкого рукава спрятанный там вожделенный квадратик и роняет его на стол передо мной.

— Ты ангел, Марина! — с облегчением выдыхаю, хватаю пакетик и рву зубами. — Ты ведь знаешь это, правда? Ну, конечно, знаешь... — бормочу полнейшую чушь, раскатывая латекс по члену. А потом крышу нам обоим сносит окончательно. И мы как двое животных совокупаемся под вздохи, стоны, крики и рычания, наплевав на то, что всего в нескольких шагах от нас спит в отключке чья-то жена и чья-то близкая подруга.

Глава 6. Заир

Место, где укрывалась Нисар, мы нашли быстро, в тот же вечер. Это оказалась небольшая гостиница на шесть номеров, с консьержкой — классической тёткой времён Совка. Классическим у неё было всё: лицо, причёска, размеры, прикид...

И беседа наша тоже проходила по классическому сценарию. Это было примерно так:

— Здравсти... Нет, мы не даём информацию о своих постояльцах. Нет. Нет, я сказала. Ну, ладно... Вот. Двухспальный номер на неделю. Тут написано — один ребенок, один взрослый. Нет, ребенка я не видела... Сегодня в обед, кажется. Как одета? Ну, как сейчас молодежь одевается? Куртка, штаны, кроссовки. Ключи на месте, значит, еще не вернулась... Нет, это не моя работа, за это мне не платят... Нет, я не могу впустить вас в номер, не положено... Ждите на улице, у нас тут не зал ожидания... Эй, вы куда, мужчина? Я сейчас полицию вызову!.. У меня тоже такая корочка есть! И дети есть!.. Я тоже сейчас орать начну!.. Ой, он мне сейчас всю гостиницу разгромит! Хулиган!.. Да, хорошо, хорошо, только успокойте своего товарища! Сейчас открою... Да не тащите Вы меня так, дайте я хоть ключи возьму... Псих ненормальный... Папа? Ну, ладно, раз папа...

**

Сидим в номере. Вернее, Аркадий сидит, с телефоном не расстаётся: кому-то звонит, даёт распоряжения, читает сообщения, отвечает. А я как зверь в клетке мечусь из угла в угол. Перед нами на полу развороченный чемодан каких-то совершенно невероятных размеров, у стены кровать разобранная, на тумбочке пачка сигарет и окурки россыпью.

Разминаю ладонью задеревеневшую шею. После четырёх часов ожидания, приходит осознание очевидного:

— Она не придёт, верно?

— Не придёт, — соглашается Зотов, продолжая что-то тыкать на экране.

— Рита спугнула её всё-таки. Так и знал!

— Дело не в этом. Боюсь, Нисар просто водит нас за нос.

— Что? Да отклейся ты от этого телефона! — срываюсь я.

Меня уже всё бесит: спокойствие Аркадия, тусклая лампочка под потолком, духота. И больше всего — это бесполезное ожидание. Мой НачБез, наконец, соизволил отложить гаджет.

— Объясни, что ты имеешь в виду?

— Посмотри вокруг, ничего не смущает?

Оглядываюсь. Раздраженно пожимаю плечами.

— Ну, бардак. Вещи разбросаны, и что?

— Чьи вещи?

— Нисар, разумеется, и... — я присматриваюсь более внимательно. Всюду женские тряпки: платья, свитера, нижнее бельё, всё комом. Взгляд натывается на маленького плюшевого медведя Аськи, одиноко валяющегося в углу. Морщусь, будто горького чего съел, чувствую, что в груди ныть начинает, дурное навевает. Нет-нет, не может этого быть...

Но Аркадий уже дерёт по живому:

— Детские колготки, плюшевый медведь и две кофточки, вот и все Асины вещи. Даже детской зубной щетки в ванной нет. И ведь не сразу разберёшь в этом бардаке, правда? А ещё личные документы отсутствуют, одно барахло. Твоя жена сделала финт ушами: она нас

отвлекает, а мы ведёмся.

— Что значит «отвлекает»? От чего?

— От главного.

И меня, наконец, накрывает:

— Ася?!

— Верно. Смотри: никто её не видел после Шереметьево, так? Ни мы, ни Рита, ни консьержка, никто. Но твоя жена для чего-то очень хочет убедить нас, что девочка с ней: она засвечивается в Игровом Центре — причём знает, что Рита там каждое воскресенье бывает, а, значит, нарвётся на неё. А регистрация в гостинице ребенка, который так ни разу и не появился здесь?

— Это значит, что Нисар держит Аську где-то в другом месте?

— Или её уже нет в Москве. И кто-то другой сопровождает девочку, пока твоя жена перетягивает на себя наше внимание, выигрывая для них время.

Мне показалось, что у меня сердце остановилось — в глазах потемнело, во рту сухо стало.

— Эта сука что, отдала кому-то Аську? Чужому человеку?!

— Чужому вряд ли. Это должен быть кто-то, кого она хорошо знает. Естественно, женщина. Родственница или подруга. Вероятно, живущая в Москве или в пригороде. Достаточно близкая, чтобы можно было доверить ей девочку. И она, скорее всего, не в курсе истинного положения вещей, иначе не стала бы помогать Нисар, скорее, обратилась бы в полицию. Значит, они давно не контактировали. Подумай, Заир. Есть такие на примете?

— Не знаю, Аркадий, — я морщу в напряге лоб, стараюсь собрать мозги в кучу, заставить себя рационально мыслить, но в голове стучит одно — мой ребёнок сейчас там, в ночи, непонятно с кем, неизвестно где. Может, ей страшно, может она голодная, где она сейчас спит, кто заботится о ней? Нисар, ну какая же ты дура, дура! Ничем не гнушаешься, да?! Сука, из-за своей упёртости играешь жизнью дочери!

— Заир?

Дёргаю головой.

— Чёрт, не соображу сразу, погоди. Подруга, говоришь? Мм... Марина тогда бы точно уже вычислила — у них там птичник настоящий, ни один секрет не держится больше пятнадцати секунд — ровно столько, сколько нужно, чтобы набрать номер на смартфоне и дождаться ответа. Да и нет у Нисар настолько близких друзей.

— Тогда родственница?

— С моей стороны однозначно нет, они все в курсе. С её только мать в Москве — после смерти Шамиля она практически живёт здесь; да ещё пару тёток знаю, но ты их всех лично проверял.

— А сёстры, племянницы? Двоюродные, троюродные? Совсем никого? Может, бабушки? Тоже вариант...

Раз пять по кругу перебираю известные мне имена знакомых. Женщина, это должна быть женщина... Стоп! Я чуть ли не подпрыгиваю на месте.

— Слушай, была у Нисар двоюродная сестра, они даже жили в одном доме, воспитывались вместе, но несколько лет назад Шамиль выслал её куда-то из Новороссийска. Где она сейчас — не знаю, может, и в Москве.

— Имя? Фамилия? Возраст?

— Дай вспомнить: Лина... Линара Эльшадовна Загитова, да, она тоже Загитова, сейчас

ей должно быть двадцать четыре, или около того — они с Нисар, в одном классе учились.

Аркадий уже велит кому-то пробить её по базе данных. А я мрачнею всё больше.

— Но ты знаешь, Аркадий. Я бы предпочел, чтобы Аська была сейчас с кем угодно, только не с ней.

— Почему?

— Это она посадила Нисар на наркотики. Эта рыжая бестия и её дружок-бандит.

Глава 7. Линара

Ну, да, я рыжая. Хотя, предпочитаю думать, что я всё-таки шатенка с красноватым отливом, а не просто — тёмно-рыжая смуглянка. У меня и веснушки есть. Не на лице, правда, как полагается, а на спине. Вся спина — сплошная россыпь мелких песчинок. Папа смеялся, помню, называл меня «мой маленький Барханчик». Рассказывал доморощенную легенду, что когда я была совсем крошкой, я уснула на пляже, и проспала так долго, что песок намертво прилип к моей спине и попе. (Про попу, кстати, тоже правда).

Никогда не комплексовала по этому поводу, пока в десять лет не переехала в дом дяди Шамиля. Его жена, тётя Роксана, сочувственно цокала язычком, рассматривая меня после ванны, словно я какая-то редкая зверушка.

— Вся спина, ц-ц-ц, вы только посмотрите, вся спина в этих пятнах! Бедняжка, — кудахтала она, качая головой, и кутала меня в закрытые платья и блузки даже в самую жару. Пока я не выросла, и не начала сама решать, как мне одеваться. Однако комплекс во мне уже успел развиться.

Долго еще после этого я не могла избавиться от него, но я боролась. Уже живя в Москве, записалась в бассейн и, пересиливая себя, надевала купальники с открытой спиной. Сначала казалось, что на меня все смотрят. Потом поняла, что никому нет дела до моих веснушек, да и, вообще — в бассейне и не таких видали.

А волосы я даже не пытаюсь красить. Блонд странно смотрится с моей смугловатой кожей, а черный слишком контрастирует со светлыми глазами — не хочется выглядеть, как вампир. Так что я решила, что мои волосы меня вполне устраивают. Особенно, когда выпрямляю плойкой их лёгкую волнистость и оставляю распущенными.

Но плойки под рукой сейчас нет. Поэтому я быстренько сматываю на затылке тугую гульку, и отворачиваюсь от зеркала придорожной уборной.

— А-ась? Ты как? Может, помощь нужна?

— Нет! Я сама!

Мы долго терпели с ней до очередной остановки, поскольку туалет в междугороднем автобусе я воспринимаю не иначе, как вертикально стоящий гроб — думаю, не надо объяснять, почему. А теперь представьте, что вам еще нужно затащить туда ребёнка. Уточняю: ребёнка в балетной пачке, которую тот категорически отказывается снимать. Ведь пока мы не добрались до моря, мы — «автобусные феи». Как-то так.

— Тётя Лина, я всё. Но я не могу надеть шганишки, — раздаётся жалостливо из-за двери.

Я злорадно ухмыляюсь в зеркало и стряхиваю над раковиной воду с рук:

— А знаешь, почему?

— Ну, тётя Лина, ты обещала!!

— Ха-ха-ха...

Противно смеюсь, изображая Малефисенту, и дёргаю бумажную салфетку с держателя.

— Хорошо, Автобусная Фея, закрыли тему. Выходи, как есть, будем исправлять положение.

— Ну, вот, всё в порядке.

Я оправляю уже слегка обвислые тюлевые оборочки и встаю с колен.

— Ой, тётя Лина, я забыла свою волшебную палочку! — розовая пачка снова исчезает в

кабинке со скоростью летающей тарелки, а в дверь туалета опять колотят — кому-то давно приспичило.

— Еще одну минуточкууу, мы забыли палочкууу... — пою я, закатывая глаза.

Наконец выходим из мини-маркета при заправке, и направляемся к своему автобусу. Народ неспешно прогуливается вокруг, разминая ноги после долгого сидения, потягивает кофе, кто-то курит.

Мы в пути уже четыре часа. В принципе, всё идет ровно, если не считать некоторой гиперактивности моей племянки, которая успела перезнакомиться со всеми пассажирами и сопровождающими их питомцами, каковых было всего два:

Кот Чевик (сокращенно от Че Гевара) вышел со своим хозяином еще в Кашире, а вот мопсу Лютику не так повезло — его путь лежал аж до самого Ельца.

— Ой, смотри, тётъ Лин, Лютик без меня гуляет!

Аська срывается через всю заправку к лысой клумбе, где страдающий от ожирения мопс топчется вокруг единственного оставшегося в живых кустика поздних октябрин.

— Только не суй ему в нос свою палочку, а то он снова откусит звезду, а у меня больше нет жвачки, чтобы склеивать её! — успеваю крикнуть вслед.

— Лад... тётъ... Ли...!

Бедный Лютик с печальной обреченностью терпит очередной бешеный натиск Аськиной заботы. Его хозяйка, Лидия Эдуардовна («зовите меня Лидочкой, пожалуйста»), тощенькая старушка лет семидесяти, укутанная до бровей в козью шаль, относится к этому действию философски.

— Дети! Они такие непосредственные в этом возрасте, — умиленно вздыхает она, отпуская на всю длину десятиметровый поводок, в котором уже путается и мопс, и Аська.

Как я уже говорила, Лидочка держит путь в Елец, к сестре.

— Лютику зимой в Москве тоскливо, — поясняет она. — Я его всегда везу к Зиночке в это время года. У неё свой дом, прекрасный свежий воздух, корова в сарайчике.

Слово «корова» Лидочка произносит с трепетом, будто речь идет о каком-нибудь доисторическом млекопитающем: «...У неё свой дом, прекрасный свежий воздух, парацератерий в сарайчике...»

— А квартиру сдаю до весны.

— Очень практично, — вежливо отвечаю я, а сама краем глаза кошусь на то, как Аська скармливает мопсу ореховое ассорти, которое я ей купила в буфете. Тот воротит морду, но Ася умеет быть настойчивой, и я в серьёз начинаю опасаться, что у пса может случиться завороток кишок. В дороге это было бы очень некстати.

— Асенька, солнышко, Лютик не любит кешью, он убежденный мясоед, — спасает положение хозяйка. — Мы с тобой позже покормим его папшкетом, ладно? О, кажется, зовут в автобус. Давайте, девочки, поторопимся, а то без нас уедут.

— Я помогу тебе, мой хорошенький! — радостно восклицает моя племянка, хватая мопса под передние лапы, и, пыхтя, тащит в автобус. В глазах Лютика читается вселенская тоска.

Следующая остановка примерно через час. И тут у нас случается... ЛЮБОВЬ.

Глава 8. Линара

— Привет! Я Паша.

— Нет, я Паша, а он Саша. Привет!

— А он настоящий?

— А очки тоже настоящие? Ух ты!

— Прямо как у Клауса, из «Изгнанника», да же?

— Точно!

— А дашь примерить?

— А мы тебе во чё дадим!

Надо было видеть Аську в этот момент. Совершенно обалдевшая, она переводит растерянный взгляд с одного лица на другое — абсолютно идентичное, и обратно, и снова обратно. Словно в её руках вдруг каким-то чудом оказались два вкуснейших леденца, и она не знает, какой из них облизать первым — хочется оба, и сразу, да так хочется, что аж слюни текут!

А два близнеца-леденца лет шести, с кудрявыми льняными волосами и невозможно голубыми глазами, красивые, как херувимы, с чисто мальчишеской непосредственностью и энтузиазмом тычут пальцами в Ашкин шлем-авиатор.

— А ты в нем на самолёте летала?

— Нас папа только на воздушном шаре катал.

— Летала когда-нибудь на воздушном шаре?

— А? Нет...

Моя Ася потеряла дар речи? Вот это новость!

**

Я сижу рядом с симпатичным, хотя и ничем не примечательным папой близнецов, — вот даже не верится, что он родитель этих красавцев, честно, но его небесно-голубые глаза подтверждают на все сто, что так оно и есть; а наши дети оккупируют сидение впереди нас. Я могу лишь наблюдать их кудрявые макушки, выглядывающие из-за спинок кресел — две совершенно белые и одна чёрная, как смоль. Моя Ася успела расплести косу, распустить волосы по плечам и напялить неизвестно откуда взявшуюся тиару — та еще кокетка, — а её авиатор кочует с одной белокурой головы на другую, примерно через одинаковый промежуток времени.

Дети заняты исключительно собой вот уже пару часов, и больше ни в чьём обществе не нуждаются, слава Богу. Прислушиваясь к их болтовне в пол-уха, я наслаждаюсь долгожданным покоем, и, убаюканная плавным ходом автобуса, лениво веду беседу с Валентином.

— Вас, наверное, замучили ненужным вниманием, да?

— Сейчас уже ничего. А вот, когда Сашка и Пашка маленькими были, доходило до того, что я на коляску вешал табличку «Руками не трогать!».

— В самом деле?!

Мы смеёмся.

— Вот, везу их от бабушки с дедом домой, в Воронеж.

— А мама?

— Она у нас концертирующая пианистка. Сейчас на гастролях, на Дальнем Востоке.

— А вы, значит, детьми занимаетесь?

— Мне в радость. Я по профессии повар, так что и дом на мне.

— Вашей жене можно позавидовать.

— А Вы?

— О, ничего особенного. Работаю в больнице санитаркой, выводы делайте сами. Вот, с племянницей кутнуть решили, в отпуск махнули.

— Вы с ней хорошо ладите.

— Это легко, на самом деле. Ася удивительно коммуникабельный ребёнок.

— А на кого она похожа? На папу или на маму?

Вот это вопрос, ха! Я даже растерялась, по правде сказать. Почему я раньше не задумалась над этим, не присмотрелась к Аське повнимательней? Ну, цвет волос и глаз, положим — в Нисар. Кудрявая, возможно в Мансурова, — у того шевелюра тоже знатная была, его локонам даже девчонки завидовали. А вот Тураева я толком не видела, глаза только в памяти остались — чёрные-пречёрные, пронзительные такие.

По телу пробегает дрожь, и я трясусь головой, пытаюсь отделаться от этого странного ощущения, взявшегося из ниоткуда.

— Что точно могу сказать, не на меня, — отшучиваюсь неловко, но Валентин неожиданно возражает.

— А вот это вы напрасно. У вас похожий темперамент, одинаковая живость, у вас даже выражение лица одинаковое, когда вы смеётесь или хмуритесь. Вы словно настроены на одну волну, понимаете? Это гораздо важнее, чем внешнее сходство.

— Правда? Хм-м...

Одинаковый темперамент? Когда-то я действительно была неугомонной и живой, как Аська, но подростком стала угрюмой, скрытной и забитой. Всё держала в себе: страхи, переживания, обиды. Нисар, порой, изводила меня лишь затем, чтобы раскрутить на эмоции, вытащить их из меня. Зачем? Иногда просто так, от скуки, а иногда, чтобы побольнее ударить в тот самый момент, когда я раскрыта и наиболее уязвима. А ещё она отличный манипулятор.

Ася же искренняя, светлая, как солнечный лучик. Но я-то знаю, как запросто его может погасить людская злоба, недоброжелательность, жадность, зависть, или обычное равнодушие. Нельзя такого допустить. Ни в коем случае.

**

В Ельце мы прощаемся с Лютиком и Лидочкой. На автовокзале их встречает Зиночка — почти точная копия сестры, только вместо пальто и шали на ней красуется классическая фуфайка и бабский платок в цветочек. Сёстры обнимаются, целуются, а Лютик в это время с восторгом носится вокруг них неловкой иноходью, обнюхивая резиновые сапоги Зиночки и накручивая на них поводок. Затем благосклонно позволяет затащить себя в машину, где сразу упирается передними лапами в окно, и "улыбается" всем нам, высунув язык, выражая тем самым свою безмерную радость. Следом влезает старушки, причем Зиночка садится за руль, из-за которого её почти не видать, и громадный джип, заляпанный по окнам отборным черноземом, с пробуксовкой рвёт с места.

Мы машем им вслед еще какое-то время, и возвращаемся в автобус, торопясь укрыться от накрапывающего дождя. До Воронежа остаётся всего ничего, и Аська начинает грустить, осознавая, что скоро придётся расставаться и со своими «леденцами».

Глава 9. Линара

Сидим в небольшом аэропорту, ждем регистрацию. Зал такой крохотный, что даже не верится, что там, за стеной, садятся и взлетают огромные лайнеры. Устроились мы неплохо. Несмотря на скромные размеры, аэропорт выглядит современным, и здесь есть всё необходимое, а главное — удобные кресла, в которых нам предстояло просидеть несколько часов до нашего рейса.

Склонив голову, Ася ковыряется в своём рюкзаке, пряча от меня надутые губы.

— Ты не понимаешь, я просто не знаю, кого люблю больше — Сашку или Пашку. Мне кажется, обоих одинаково. Я совсем запуталась!

— Вырастишь — разберёшься, — уверяю я племянку, придвигаясь к ней ближе и стараясь приобнять.

Девочка моя в печали, и я её хорошо понимаю. Что ж, первая любовь — она такая, сладко-горькая.

— Что ты делаешь? — интересуюсь, между прочим, в попытке отвлечь Аську от грустных мыслей.

— Брелок прицепить хочу. Не получается.

— Оторвался, что ли? Давай помогу.

Я вынимаю из пальчиков Аси маленький брелок в виде рыбки — вроде как я уже такую раньше видела. Присматриваюсь к сломанному замочку.

— Где ты её взяла?

— Нашла.

Я верчу в руках явно не простой брелок — это же подвеска Нисар, я вспомнила её!

— Где нашла?

— На полу. В коридоре.

— Коридоре? У меня дома?

— Да. Это мамина. Она потеряла, а я нашла. Приделай мне её вот сюда.

Наверное, оторвалась, когда Аська зацепилась за неё своими космами.

Крепить подвеску из золота на детский рюкзачок идея так себе, а с другой стороны, эта вещица, при ближайшем рассмотрении, даже не похожа на золотую — слишком лёгкая. Так, позолоченный металл, округлый, напоминает блесну для рыбалки, только поменьше и поизящнее. Но если не золото, зачем Нисар носила его на шее среди прочих украшений?

Ну, носила и носила, что с того. Нисар тогда много чего странного делала. И вела себя странно: дерганная вся, нервная, хотя это как раз объяснить можно. Но иногда она вдруг замирала на месте, словно забывала, куда и зачем шла. И взгляд при этом пустой, бессмысленный, и тем пугающий.

Однако больше всего меня поразило, когда она вдруг спросила:

— Ты до сих пор ненавидишь меня, верно?

Я тогда с удивлением воззрилась на неё:

— Тебя действительно это интересует?

Нисар поджала губы и неопределенно покачала головой: толи «да», толи «нет», и ушла от темы, а я попробовала прислушаться к себе.

Нет, я не ненавидела сестру, это чувство слишком личностное, точечное, что ли. Моя же обида выходила за рамки частного. Это обида маленькой девочки, несправедливо и внезапно

лишенной родительской любви в той мере, в которой каждый ребёнок обязан был получить для себя, чтобы почувствовать свою защищённость, нужность. Тётя и дядя не смогли мне этого дать — у них была их обожаемая Нисар, меня же сразу отбросили за эмоциональный барьер. С чем я, с трудом, но смирилась.

— Ну, вот, готово.

Я встряхиваю сумочку, чтобы убедиться, что рыбка крепко держится на шнурке среди множества других брелоков, но Аська уже потеряла к ним интерес, сидит, зевает во весь рот, глаза осоловелые совсем. Соображаю, что ребёнок мой утомился за почти десять часов путешествия. А впереди еще длинный перелёт с пересадкой. Сейчас, когда пройдено больше половины пути, поражаюсь самой себе: как я осмелилась пуститься в эту авантюру, да еще и с маленьким ребёнком? С другой стороны: а у меня был выбор?

— Поспи немного. Нам еще долго ждать.

Я снимаю с Аськи ботиночки, пристраиваю ноги на соседнее кресло, голову кладу себе на колени, а плечи прикрываю курткой. Племяшка не возражает, лишь ворочается, укладываясь поудобней.

— Ты же взяла их номер телефона? — спрашивает сонно, а я улыбаюсь про себя — не утомонится никак.

— Да, детка.

— А фотки сохранила?

— Сохранила, сохранила. Спи.

— Мы им позвоним, когда приедем, да?

— Обязательно. Мы же обещали.

— Тетя Лина?

— Что, милая?

— Я тебя тоже люблю.

— И я тебя. Очень.

Глажу её кудрявые волосики, а у самой сердце так щемит, что плакать хочется. И, вдруг, понимаю, что это чистая правда: я полюбила Аську всем сердцем. Когда только успела?

Глава 10. Заир

— Ну, что там, Евгений?

— Нашли! В шестнадцать сорок две картой Загитовой прошла оплата: два билета на авиарейс Воронеж — Стамбул — Анталия.

— Анталия? — почему-то удивляется Аркадий.

Меня же выбешивает другое:

— Из Воронежа? Какого хера её туда понесло?

— Чтобы не светиться в Московских аэропортах, и на ЖД, кстати, тоже: у нас здесь везде заслоны, она это знает, так что всё логично. Когда рейс, Жень?

— Уже двадцать минут, как взлетели.

— Чёрт!

Аркадий снова утыкается в планшетник:

— Им лететь часа три, в Стамбуле таможня и пересадка, это еще пару часов, а то и больше, а до Анталии еще полтора. Времени впритык. Но если вылетим немедленно, успеем добраться раньше и встретить их там. Жень, фрахтуй самолёт.

— Полетим на моём, так быстрее, — я срываюсь с места. — Коля! Звони в ангар, пусть готовят.

— Да, Заир Самирович.

Открываю сейф, вытаскиваю оттуда паспорта, пачку валюты, страховку — всё, что может пригодиться в поездке — это у меня всегда наготове. Чувствую, как НачБез сверлит взглядом мою спину.

— Заир...

— Не надо, Аркадий, — предупреждающе шурюсь на него. — Знаю, что ты сейчас скажешь, но я не намерен отсиживаться здесь, пока моя дочь с этой...шмарой. Я еду с вами.

— Судя по характеристикам, никакая она не шмара: честная труженица, живёт замкнуто, скромно, за последние шесть лет не привлекалась.

— Не словили просто. Она наркоманка! И в прошлом воровка, делинквентка. Теперь знаю, кто снова спихнул Нисар на кривую дорожку. Тварь! Подумать только, и именно ей эта дура добровольно вручила мою дочь. Да она ни минуты не должна находиться рядом с Аськой, это противозаконно!

— Хорошо, — сдаётся Аркадий, и устало чешет отросшую щетину. — Полетим все вместе. Только условие, Заир: никакой самостоятельности. Сначала думаем, согласовываем, потом действуем, о'кей? И главное — ты держишь себя в руках и не мешаешь мне работать.

Честно, меня уже клинить начинает, мне хочется врезать Зотову. Вот как бы он держал себя в руках, если бы его дочь похитили, с перспективой вывоза из страны? Посмотрел бы я на него тогда. Только нет у Аркадия никакой дочери, и жены тоже нет. Впрочем, как раз последнему я бы ещё и позавидовал.

Поворачиваюсь к нему, и без okazji говорю:

— Значит так, Зотов: твоя работа — безопасность компании, моя — безопасность моей дочери, понятно? И что я посчитаю лучшим для неё, то и буду делать.

Вижу, мой невозмутимый НачБез уже закипает потихоньку, мордой багровеет:

— К сожалению, сейчас одно неразрывно с другим, — рычит он. — Сам ведь не хуже меня знаешь, если вырвать Асю из логической цепочки, мы потеряем Нисар, а вместе с ней

упустим шанс выйти на заказчика.

— Да насрать! И на Нисар и на заказчика!

— Это ты сейчас так говоришь, а когда треть твоего бизнеса ляжет, по-другому запоёшь! — орёт он. — Этим шакалам только дай слабину твою почуять, кинуться сворой, сожрут, и мяса на костях не оставят! Будешь тогда всю оставшуюся жизнь на почте посылки сортировать, чтобы Аську свою прокормить.

Однако Зотов быстро сбавляет тон и примирительно хлопает меня по плечу.

— Всё, Заир, всё, хватит плевать эмоциями, начинай уже мыслить здраво, пора уже. Асю, считай, мы нашли, больше не упустим. И все, кто нам нужен, теперь сами к нам в руки приплывут, вот увидишь. Ты только горячку сейчас не пори. Договорились, ну? Договорились?!

Я стряхиваю с себя его тяжёлую, как кувалда, ладонь, которой он шмякает меня, словно хочет вдолбить этот самый здравый смысл в мой позвоночник. А я и вправду, словно не в себе: чую, как ноздри мои раздуваются, грудь ходуном ходит. Да ё-моёёё...

— Ладно, — выдыхаю. — Но я буду следить за этой сукой двадцать четыре часа в сутки. И если что-то мне не понравится, я тут же забираю Аську, и плевать на остальное. Я всё сказал.

Аркадий качает головой, а я проверяю в карманах портмоне, телефон, ключи от машины, хватаю сумку, куртку и иду на выход. Не оборачиваясь, кидаю:

— Встретимся в ангаре через сорок минут.

Я знаю, что Аркадий прав. Вот уже какое-то время я ощущаю на своих плечах давление извне. Мелкие и крупные сбои в отлаженной системе, взбросы в СМИ, после которых цены на акции компании резко падают вниз, перемена настроения у некоторых моих постоянных партнеров и недовольное бурчание среди совета директоров — всё говорит о том, что против меня ведется подковёрная война. Мне не привыкать, бизнес по-другому и не делается. Но то, что в эту войну втянули мою семью — очень хреново. Мне надо найти эту гниду и прижать к ногтю. И не из-за боязни потерять треть бизнеса, которому я посвятил всю жизнь, а из-за того, что посмели тронуть семью, святое.

А ещё эта... Линара... мать её, имя-то какое! Слишком благородное для этой прошмандовки. Жаль, плохо разглядел её тогда, у Шамиля. Помню только коленки острые в черных плотных колготках, что мелькали над ступеньками со скоростью велосипедных спиц, да волосы каштановые, с каким-то неестественным мандариновым оттенком. Рыжая? Или красилась уже тогда? Как только дядя допустил?

Хлопаю дверь внедорожника, топлю педаль газа и срываюсь в промозглую морось ноябрьского вечера, кромсая темноту светом от фар.

Ладно, шмара-Линара, скоро встретимся. И молись, чтобы с моей Ашкой ничего не случилось, иначе ты нежилец на этом свете. Нежилец...

Глава 11. Линара

— Смотри, Ась, — я тычу в монитор, вмонтированный в спинку впереди стоящего пассажирского сидения. Там в онлайн режиме медленно двигается наш маленький желтый самолёт. — Мы прямо сейчас над морем пролетаем. Уже завтра будем в нём плескаться. Любишь в море плавать?

— Я только в бассейне плавала. Тётя Марина говорит, что в море не гигиенично плавать.

— Гигиенично, — поправляю её. — А кто такая тётя Марина?

— Папина подруга.

Хм. Интересная формулировка. Искоса посматриваю на Аську, которая, развалившись в кресле, методично перебирает своими маленькими юркими пальчиками синтетические волосы Барби, превращая их в неряшливые дреды.

— Наверное, ты хотела сказать мамина?

— Нуу... немножко мамина, но больше папина.

Что-что? Ну-ка, ну-ка...

Я взбадриваюсь, эгоистично радуясь тому, что можно хоть чем-то оживить скучный многочасовой перелёт, от которого устала даже я. Что уж говорить о ребёнке?

Выпрямляюсь в кресле и закидываю пробный шар:

— Она, наверное, старенькая, да?

— Кто?

— Тётя Марина.

— Нуу... наверное. Она как...

— Как бабушка Роксана?

— Нет, она... как вон та тётя.

Аська крутит головой, а потом кивает на кресло через ряд, где, уткнувшись в журнал, сидит элегантная женщина, которой на вид не больше тридцати. Мои брови взлетают от неожиданного сравнения.

— И такая же красивая?

— Она... мм... большая. Вот тут, — Аська смешно выпячивает руки перед грудью. — И тут. Руки смещаются к бёдрам.

Толстая? А, ну, тогда ладно. Откидываю голову на подголовник, справедливо полагая, что развивать дальше тему нет смысла. Но странно как-то. Я чувствую одновременно и удовлетворение и разочарование. И никак не могу успокоиться. После минутного молчания, я всё же не выдерживаю, и снова поворачиваюсь к Аське:

— А тут тоже большая? — указываю на талию.

— Нет, тут маленькая. Вот такая.

Ох тыж... Прямо песочные часы какие-то. Я хмурюсь. Нет, мне это определённо не нравится. Не спеши с выводами, Загитова, уговариваю сама себя. Это лишь слова ребёнка.

— Ась, а ты с ней дружишь?

— Ага. Она часто приходит, когда мамы нет. Покупает мне пирожные всякие и кукол там разных.

— А где в это время мама?

— В саратории.

— Санатории?

— Да, она там по многу дней отдыхает.

Что за бред? Нисар ничего не говорила ни про санаторий, ни про Большую Тётю Марину.

Любопытство пересиливает голос совести, и я продолжаю бесстыже вытаскивать из Аськи сведения, которые меня весьма и весьма заинтриговали.

— Так вы с тетей Мариной в бассейне плавали, да?

— Нет, она не плавала, только на лавочке лежала.

— На шезлонге?

— Ну... да, а я с папой плавала.

— И где это было?

— В Сочи. Мы ездили летом на папином самолёте.

Так-так-так, Заир Самирович. И как это прикажете понимать? Откровенный адюльтер при живой-то жене? Не стеснясь ни родных, ни друзей, ни даже собственной дочери?

Делаю над собой усилие, вспоминаю Тураева. Да, он красив, бесспорно. Высокий, но не до безобразия. Крепкий, как дуб. Взгляд, от которого хочется укрыться. И, судя по фотографиям, что я видела в интернете, мужское эго прёт из него, как лава из действующего вулкана. Но он совсем не дамский угодник. Ну, вот ни разу! Хмурый, не улыбочивый, словно недовольный всем и вся. Он улыбался только на тех фотографиях, где был с Аськой.

— Ась, а тетя Марина тебе когда-нибудь завтрак готовила?

Вот этот вопрос меня очень интересует. Но Аська ловко увиливает от ответа:

— Мне готовит Полина Саввна, наш повар. Потом Ник Никович — это наш шофер везет меня с Катей — это моя няня, в садик. А вечером домой. Часто меня папа забирает. И выходные все я с папой. А иногда и с тетей Мариной тоже.

— А мама?

— А мамы нет.

«А мамы нет». Ребёнок так равнодушно говорит об этом, что мне становится страшно. Нисар, что с тобой не так, а? Что ты скрыла от меня?

Глава 12. Линара

Анталия встречает нас ночной прохладой. Я выношу Аську из самолета на руках, она спит, как сурок. Ничто не может её разбудить: ни гул самолётных двигателей, ни гомон пассажиров, толпа которых выталкивает нас, словно приливной волной, в зал выдачи багажа. Тут я решаюсь на крамолу: укладываю Аську в кресло и тихонечко стягиваю с неё вконец истрёпанную пачку, оставив девочку в тонком свитере и гамашах. Фуф-ф... Хорошо, что прилетели ночью, а то бы мы уже сварились.

Первым делом проверяю телефон: от Нисар тишина. Мне же звонить ей некуда, свой номер она мне так и не оставила. Что ж. Буду действовать по плану.

Перекидываю ремешок сумки через голову, сую свёрнутую кое-как пачку под мышку и осторожно беру Аську снова на руки. Ну, так, теперь багаж.

— Ой!

Лёгкий толчок сзади выбивает из подмышки чёртову пачку, и она розовой ромашкой живенько расправляется прямо передо мной на мраморном полу, и тут же какой-то недотёпа успевает наступить на неё. Вот же!

— Эй! Смотрите, куда идёте! — возмущаюсь я.

— Простите, — парень спохватывается, подбирает юбочку и отряхивает, разглядывая её в недоумении. — Ээ... это...

— ...мая карма, — устало улыбаюсь я. — Суйте её вот сюда, только сверните потуже, пожалуйста.

Я топорщю локоть, парень сворачивает тюлевую тряпку в крепкий рулон, и теперь она напоминает розовый веник, а потом суёт её мне назад под локоть, но вдруг передумывает.

— Нет, давайте, я Вам всё же помогу. Вы за багажом?

Да простит меня моё отточенное до предела чувство самосохранения, но я сейчас не в том положении, чтобы отказываться от помощи. Особенно, когда её предлагает такой симпатичный молодой человек. Я вымотана. Я потная, голодная, отчаянно мечтающая о душе и кровати любой величины, женщина с ребёнком, с которой почти нечего взять. И я решаюсь.

— Да, вон та линейка.

— Пойдемте.

Упираю глаза в крепкую спину мужчины и отчаянно завидую: сильный, уверенный, с лёгкой упругой поступью молодого животного, при этом не обременённый никаким багажом — я это и в прямом, и в переносном смысле. Легкая спортивная сумка не в счёт. А вот на себя со стороны смотреть тошно: усталая, взмыленная, «старая» (в кавычках, конечно) кобыла, нагруженная по самые брови, еле шаркающая запыленными кроссовками по полу.

— Вон тот чемодан, с коричневым лейблом, — указываю подбородком на медленно подползающий к нам кофр.

Парень с лёгкостью подхватывает его и ставит рядом.

— Есть еще?

— Есть, но пока не вижу.

— Подождём, — мужчина приветливо улыбается мне. Его серые глаза с цепким интересом рассматривают меня, и я отчего-то смущаюсь, понимая, что выгляжу сейчас далеко не лучшим образом. Похоже, он чувствует мою неловкость, и взгляд его размывается,

становится мягче. — На отдых приехали?

— Да.

— Я тоже. Долгожданный отпуск.

— А у нас нежданчик. О, вон тот, синенький! Ой, спасибо.

— Да не за что. Вас встречают?

— Нет, такси возьмём.

— Тогда пошли вместе, мне тоже на такси. Давайте ваши вещи, я-то сам налегке.

Он укрощает заевшую, было, ручку на одном из чемоданов, и, принаравливаясь к моему шагу, без усилий катит их вперёд.

— Кстати, меня Женей зовут. А Вас?

Я легонько подбрасываю на занемевших руках сползающую с меня Аську. Она кряхтит, но тут же снова укладывает голову мне на плечо и замирает. С её волос мне жарко невозможно, но я стойко терплю, лишь бы она так и продолжала спать.

— Линара. А это Ася.

— Дочка?

— Племянница.

— Смотри-ка, спит, хоть бы что.

— Да. Отключается, как лампочка — чик, и всё. На самом деле это счастье, которое не всем дано.

— Не тяжело Вам?

— Своё рук не тянет, — бессовестно вру, сдувая с носа выбившуюся из узла влажную прядь волос.

Выходим на улицу, залитую ярким искусственным светом. Перед нами целый ряд желтых машин с характерными шашечками, ждущих своих клиентов.

— А вот и такси, — с облегчением выдыхаю я, и ломлюсь к ближайшему, но Женя меня останавливает, мягко удерживая за локоть.

— Нет, этого не берите. Вот тот дядечка надёжнее. И машина у него получше.

— Вы разбираетесь в таксистах?

— Часто по командировкам мотаюсь, опыт есть. Эй, saygın! — Евгений взмахом руки привлекает внимание седовласого крепыша в клетчатой рубашке и жилетке.

Тот резво подбегает к нам, и, не спрашивая, хватает чемоданы и тащит к своему железному коню.

— Merhaba, Antalya'ya hoş geldiniz! (*Здравствуйте, добро пожаловать в Анталию!) — сияет он белозубой улыбкой на смуглом лице, быстро перебирая своими короткими крепкими ногами. Еле успеваю за ним. — Едем хорошо, быстро, спасибо!

Я просто смеюсь с этих таксистов.

— Так Вам куда, Линара?

— Ой, — спохватываюсь я, вспоминая, что записка где-то в глубине сумки, и сейчас её не достать. — Отель «Мираж» чего-то там.

— «Mirage park Resort»?

— А есть другие «Миражи»?

— Ну, других поблизости точно нет.

— Значит, туда. Всё верно.

— Что ж, отличный выбор, потому что мне туда же, — следом за чемоданами, Евгений кидает в багажник и свою легкую спортивную сумку. — Sevgili dostum, «Mirage park Resort

Hotel».

Я немного говорю по-турецки, поэтому понимаю, что Евгений договаривается с водителем, чтобы тот довёз нас до нужного отеля.

— Elbette, oturun (*Конечно, присаживайтесь), — водитель гостеприимно распахивает передо мной заднюю дверь.

— Çok teşekkür ederim! (*Большое спасибо!) — вставляю я своё веское слово, и с чисто женским тщеславием жду реакции Евгения. Тот одобрительно качает головой.

— А у вас лучше получается, чем у меня.

— Спасибо тёте, которая любила прихвастнуть своим происхождением, — парирую я скромно, в тайне наслаждаясь похвалой, и лезу в салон машины, стараясь не задеть ребёнка.

— Давайте, я подержу девочку, — торопится мне на выручку мой новый знакомый, но я вдруг крепко цепляюсь за Аську.

— Нет, я сама! Ох, извините, — виновато улыбаюсь, запоздало соображая, что своим недоверием обижаю моего нежданного помощника. Но тот, кажется, ничуть не смутился.

— Не извиняйтесь, я понимаю. Мы знакомы всего ничего. Но надеюсь это исправить в скором времени.

Какой же он милый!

Мы устраиваемся, и, такси, наконец, трогается с места.

— А вы откуда знаете турецкий? — я пытаюсь всё же затушевать свою грубость светской беседой.

— Работал как-то с турками, пришлось выучить пару фраз. Но у меня, как говорится, неистребимый рязанский акцент. Мои друзья просто угорают над ним.

Аська начинает ворочаться, и я переключаю всё внимание на неё. Бедный ребёнок, вся в испарине. Скорее бы добраться до места.

Мы едем довольно долго, небо над горизонтом уже начинает светлеть. Меня укачивает, и я подрёмываю потихоньку. Евгений не докучает разговорами, за что я ему крайне благодарна. Он с кем-то переписывается на смартфоне, оглядывает окрестности, а мне, признаться, не до них — устала смертельно просто.

Чувствую, как меня трясут за плечо.

— Линара, приехали.

— Уже? — с трудом открываю глаза — как же спать хочется!

— Давайте мне Асю. Давайте, давайте, а то вместе с девочкой упадёте.

В этот раз не сопротивляюсь. Просто нет сил. На полусогнутых выползаю из машины — мышцы болят, спину едва удаётся разогнуть. Линара, Линара, похоже, ты переоценила свои физические возможности.

— Этого просто быть не может.

Стоим в шикарном, но пустом в этот час, фойе. Аська продолжает спать теперь уже у Евгения на руках, совершенно не чуя разницы. А я расстроена до невозможности, потому, что номер — вернее коттедж, поскольку отель «Мираж» это нечто вроде коттеджного посёлка, — Нисар для меня так и не забронировала, а свободных нет.

— Может, поселитесь в другой гостинице? Ближайшая недалеко отсюда, — предлагает Женья.

— Но я должна... То есть, мне нужно остановиться именно в этом отеле, понимаете?

Вижу, что Евгений озадачен, но вопросов лишних не задаёт, лишь кивает, словно уже решил для себя что-то.

— Ладно, раз так. Тогда посидите пока здесь, я сейчас постараюсь всё уладить.

Присаживаюсь в мягкое кресло, больше смахивающее на трон, и осторожно беру Аську из рук Евгения, а он торопиться назад к стойке ночного портье и о чем-то договаривается с ним в полголоса. А вдруг всё же придётся селиться в другую гостиницу? Как тогда сестра найдёт нас?

Усталость не даёт мне паниковать в полную силу, и я малодушно решаю положиться на судьбу и своего нового знакомого: ну, раз взялся парень изображать из себя рыцаря на белом коне — то и флаг ему в руки. Когда ещё мужчина добровольно возьмётся решать мои проблемы? А я слишком устала, чтобы противиться.

— Ну, вот, — голос Евгения, в который раз выводит меня из дремотного состояния. — Сейчас вы идете в мой номер и отсыпаетесь, а вечером заселитесь уже в свои апартаменты: администратор уверил меня, что к тому времени что-нибудь для вас найдется.

Я безумно рада, но всё же совесть начинает мучить меня:

— А как же Вы?

— За меня не волнуйтесь, перекантуюсь в другой гостинице, а завтра вернусь сюда. Будем соседями.

— Боже, мне так неловко. Если бы не Аська, я ни за что бы Вас не стеснила... Спасибо Вам огромное!

— Не за что. Пойдёмте, помогу вам заселиться.

Вместе с сонным консьержем, Евгений провожает нас до самого коттеджа, шикарного, что снаружи, что внутри. У меня челюсть отпадает, когда я вижу роскошный интерьер одной единственной комнаты, которую чуть ли не полностью занимает огромная кровать. Небольшая кухонька приютилась в углу, справа раздвижные панели ведут во внутренний дворик, огороженный со всех сторон высокой и плотной живой изгородью. С удивлением обнаруживаю там душ и унитаз под открытым небом — это, право, забавно!

Пока я с интересом оглядываюсь по сторонам, Евгений невозмутимо укладывает Аську в постель, сам снимает с неё ботинки, свитер, трикошки, оставляя её в одних трусиках и маечке, и заботливо укрывает простынёю. На мой немой вопрос усмехается.

— У меня сводному братишке три годика, так что опыт есть.

Не могу не улыбнуться в ответ.

— Вы второй мужчина за прошедшие сутки, кто поражает меня своим умением обращаться с детьми.

— Правда? А кто первый?

— Отец двоих очаровательных близнецов, и муж знаменитой пианистки. Пока жена на гастролях, он занимается домом и сыновьями.

— Видимо, времена нынче такие, что мужчины не могут оставаться в стороне от воспитания малышей, потому, что женщины слишком заняты карьерой и собой.

Мне показалось, или я действительно улавливаю укор в словах Евгения?

— Ну, вот, — мужчина направляется к выходу. — Располагайтесь. Постарайтесь отдохнуть с дороги. Увидимся вечером.

— Увидимся. И спасибо за всё, Жень. Это невероятная удача, что я встретила Вас. Одной бы мне не справиться.

Евгений как-то странно оглядывает меня, кивает, и выходит наружу, где уже вовсю бушует утро.

Целую минуту стою истуканом и смотрю на закрытую дверь. Что не так? Да всё, вроде,

так. Тогда откуда это странное чувство нереальности происходящего? От усталости и недосыпа, констатирую я, и, отбросив окончательно посторонние мысли, направляюсь в душ. А после добираюсь до своей заветной цели — кровати.

Я молодец! — поздравляю сама себя, плюхаясь на мягкий матрас рядом с племянницей, которая, раскинув руки, продолжает сладко посапывать. — Так или иначе, но я сделала это. А ты, Аська, всё на свете проспала! Э-эх...

Засыпаю с улыбкой на лице, даже не успев натянуть на себя одеяло.

Глава 13. Заир

— Вот они!

Я надеялся, что хоть немного успокоюсь, увидев Аську. Черта с два! Меня аж подбросило, когда эта... вышла из контрольной зоны с моим ребёнком на руках. А та льнёт к ней, словно подобное в порядке вещей, словно так и должно быть. Её ангельское личико спокойно и умиротворено, она спит, а эта... вцепилась в неё, словно крабица, хотя сама еле держится на ногах, что заметно даже со второго этажа галереи, откуда мы с Зотовым наблюдаем за ними. Девчонка и вправду измотана. Её тёмно-рыжие волосы (всё-таки рыжие!) скручены в неряшливый пучок, здоровенная сумка на лямке бьётся о бедро, мешая идти. И она слишком тепло одета для здешнего климата. Я хмурюсь.

— Почему Смирнов не заберёт у неё Аську?

— Не волнуйся, парень знает, что делает. Можно сказать, он мастер спорта по бабам.

Оно и видно. Вон как лыбится этой...

Линара. Её зовут Линара, твержу сам себе, приручая мозг к ненавистному имени. Как же трудно сдерживаться, видя, наконец, свою дочь, спустя столько времени отчаянных поисков, и не иметь возможности прикоснуться к ней, обнять, прижать к себе...

Зотов, кажется, что-то почувствовал, потому, что стискивает моё предплечье словно клешнями.

— Только не высовывайся, ладно? Очень может быть, что за ними следим не только мы.

— Думаешь, Нисар где-то поблизости?

Я окидываю зал беглым взглядом, но тут же возвращаюсь обратно, к Аске.

— Не будем исключать такую возможность, — резонно замечает Аркадий и глубже натягивает панаму на глаза — конспирируется, блядь.

Шутки-шутками, но я тоже принял меры: не стал сбривать отросшую за это время щетину, отпустил волосы, натянул на лоб бейсболку, а на нос — тёмные очки, которые не кажутся нелепыми даже в это время суток, так как в зале аэропорта от искусственного освещения и раздражающего сияния рекламных вывесок можно и впрямь ослепнуть.

В дополнении ко всему на нас надеты мятые шорты и потрепанные футболки. Зотов даже сланцы напялил на свои бледные ступни, ради достоверности. В общем, видок у нас самый, что ни на есть, праздношатающийся.

Я наблюдаю, как Евгений пропускает наших дам вперёд, через огромные застекленные двери, и вся троица выходит на привокзальную площадь.

Я кривлюсь от скребущего чувства, будто Аську снова у меня забрали, и отворачиваюсь.

— Где Якин? — спрашиваю Зотова, лишь бы что-то спросить.

— Прочесывает зал. Если что заметит подозрительное, тогда просигналит.

Знаю, что пока я здесь на говно исхожу, Аркадий с ребятами работает, но, понимая моё состояние, Зотов терпеливо объясняет мне ход своих действий, хотя и не должен, в общем-то. Спасибо ему за это.

Через несколько минут Евгений присылает СМС.

— Они направляются в отель «Мираж», — рапортует Зотов. — Нехило так. Один из самых шикарных отелей. А по девчонке не скажешь.

— Скорее всего, это выбор Нисар. И оплата, естественно, от неё.

— Так. Нужно срочно там же бронировать номера и нам, и Евгению.

Аркадий приступает к выполнению поставленной задачи с помощью своего незаменимого гаджета, а я облокачиваюсь локтями о перила и пытаюсь отвлечь себя рассматриванием толпы внизу. Невзирая на глубокую ночь, людей здесь предостаточно — рейсы продолжают прибывать с завидной регулярностью. Октябрь-ноябрь замечательное время для отдыха в Анталии: летняя жара уже спала, но море еще тёплое. Было бы здорово сейчас с Аськой забуриться в какое-нибудь бунгало, заказать лахмаджун и любимые Аськины бублики, позагорать на песочке, поплавать...

— Чёрт!

— Что такое? — я оборачиваюсь.

— Свободных мест нет.

Заставляю, уже задремавший было, мозг вникнуть в проблему. Достāju телефон, подключаюсь к своему персональному vip-порталу.

— В таких отелях всегда есть резервные апартаменты, только их не дают, кому попало. Давай, я сам.

Ну, вот, и я сгодился на что-то. Евгению мы бронируем небольшой коттедж высшего класса. Нам же достаётся президентский — других вариантов, пока, нет. Ладно, хоть так.

— Ну, что, едем?

— Едем.

Закидываемся немногочисленными пожитками и направляемся к выходу. Зотов шлёпает своими сланцами по мраморному полу, я, зевая, тащусь за ним. Всё-таки последствия этих сумасшедших дней и бессонных ночей дают о себе знать. А ещё отходняк от того, что наконец-то нашёл свою Аську, накрывает меня с головой, и я держусь лишь на честном слове.

Евгений появляется примерно через час после нашего прибытия в отель. Я уже успел принять душ и немного взбодриться. Зотов, балуясь кальяном, изображает из себя пашу, валяясь на полу на бархатных подушках и пуская колечки дыма в потолок. Якин отдыхает в одной из четырёх спален. И это помимо гостиной, уютной кухни и небольшой столовой, двери которой выходят на закрытый пляж. Да, ночка в президентских апартаментах обойдется мне в целое состояние, но я решил дать себе и парням возможность выспаться с комфортом после той бешеной гонки, что нам устроила Нисар и её сестрица.

При появлении Жени, мы с Аркадием дружно поворачиваем головы.

— Ну, как там?

— Как Вы и предполагали, Загитова не захотела другой отель. Видимо, они должны встретиться с вашей женой именно здесь, таков план. К вечеру нужно что-то придумать с жильём, я уже пообещал.

— Всё сделаем, — заверяю его. — Как Ася?

— Вроде, в порядке.

— Вроде? — я напрягаюсь.

— Ну, — Евгений мнётся. — Мне сначала показалось странным, что девочка так крепко спит. Но я смог осмотреть её, никаких подозрительных отметин, типа уколов или синяков, на теле нет. Не ручаюсь, правда, что ей не дали что-то с пищей или водой...

Он говорит, а у меня потихоньку кулаки сжимаются, в глазах красный туман расплзается. Как есть — в одних шортах и босиком, я выдвигаюсь к двери.

— Ты куда? — спохватывается Зотов.

— Я должен проверить. Лично!

— Ты охренел?!

Зотов что-то еще кричит мне вслед, но я его уже не слышу. Несусь сквозь заросли густого кустарника, сам не зная, куда. Лишь остановившись на развилке дорожек, петляющих между буйной растительностью, соображаю, что без понятия, в какую сторону нужно идти.

За спиной слышится шорох.

— Я провожу Вас, — Евгений выныривает из-за угла, как большая кошка, и, обогнув меня, уверенно сворачивает на одну из тропинок.

Чувствую себя полным идиотом, но решаю оставить самоанализ на потом, и спешу за Женей.

— Французское окно слева открыто, я проверил перед уходом. Можете зайти через него. Только, Заир Самирович, зря Вы так реагируете. Это же обычная практика в нашем деле — мы должны учитывать все возможности.

— Как и я, Женя. Жди меня здесь.

— Только прошу Вас, Заир Самирович...

— Я буду осторожен, обещаю.

Сначала ничего не могу разобрать в этом толи полумраке, толи полусвете, даже не знаю, как назвать: передо мной какое-то буйство бликов, цветов и теней. Мозг на автомате фиксирует рваные мазки белого, чёрного, золотистого и ярко оранжевого, почти красного, но объять картину в целом я не в состоянии.

Прищуриваюсь, вглядываюсь в этот чёткий геометрический хаос, и, наконец, начинаю различать две фигуры на кровати, залитые полосами солнечного света, пробивающимися сквозь неплотно закрытые жалюзи — вот, оказывается, что даёт такой невероятный эффект зебры! И это... красиво, да. Чертовски, красиво. Будь я художником, непременно запечатлел бы ЭТО на холсте.

Замираю, внезапно обнаруживая в себе задатки эстета, а затем мой рот растягивается в широкой улыбке: я вижу Аську, которая, сбив простыни в ногах, морской звездой раскинулась на кровати, заняв большую её половину. Моя доча! — думаю с гордостью. Я тоже так сплю, сколько себя помню.

Кнопка моя безмятежно сопит в потолок, слегка приоткрыв свой розовый ротик, щёчки её румяны, дыхание свободное, и я убеждаюсь, что сон её вполне естественен. Она действительно может вот так впасть чуть ли не в летаргический сон, если очень переутомится, зато потом снова сутки будет носиться, как заводная.

Хочется упасть перед ней на колени, прижать к себе и никогда не отпускать.

Я ненормальный отец. Другие сдержаны со своими детьми, я нет. Обожаю свою Аську, и никогда не стесняюсь показать ей это. В ответ я купаюсь во взаимной любви, и считаю себя самым счастливым отцом на земле.

Её иссиня-чёрные кудри рассыпались сейчас по подушке, смешавшись с ярко-каштановыми волосами этой...

Мой взгляд перемещается на Линару. Она лежит на боку в позе эмбриона, лицом к Аське. Ноги согнуты в коленях, одна рука под щекой, другая тянется к ладошке моей дочери. Их пальцы почти соприкасаются. В этом я вижу что-то неправильное. Противоестественное.

Что вызывает во мне жгучее отторжение и протест.

Настроение моё меняется со скоростью цунами. Именно так. Только что сияло безоблачное небо, и вот оно уже затянуто бурными тучами. Что-то тёмное поднимается во мне, ворочается тяжело, глухо, опасно. Мне кажется, я даже чувствую, как мои глаза наливаются кровью. Убить хочу. Ненавижу. Я даже толком разглядеть её не могу, так меня кроет этой ненавистью.

Неожиданно яркая вспышка бьёт по глазам. Я шурюсь и отшатываюсь, тихо матерясь сквозь зубы. На миг становится больно, но это помогает мне прийти в себя. Промаргиваюсь и мой взгляд снова возвращается к Линаре. Вернее, к её ступням. Узким, изящным, с высоким подъёмом и аккуратными пальчиками, покрытыми ядовито-оранжевым лаком. Таким ярким, что аж глаз режет. И тут я понимаю, что на них просто падает луч солнца, проскользнувший сквозь жалюзи, и гладкие ногти сияют, словно драгоценные янтарные капли, ослепляя меня.

Через секунду луч перемещается, и блик пропадает, а мой взгляд против воли ползёт выше по обнажённой ноге, расцвеченной полосами света и тени. И дальше: по хрупкой щиколотке, упругой икре, по острой жилке под коленкой и мягкому изгибу золотистого бедра. Наконец, мои глаза упираются в тонкий месяц простых кипельно-белых трусиков с крохотными оборочками по краям, которые огибают округлую попку и прячутся в расщелине между ног, где сминаются мелкими складочками именно там, куда мои глаза тянет, как магнитом. Она там, должно быть, такая же рыжая. Я люблю, когда у женщин лобок гладкий, без волос, но сейчас я бы пересмотрел свои вкусы.

Я облизываю пересохшие вдруг губы. Это что, мать твою, я сейчас делаю, а? Здесь моя дочь, а я как сексуальный маньяк фетишизирую на голые ноги этой шалавы, чуть ли не в трусы к ней носом лезу. Совсем очумел?! Прочь отсюда.

Я делаю осторожный шаг назад, и тут происходит катастрофа.

Линара вздрагивает и с тихим вздохом переворачивается на спину. Одна её нога так и остаётся лежать прижатая коленкой к матрасу, другая распрямляется, вытягивается, как струна до самого мыска с оранжевыми ногтями, и девочка буквально раскидывает передо мной ножки. И тогда я вижу больше, чем мне положено видеть — эти блядские оборочки... там! В потайном местечке, куда моим глазам вход строго воспрещен. То есть, был воспрещён.

Сейчас же я пирую этими самыми глазами, пожирая ластовицу белых трусиков, которая, словно сладкая глазурь к эклеру, прилипла к девичьим половым губам, повторяя их безупречную форму: бугорок — впадинка, и снова бугорок. Такой пухлый сочный бугорок, и такая манящая тёмная впадинка, скрывающая в себе так много вкусного...

Мой кадык дёргается, взгляд подпрыгивает выше, на лобок, где под белым хлопком, словно изморозь на стекле, просвечивается узенькая полоска мелких завитушек. Чёрт, у неё там точно волосы! Наверняка рыжие. Нет, я точно знаю, что рыжие. Эдакий язычок алого пламени, который так и хочется лизнуть, чтобы обжечься о запретное...

Мне остаётся только вырвать себе глаза, ибо просто отвести их от этой картины я уже не в состоянии. Никакое порно в реале мне еще ни разу в жизни ТАК не заходило. Мой лоб заливают потом, а стояк такой, что впору гвозди забивать. Рот полон слюны, которую я не успеваю сглатывать, она вот-вот потечёт у меня по небритому подбородку. Я как пацан, подглядывающий за девчонками в раздевалке. Нет, надо бежать отсюда, иначе...

Поздно.

Руки девочки взлетают вверх — она потягивается с хрустом, прогибается в пояснице, отрывая от матраса копчик, изгибается вся, как крепко натянутый лук. При этом её короткая майка высоко задирается, оголяя смуглый живот, аккуратную капельку пупка, и натягивается до предела на острых, конусообразных грудях, торчащих, как заснеженные вершины Гималаев, строго вверх. Они стремятся к солнцу, а оно к ним. Его лучи с упоением играют сейчас на этих сверкающих белизной пиках, ласкают их, целуют, а я им смертельно завидую.

Груды Линары не похожи ни на аккуратные мячики Нисар, ни на тяжелые дойки Марины. Они острые, упругие, дерзкие. Кажется, такая форма называется «пулей». И, да. Эти две пули сейчас бьют контрольным мне прямо в висок. И провалиться мне на месте, но в этот момент я слышу свой раскатистый утробный рык.

А девчонка потихоньку расслабляется, мягко опадает на матрас, и... открывает глаза. Твою ж... Наши взгляды встречаются на бесконечно долгую секунду. Я вязну в этих раскосых нефритовых глазах, будто подсвеченных изнутри, как в патоке. Не могу оторвать себя от них. Я не помню. Не помню, чтобы у неё были такие зелёные глаза. Как я мог не запомнить этого?

— Ведьма... бесова дочь... ненавижу... — шепчу я одними губами.

На что Линара вяло моргает, затем окончательно опускает отяжелевшие веки и переворачивается на другой бок, таща за собой волну густых рыжих волос, расплосованных падающей тенью от жалюзи на глубоко-коричневые и медно-красные сверкающие пряди. Они ползут по подушке, переливаются огнём, дразнят, а меня подбрасывает, как припадочного, пока я наблюдаю за этим светопреставлением. Из последних сил борюсь с желанием намотать их на кулак и дернуть так, чтоб искры зелёные из этих бесячих глаз брызнули! Чёртова сука... Чёртовы жалюзи...

На негнущихся ногах подхожу к окну и плотно сдвигаю ламели. Комната погружается в мягкий полумрак. Всё. Кино окончено. Кинщик сдох.

Не помню, как вышел из бунгало, как дошёл до своего коттеджа, в молчаливом сопровождении Жени. Как прошёл в свою спальню, ни на кого не глядя, и никому не говоря ни слова, как завалился на кровать, словно срубленный дуб.

Помню сон: мне снятся мандарины. Целая гора ярко-оранжевых мандарин. Я жадно жру их, со злостью впиваясь зубами в нежную мякоть, обливаясь при этом сладким, липким, ароматным соком, давясь, захлёбываясь им. Ненавижу себя, но не могу остановиться: чем больше я ем, тем больше мне хочется...

Глава 14. Линара

Просыпаюсь резко, словно от толчка. Сердце колотится, как ненормальное. Мне нельзя спать на левом боку — вечно кошмары снятся. Тихонько перекатываюсь на спину, смотрю на Аську. Уже ворочается, значит, скоро тоже проснётся. Который час? В любом случае, пора вставать, поскольку солнце на закат пошло.

Сползаю с кровати, тащу себя в душ. Голова, словно ватой набита. Мои внутренние часы не просто сбились, они идут в обратном направлении. Не люблю это состояние, чувствую себя дезориентированной, разбитой. А главное, я не знаю, когда приду в норму. Этого никто не знает, увы.

Вода приятно освежает кожу. А теплый ветерок, беспрепятственно гуляющий по внутренностям нашей, так называемой, туалетной зоны, еще больше бодрит. Интересно, кому пришла в голову столь гениальная мысль, устроить душевую под открытым небом? Впрочем, у нас дома тоже был летний душ во дворе, но он, скорее, напоминал собой лейку с верёвочкой, прикрытую занавеской, но никак ни это позолоченное произведение сантехнического искусства. А уж белоснежный унитаз во двор поставить даже мысли не было.

Отмахнувшись от закономерного вопроса «а как они обходятся зимой?», выдавливаю шарик шампуня на ладонь, намыливаю волосы и щедро взбиваю пену. Сквозь закрытые веки улавливаю хаотично движущиеся солнечные блики, и что-то ёкает внутри. Я начинаю вспоминать, что мне снилось.

А снился мне тигр, огромный, страшный, с широкими тёмными полосами на бронзовой шкуре. И глаза у него страшные — чёрные и бездонные, полные непонятного для меня посыла. Тигр рычит, уробно, глухо, как лава в жерле вулкана, а меня дрожь пробивает от этого рыка. Зверь подкрадывается ко мне на мягких лапах, готовый наброситься, и я просто умираю от ужаса в этот момент. Хочется бежать, кричать, но я не могу даже взгляд от него отвести, стою покорно и жду своей участи с одной лишь мыслью — скорее бы это случилось, потому что ожидание невыносимо.

И вдруг вижу, что это и не тигр вовсе, а мужчина. Крупный, широкоплечий. Его голый торс и крепкие руки так же рассечены полосами, мощная грудь ходуном ходит, как после долгого бега, словно он преследовал свою добычу, и, наконец, настиг её.

Чёрные волосы незнакомца растрёпаны, угольные глаза дико сверкают, буравят меня насквозь, что-то недоброе плещется в них. Его губы беззвучно шевелятся. Я не понимаю, но нутром чувствую — это угроза. Он мне угрожает. Или предупреждает? О чем? Чтоб не стояла у него на пути, не подходила близко, чтобы даже не смотрела на него, иначе... иначе я нежилец.

**

Я нежилец.

Почему-то эта фраза никак не идёт у меня из головы, застряла занозой и не даёт покоя. Крутится и крутится в мозгу весь вечер...

В глаза мне смотрит чёрный жрец,
И говорит: ты нежилец,
Коль перейдешь дорогу мне,

Сожру тебя, спалю в огне,
В душе углём прожгу рубец,
И сердцу твоему пиздец...

Да я прям Байрон, невесело усмехаюсь, и потягиваю через соломинку сок манго, любуясь с веранды на сумрачные краски наступающей ночи, а заодно прислушиваюсь к тому, как Аська достаёт Евгения, с удобством развалившегося на соседнем шезлонге под мягким светом садового фонаря.

— Смотри, дядь Жень, это Паша, а это Саша! Они мои женихи.

— Как, оба сразу?

— Пока да, потом решу, кто главный.

Смирнов смеётся, косится на меня, а я лишь глаза закатываю.

— А это Лютик с Лидочкой и Зиной. А это Чевик, но он с нами недолго дружил. Только до Шакиры.

— До Каширы, — поправляю я машинально, всасывая в рот вместе со сладкой жижей вкус пластиковой трубочки. Морщусь и откидываю соломинку в сторону. Я не в духе, и не могу этого скрыть. Капризничаю, как принцесса, и нервирую тем самым Евгения.

— Лина?

— Мм..?

— Что-то не так?

— Всё так, Жень. Обычный джетлаг, не обращай внимания.

Конечно же, списываю мой псих на смену часовых поясов и несвоевременный сон, но знаю, что вру себе и Жене. Если честно — я не понимаю, что со мной. Какое-то тревожное чувство глохнет. Тело словно зудит, мается. Непокойно мне.

— Может, тебя не устраивает ваш дом?

— Да что ты, Жень! — искренне возмущаюсь я. — Разве такое возможно?

Коттедж шикарен. С бассейном, патио, окнами в пол. Да это просто мечта курортника!

Ключи нам принесли сразу после ужина, и Женя помог заселиться теперь уже в наши собственные апартаменты. Они такие же роскошные, как и его, только больше: с отдельной спальней и гостиной. И туалет с ванной здесь классические, слава Богу.

Пока я устраивалась, раскладывая вещи, выспавшаяся Аська торпедой носилась по двору, обследуя каждую щель, каждый угол, в результате чего притащила живую ящерицу в банке, которую мы успели сфотографировать и назвать Матрицей, прежде чем она от нас удрала, оставив на память свой хвост. Меня всю передёрнуло от отвращения, зато у Аски глазёнки от восторга чуть не вылезли. Она засунула ещё шевелящийся отросток обратно в банку и радостно объявила:

— Этот будет запасной!

С Евгением Аська сдружилась за пять минут, и теперь демонстрировала ему свои фотошедевры, что успела запечатлеть на планшете во время поездки. Вот уже битый час, как она терзает Женьку, однако парень на удивление стойко держится, не проявляя ни грамма нетерпения, и даже наоборот, внимательно рассматривает фотографии и задаёт наводящие вопросы.

— А это Матрица, наша домашняя животная ящерица. Она сейчас где-то здесь бежит. А это её хвост... — продолжает свои комментарии Аська, а меня вдруг пробирает на зевоту, что совсем уже странно.

— Устала? — сочувственно улыбается мне Евгений.

— Скорее нехватка кислорода, как на высокогорье. Ничего, оклемаюсь, — говорю, прикрывая рот ладонью.

— Завтра я сделаю тебе кислородный коктейль.

Евгений симпатичный парень. И обладает просто крышесносным обаянием. А фигура какая, мама дорогая! Женщины, должно быть, виснут на нём, как груши. Можно было бы подумать на тему короткого курортного романа. И он, кажется, был бы совсем не против, если бы я подала знак. Но, как-то вот душа не лежит, и всё тут. Не знаю.

Почему-то сразу поняла, что ничего у нас с ним не выйдет. Да и он держится с нами, скорее как с подопечными. Интересно, зачем мы ему? Наверное, ради компании: ведь проводить отпуск одному не так уж и весело.

— Почему ты один приехал в такое место? — спрашиваю Женю.

— На самом деле, я не совсем на отдыхе тут, отчасти и по работе. А ты? В отпуске?

— В самом настоящем, честно заслуженном. Я, правда, собиралась провести его, занимаясь ремонтом в квартире, но здесь мне тоже нравится.

Смешливо переглядываемся. Евгений ещё что-то хочет спросить, но тут снова встречается Аська:

— А это наш водитель автобуса, дядя Гена Глебыч. Он здесь шаурму ест. Правда, на бегемота похож? Я их видела, когда мы с папой в зоопарк ходили. Вылитый дядя Гена Бегемот, скажи?

— Действительно. Прямо характер уловила, как настоящий профессиональный фотограф. Молодец, Ася!

— Это тётя Линара научила меня фотографировать.

— ...на свою голову, — ворчу я. — Теперь нам нужно будет два Облака заводить. А может и все три.

— Облако, дядь Жень — эта типа такая кладовка, только виртуальная...

— Виртуальная.

— Туда всё ненужное складывают.

— Знаю, Ась.

— Ага. А это моя волшебная палочка, я ею волшебные дела всякие делаю. Это Я, правда она у меня тут не очень получилась... Ха-ха, а это тётя Лина в душе голову моет! Я вообще-то бабочку хотела сфотографировать, но она полетела прям на тётю Лину...

Я вскакиваю со своего плетёного кресла, как ошпаренная.

— Аська! Негодница, ну-ка дай сюда! Дай!.. — пытаюсь вырвать у неё планшетник, но моя племяшка юркая, как та ящерка, уворачивается от меня.

— Ну, тётя Лина, ты сама мне разрешила всё-всё фотографировать!

— Людей можно фотографировать только с их согласия, я тебе говорила об этом!

— Ну, тётя Лин, я же бабочку фоткала, а ты сама попалась!

— Ладно, девочки, не ссорьтесь, — веселится Евгений, прекращая наши перебежки вокруг шезлонга. — Лучше скажите, какие у вас планы на завтра?

— Ой, щас!

Аська тут же переключается и несётся в коттедж за путеводителем по отелю. А я завладеваю планшетником, чтобы удалить компромат в стиле «ню», предварительно всё же кинув на него любопытный взгляд: хм, а ничего так. До «Плейбоя» далеко, конечно, но вполне, вполне...

— Может, всё же дашь посмотреть? — Евгений играет бровями, закусив крепкими зубами соломинку.

— Такое только за деньги. Но я телом не торгую, — парирую, кидая на него лукавый взгляд, и решительно тыкаю на удаление.

С Женей легко флиртовать. Мы оба понимает, что дальше этого у нас не пойдёт, и ещё какое-то время многозначительно улыбаемся друг другу, шуточно кривляясь. Но тут возвращается Аська.

— Значит так, — племяшка с размаху шлёпает книжицу на живот Евгению, отчего тот с ахом сгибается пополам. — Я вот тут крестиком отметила, куда хочу пойти. Аквапарк, кинотеатр с мультиками, спа-салат...

— ... салон, — поправляю Аську и снисходительно смотрю на Женю. — Там только кальянная не отмечена, говорю сразу. Так что завтра у нас очень плотный график. Но первым делом, мы, конечно же, идём на пляж, да, Ась? Мы уже и вещи собрали.

— А меня с собой возьмёте?

— Ой, конечно же, возьмём, дядь Жень! Ты понесёшь наши пляжные сумочки.

Теперь я уже в открытую смеюсь, забыв про плохое настроение.

— Ну, ты попал, дядь Жень! Вон, видишь те два баула? Вот это «сумочки» и есть.

**

Уложить ребенка в постель, когда он совсем недавно проспал без малого двенадцать часов, это, я скажу вам, та еще задачка.

Сначала мы считаем овец, потом слонов, потом попугаев, котят, морских свинок... почему так много всего? Потому, что Аська умеет считать только до десяти, и категорически отказывается пересчитывать одних и тех же животных дважды, потому, что:

— Я же уже знаю, что слонов десять, зачем мне их снова считать? Это глупо, тётъ Лин!

Потом я придумываю не считать, а перечислять что-либо. Ну, например, хорошие поступки. (Плохие решили перед сном не вспоминать).

Итак, мы перечислили хорошие поступки, кто какие знал, поспорили насчет парочки неоднозначных, и чуть не поругались. Потом перешли на любимые блюда, потом на цветы, а потом я сдалась.

Включила свет, и мы занялись чисто женским делом — педикюром. Так как Аська давно приставала ко мне с просьбой сделать ей такой же, как у меня, то почему бы и не заняться этим в два часа ночи?

Моя «клиентка» уснула на четвёртом пальчике. Остальные я уже докрашивала под её мирное сопение.

А мне всё так же не спалось.

Укрыв Асю, приглушаю до минимума ночник, и выхожу на патио, кутаясь в толстовку, которую накинула прямо на пижаму.

Сверчки сходят с ума (или здесь они зовутся цикадами?), мотыльки липнут к ночным фонарям, признаваясь им в вечной любви. Пальмы неторопливо колышут своими широкими чёрными лопастями, приветствуя выплывшую на бархатный небосклон королеву ночи — Луну. Еще немного, и Её Величество закончит на сегодня свой триумфальный выход, и покатится к горизонту, уступая место другому, более могущественному владыке — Солнцу.

Моё поэтическое настроение сдувает свежий ночной ветерок, который щиплет мне голые ноги, вызывая на коже стаю мурашек. Сажусь в шезлонг. Брр... Остывшие подушки холодят попу, и я подтягиваю колени к груди, обхватывая их руками, и жалею, что

пижамные шорты такие короткие, и больше смахивают на трусы.

Замираю, прислушиваясь к ночным шорохам, и замороженно слежу за бликами воды в бассейне. Он с подогревом и с красивой подсветкой, небольшой, и не очень глубокий, но всё равно я переживаю, как бы Аська не свалилась в него. Мне пришлось провести с ней политико-воспитательную беседу на тему правильного поведения на воде. А до этого погуглить, как такую беседу провести с четырёхлетним ребёнком. И да, я чуть что, ныряю в интернет, там молодые мамочки, порой, дают ценнейшие советы. Аська уверяет, что умеет плавать с нарукавниками, что её отец научил. Вот завтра и проверим.

По правде, я удивляюсь выбору Нисар. Этот отель мало подходит для семейного отдыха с детьми — бунгало стоят уединённо, скрываясь в густых насаждениях от посторонних глаз. Даже услуга здесь работает незаметно, стараясь не тревожить клиентов.

Есть, конечно, общие павильоны с ресторанами, развлекательными центрами, так же огромное поле для гольфа, расположенное в стороне от жилого комплекса, но если клиенты захотят, они могут вообще не выходить за пределы своих коттеджей на протяжении всего пребывания здесь — доставка по онлайн-заказу круглосуточная.

Наверное, в этом и был замысел сестры — спрятаться в укромном месте. И всё же, я чувствую себя здесь неуютно. И почему Нисар до сих пор не вышла на связь? Ну, хоть бы спросила, как мы добрались. Неужели не интересуется?

Вода продолжает манить. Но нет, я не решусь плавать сейчас, среди ночи. Мне всё кажется, что я здесь не одна, что за мной наблюдают. Вон, оттуда. Или оттуда. Пойду-ка я лучше в дом. Что-то мне не по себе.

Не иду, а бегу, будто за мной гонится кто-то. Залетаю в дом, и плотно закрываю за собой дверь на замок. И только тогда выдыхаю.

Глава 15. Заир

Ушла. Наконец-то...

Поднимаю голову и с тоской смотрю на Луну...

Сегодня вечером, вернее, уже вчера, я еле дождался прихода Евгения. Однако тот не рассказал ничего значимого — мол, девчонка ведёт себя осторожно, не откровенничает, но и предвзятого ничего не делает — наркотики не употребляет, алкоголь не принимает, с сомнительными личностями не встречается, с ребёнком доброжелательна, аккуратна и очень заботится о девочке.

Ещё бы не заботилась. Я бы ей уже шею свернул, если бы не заботилась.

— С госпожой Тураевой они пока не связывались, об этом я могу точно сказать. Загитова нервничает, и постоянно проверяет телефон.

Зато сам Евгений выглядел довольным, как слон, и весь вечер лыбился, пока не завалился спать — ему, видите ли, завтра рано вставать на задание. Хорошенькое задание — болтаться с девкой по пляжу. И ведь я ему за это ещё деньги плачу, и не малые, заметьте.

— Ты хоть лимон надкуси, — говорю вслед Евгению, на что тот опять расплывается от уха до уха, и желает всем спокойной ночи. Это у него ночь спокойная будет, а вот Якин, например, сейчас на дежурстве, Аркадий инфу в кучу собирает, анализирует, просчитывает что-то там, уткнувшись в свой ноутбук, а я...

А я натягиваю на голое тело майку и сую ноги в темные джагеры.

— Ты куда? — Зотов, как всегда, чутко следит за моим настроением. Да, добавляю я ему хлопот, но у него вообще работа такая, нервная, ему не привыкать.

— Пойду, погляжу, как там.

— Да там Якин дежурит.

— Ну, а я подстрахую.

— Ладно, иди, — сдаётся Аркадий, зная, что спорить со мной дело пустое. — Осторожно только. И телефон на беззвучный поставь.

— Понял.

Надеваю чёрную толстовку, кеды, голову прячу под капюшон, и выхожу в ночь, растворяясь в ней, как грёбаный ниндзя.

Идти тут всего-ничего, если напрямую, но участки отгорожены плотной стеной кустарника и зарослями всякой субтропической всячины, так что приходится обходить, что я и делаю, прикинувшись любителем ночной пробежки трусцой.

Приближаюсь к их участку, и тут же ныряю с дорожки в кустарник, стараясь не шуметь. Вот и коттедж. Все окна закрыты, жалюзи опущены, тихо. Девочки спят. Сам дом погружен во тьму, хотя незаметные в траве фонарики и подсвеченная вода в бассейне помогают ориентироваться. Я облюбовываю себе приземистую пальму в нескольких метрах от патио, и усаживаюсь под ней прямо на траву — благо, погода позволяет.

Где-то здесь дежурит Игорь. Ага, вон он: с противоположной стороны участка, мелькает две вспышки — это он телефоном мне салютует. Значит, его предупредили, и он ждал меня. Отвечаю таким же двойным сигналом, отключаю смарт, и всё вокруг замирает,

слышно только, как сверчки надрываются, да ветерок по верхушкам деревьев шепчет.

Сижу. Глазами буравлю закрытую дверь. В голову мысли всякие ненужные лезут. Не знаю, зачем я здесь. Наверное, мне просто нужно убедиться, что в первую ночь в незнакомом месте моему ребёнку комфортно. Евгений уверял, что Аська чувствует себя замечательно, рассказывал всякие смешные моменты сегодняшнего вечера, а у меня руки чесались, так хотелось разбить что-нибудь, или сломать. Ведь это я должен был быть сегодня с моей дочерью, рассматривать смешные фотографии и поправлять её словесные ляпы. Я! А не чужой дядька, и уж тем более не эта...

Что ж меня кроет-то опять? Никогда, вроде, не замечал за собой подобной ревности. Да, я люблю Аську, безумно люблю, но чтобы ревновать её к чужим... Она у меня девочка сверхобщительная, любит внимание, обожает новые знакомства. И если бы я её ко всем ревновал, я бы уже давно в дурке сидел, головы мухам отрывал.

Натягиваю капюшон поглубже на брови, стараюсь расслабиться, отвлечься, вслушаться в звуки ночи: в шум волн невдалеке, лениво накатывающих на прибрежный песок, в сонный шорох листвы, в случайный вскрик одинокой чайки. Постепенно умиротворение опускается на меня, окутывает сладкой дрёмой. Мне хорошо. Мне спокойно.

Она появилась внезапно. Я не был готов, и сам чуть не сорвался — едва удержал свою задницу на месте. Только что закрытая наглухо дверь вдруг резко распахнулась, и она нарисовалась в полосе света, отбрасывая впереди себя несуразную тень — нечто бесформенное и лохматое на длиннющих тонких палочках. Я перевожу взгляд с тени на оригинал, да так и залипаю на этих бесконечно длинных голых ногах в... белых, блядь, носочках! От вида этих носочков у меня, по-моему, зубы ныть начинают, и я в отчаяние запрокидываю голову, и посылаю в звёздное небо толи молитву, толи проклятия.

Девчонка делает шаг, и её каштановые волосы, подсвеченные сзади золотистой лампой, вспыхивают кроваво-красным. Я сглатываю, и начинаю тихо наливать яростью.

Да, девочка, умеешь ты выбить почву из-под ног, не зря Евгений как под кайфом весь день ходит. Но только я не он, меня на мякине не проведёшь, я твоё нутро блядское насквозь вижу. Наркоманка ты. Воровка и преступница. Это тебе я должен «спасибо» сказать, что моя Аська без женской ласки и заботы растёт. Что сейчас я тут, в кустах прячусь, как пёс приبلудный, а моя дочь спит не в нашем доме, не в своей постели, как положено, а таскается по чужим углам, служа орудием манипуляции съехавшей с катушек матери.

Ты ответишь за это. Ответишь.

Наша краля постояла немного на пороге, подрожала, поглядела по сторонам и засемила, прямо в своих белых носочках, к ближайшему шезлонгу у бассейна, аккуратно прикрыв за собою дверь. Села, пискнув, как мышь, прижала свои голые коленки к груди и натянула на них толстовку. Замёрзла? Тогда какого хрр... выскочила в одной кофтёнке, которая едва задницу прикрывает? Дура совсем?

В этой бесформенной флиске она сейчас лет на семнадцать тянет. Примерно, столько же, сколько было, когда я впервые увидел её у Шамиля. Они с сестрой почти ровесницы, но у Нисар тогда тело уже налитое было, в глазах похоть плескалась, пусть и строила из себя милашку-скромницу.

А я что? Мне как раз такая и нужна была, с моими-то габаритами и манерами неандертальца. Это сейчас я пообтесался немного, слоём вощёного глянца покрылся, а тогда, семь лет назад, когда только с приисков дедовских вернулся, я больше на зверя похож был, и аппетиты у меня были зверские. Впрочем, аппетиты у меня и сейчас немалые, но вот в

женщине я стал искать не просто тело, хотелось бы, что б и душа при нём была.

А Нисар... да что Нисар? Нисар и сейчас неплохо выглядит — косметологи там всякие, спа, и прочая хрень, да и молодая она ещё, а молодость штука сильная, жизнестойкая. Но вот взгляд у неё... выжженный, пустой, будто девочка войну прошла, и все её тяготы на себе испытала. И нет в ней души, не осталось. Одна чернота.

**

Минуты тенями ползут по траве. Полная Луна выплывает на середину неба и заливает всё вокруг мерцающим сиянием, будто молоком. Скоро начнёт светать. А мы так и сидим, неподвижно, безмолвно. Я смотрю на девчонку, она на воду в бассейне, блики от которой плещутся на её лице синем и зелёным, придавая ей неземной, совершенно фантастический вид. Да ещё эти длинные, распущенные по плечам волнистые волосы. Русалка, как есть русалка.

О чём задумалась, русалка? О плохом, иль о хорошем? Лучше бы тебе не думать о плохом, ведь я рядом, я наготове. И мои руки так близко от твоей тонкой шейки, чуть что — хрусть... и нету русалки. А ты об этом даже не догадываешься, верно?

Я скалюсь в темноту от этой мысли. Я лелею её и холю. Она согревает меня в ночи. Да, теперь только так — я буду рядом, пока моя дочь рядом с этой... да, бес её... Линарой.

Линара. Ли-на-ра... нет, не могу. Не могу её так называть. Пусть Нарой будет. Да. Нара лучше. Наркоманка Нара. Воровка Нара. Нара-шмара... Само для неё.

Убиться просто, какой хреню я тут занимаюсь. Да какая мне разница, как её называть, в конце концов? Лина, Линара, Нара... Мне похуй на самом деле, просто я уже на грани: ноги затекли, спину ломит, словно в неё кирпичи вдавили. Мне жуть, как хочется выпрямиться, набрать полную грудь воздуха, и со всей дури завьить на эту грёбанную Луну, что травит меня сейчас своим неоновым светом, смеётся надо мной, с ума сводит, зовёт не пойми куда...

Долго ещё эта девка сидеть тут будет? Чего высиживает? Иди спать, Нара! Иди по-хорошему, пока терпение моё не лопнуло, пока не стащил с тебя эти белые носки зубами и не впился ими в твои худые щиколотки, как пёс бешеный...

Я не выдерживаю, и хрущу позвонками, разминая шею. Чёрт, Нара моментально реагирует — поворачивается и смотрит прямо на меня, и блики от воды теперь переливаются в её нереальных глазах, превращая их в голубые прозрачные нефриты. И опять это чувство: словно я вязну в сладкой патоке, и меня засасывает всё глубже и глубже, так, что задыхаться начинаю. Зверь во мне ворочается, клокочет утробно, поднимает голову, щетинясь в холке, наливаясь густой, тёмной жаждой. Мне больно от стиснутых зубов, от сжатых до предела кулаков.

— Уходи, Нара. Уходи, — шепчу, как заклинание, не в силах отвести от неё взгляд. — Уноси свои ноги, подобру-поздорову. Прошу... Умоляю...

Нара будто слышит меня, вдруг резко спохватывается и бесшумно, невесомо, едва касаясь своими белыми носочками вымощенной дорожки, несётся в дом. Её рыжие волосы плещутся за спиной, словно крылья внезапно встревоженной птицы, на мгновение вспыхивают алым пламенем в освещенном проёме и исчезают. Я слышу щелчок дверного замка, и только тогда выдыхаю.

Ушла. Наконец-то.

Несколько минут пытаюсь унять дрожь в теле, постепенно расслабляя вконец окаменевшие мышцы, и тихо смеюсь сам над собой. Я дурак. Я полный кретин. Ведь чуть не

угробил всё.

Поднимаю лицо к небу и с тоской смотрю на Луну.

И много таких идиотов, ты видела за свой долгий век, старуха? Много? Так посмотри ещё на одного. С тебя не убудет.

Глава 16. Линара

Сижу на настиле, пытаюсь реанимировать палочку, на которой уже живого места нет от скотча. Фейская пачке (или просто фэйпачка — пр. Аси), сушится на крючке под зонтом, и больше напоминает теперь потрёпанную штормом рыболовную сеть.

Аська в своём понедельничном купальнике (хотя сегодня среда, но, слава Богу, она об этом не знает), с увлечением таскает морскую воду в неглубокую ямку детским пластиковым ведёрочком, таким крохотным, что заполнять этот грот ей придется неделю. На ней панама, на панаме тиара, кое-как пришпиленная заколками. Вот, что мне нравится в Аське, так это упорство — она никогда не сворачивает с избранного ею пути.

Скотч плавится под солнцем, липнет к чему угодно, только не к тому, чему надо. Очередная попытка выпрямить карандаш, сломанный пополам, и водрузить звезду на место, с треском провалилась. Я вздыхаю.

— Сдаётся мне, Морская Фея из тебя выйдет ну, так себе. Вряд ли такой кривой волшебной палочкой ты сможешь наколдовать что-то путное.

— Если бы дядя Женя на неё не сел, она бы не сломалась.

— А зачем ты её спрятала под его полотенцем?

— Я не прятала, она туда сама потерялась. А дядя Женя нашёл. Ты видела, какой он сразу стал красный-красный? И сказал плохое слово!

— Трудно, знаешь ли, сдержаться, когда с размаху усаживаешься на шипастый шарик размером с грецкий орех, — ворчу я, вспоминая эпизод, когда Евгений с криком подорвался со своего лежака, потирая задницу. Бедняга. Я предложила ему свою помощь, но он отказался, покраснев при этом ещё больше. Если такое вообще возможно.

— Может, просто купим другую? — предлагаю я, отдирая ошмётки скотча от пальцев, но Аська решительно протестует:

— Нет! Нельзя! Эту папа подарил, она волшебная, а другие — нет.

Присматриваюсь к племяннице: ребёнок редко вспоминает об отце, так же, как и о матери. Меня это удивляет, и даже удручает. Мне кажется, что Аська скрывает свои истинные эмоции за этими бесконечными играми в волшебников и фей. Что на самом деле она скучает по семье, ей не хватает родительского участия, поэтому так привязана к этим атрибутам, в виде дурацкого маскарадного костюма, который когда-то преподнёс ей в подарок отец. Может, пора с ней поговорить об этом?

— Ты так сильно скучаешь по папе, котёнок? — начинаю осторожно прощупывать почву, на что Аська пожимает плечами.

— Да нет, он же здесь.

— Здесь? — недоумеваю я. — Где?

— Здесь, — девочка прижимает ладошку к груди, и я вдруг очень ясно понимаю, о чём она. Как просто — он здесь, в её маленьком большом сердце, всегда с ней. Любит, помнит, сопереживает, защищает. Даже, когда его нет рядом, он думает о ней, и ребёнок это чувствует.

Я ведь тоже когда-то чувствовала подобное, но однажды потеряла свой дар. Нет, не так. Я добровольно отказалась от него, вытравила из себя, заперла пустое сердце на крепкий замок, и выбросила ключ. Это случилось в тот день, когда я поняла, что отец оставил меня

навсегда.

На мои глаза наворачиваются слёзы, а нижняя губа начинает предательски дрожать.

— Ась... иди ко мне, Ась, — крепко обнимаю её маленькое, горячее от солнца тельце, прижимаю к себе, как самое дорогое сокровище на свете.

Эта девочка у меня теперь тоже ЗДЕСЬ, с левой стороны груди. Пришла, взмахнула своим кривым карандашом, и моё сердце, не спрашивая, распахнулось настежь, впуская её в себя. Люблю, люблю эту малышку всей душой. Как только я жила, не зная её? И ведь могла так и не узнать. Или узнать слишком поздно, когда бы она уже растеряла свою чистоту и искренность, присущую только детям.

— Тётъ Лин, ты чего?

— Ничего, милая. Постой так минуточку, погрей меня.

— А ты замёрзла разве?

— Как ледышка. Но ты оттаяла меня.

Мой отец не был сильной личностью. Как младший брат, он всегда находился в тени дяди Шамиля. Вот, кто был настоящей опорой рода Загитовых — жёсткий, напористый, умный, хваткий. А Эльшад... Отец любил море. И мою мать. Когда маму забрала болезнь, отец ушел в море и не вернулся.

«Он был слаб».

Вот, как о нём говорили на похоронах, шушукаясь по углам. А я не понимала смысла этих слов, мне до рези в глазах было обидно за него. Почему слаб? Я ведь видела, каким папа был сильным, когда одновременно поднимал нас с мамой на руки и кружил по комнате, когда ловко правил парусной лодкой, перехватывая толстенные тросы одной рукой. А еще он был добр. Щедр. Великодушен. Терпелив. Много знал. Много умел. Отлично готовил долму и холодный чай. Любил смеяться. Любил меня. Любил маму...

Он настолько сильно любил маму, что не смог без неё. настолько сильно, что ушёл за ней, оставил меня одну в этом мире.

Имею ли я право осуждать отца и сожалеть, что не стала тем якорем, который удержал бы его в этой жизни? Наверное, нет. Но я осуждаю. И сожалею. До сих пор сожалею. Но главное моё сожаление в понимании того, что мой отец действительно, оказался слабым человеком.

Я не спрашиваю Аську про Нисар. Возможно, потому, что боюсь услышать ответ, который мне не понравится. А может, я поняла, что мне пора остановиться у той грани, за которую не следует заходить из простого чувства самосохранения. Слишком близко я подошла к ней, а это чревато.

Они семья: мать, отец, дочь. А кто я? Чёрная овца, выдворенная из дома. Пария, о которой никто из многочисленной родни за все шесть лет так ни разу и не вспомнил. Для всех я отщепенка, ступившая на кривую дорожку, загубившая свою репутацию на корню. Никчёмная дочь слабого отца. Я не вписываюсь в их стройную схему успешных и благополучных. Правда, как выяснилось, не настолько уж и благополучных. Но, я уверена, ради Нисар семья встанет плечом к плечу, а вот ради меня никто и пальцем не пошевелит.

Когда я отыграю свою роль, когда объявится Нисар, и они с Заиром решат свои проблемы, я потеряю Асю навсегда. Как я буду с этим жить дальше?

На самом деле, не важно — как. Главное, что буду жить. Я не буду слабой, как мой отец, я выдержу.

— Ой, тётя Лин, пусти скорей, у меня там вода опять сбежала!

Аська вырывается и несётся со своим ведром к морю, чтобы снова наполнить опустевший грот. А я хлюпаю носом, и с решительным видом берусь за дело: я отремонтирую этот чёртов карандаш. Чего бы мне это не стоило.

Евгений, наконец, появляется с нашими напитками, за которыми отправился с полчаса назад.

— Дамы? Ваш посланник вернулся с дарами. Вам, миледи, безалкогольный мохито, как и заказывали, а Вам, прекраснейшая из фей, двойной молочный с шоколадной крошкой. Всё правильно?

— Да!

— Спасибо, Жень.

Я откровенно люблюсь Евгением: высокий, атлетически-сложенный, уже успевший подзагореть. Его пляжные шорты интригующе-низко сидят на бёдрах, открывая взору такие рельефы, мимо которых ни одна женщина не пройдёт, не воздав им должное. И даже здесь, на мелководном пляже, выделенном специально для детей, я замечаю, как моего спутника внимательно изучают молодые мамочки, и даже не очень молодые бабушки, и, честное слово, я их не виню: тут действительно есть на что посмотреть.

Короткие русые волосы Жени сейчас слегка взлохмачены ветерком, серые глаза лучатся, как серебряные пули, улыбка широкая, манящая. Такому парню нельзя не улыбнуться в ответ. Вот вы бы не улыбнулись разве Бреду Питу? Вот и я про то же.

Евгений подсаживается к Аське.

— Итак, госпожа Морская Фея, ваш преданный слуга прибыл, и теперь готов выполнить любое Ваше желание. Приказывайте!

У Аси уже всё было распланировано:

— Будем строить замок. С башнями, — заявляет она, вручая детский совочек Евгению. — Там будет жить замороженная тётя Лина, а я прилечу, взмахну палочкой, и её растаю.

Я отставляю мохито и берусь за тубик с кремом.

— Только сначала давай-ка я тебе спинку еще на раз помажу, а то сгоришь.

— И у меня тогда будет спина как у тебя? — Аська явно надеется на это, но я опускаю её на землю.

— Как у меня не будет, слава Богу.

— Жалко. Я хочу как у тебя, чтоб в крапинку.

— Зачем? Это же не красиво!

— Красиво!

— Ася права. Очень даже красиво, — улыбается Женья. — Словно по тебе золотой песок рассыпали. Так и хочется его в горсть собрать.

Женина ладонь вдруг легко проходится по моей голой спине снизу вверх, от копчика до застёжки бюстгальтера бикини. Но из-за разницы температуры своего нагретого солнцем тела и его прохладной руки, у меня слишком резкая реакция — я ойкаю, и выгибаюсь, как кошка, которую погладили против шерсти. Я с удивлением поднимаю на Женю глаза, а он наоборот, прячет свои — кажется, и сам не ожидал от себя такого фривольного жеста.

— Кхмм... прости, — смущается он, а мне смешно, право.

— Да брось ты, Жень. Просто у тебя руки холодные от стаканов, а я перегрелась

малость.

— Так иди, окунись, а мы тут с Асей пока замо́к сварганим.

Мне хочется, и колется: разве я могу оставить ребёнка? Не то, чтобы я не доверяла Евгению...

— Нет, лучше я с вами посижу.

— Иди, иди, тёть Лин, — деловая Аська, уже по локти в мокром песке, жестом сгоняет меня с лежака, как курицу-наседку с гнезда. — А то ты нас с дядей Женей только отвлекаешь.

— Ну, раз так, тогда ладно, уговорили, — смеюсь и подхватываюсь со своего наседа. Завязываю на талии полупрозрачное парео, — оно у меня красивое, с большими зеленовато-синими ирисами, специально купленное под мой любимый бирюзовый купальник. — Вы только никуда без меня не уходите, а то я потеряюсь.

— Полотенце возьми, — Женя протягивает мне махровое полотенце.

— И шляпу надень! — командует племянница.

— И что бы я без вас делала? — всплёскиваю руками, нахлобучивая на голову соломенный блин.

— Пропала бы.

— Точняк. Дай пять!

И эти двое хлопают ладонями, как футболисты, только что забившие гол.

Глава 17. Линара

Иду к пирсу, который стоит в стороне от детского пляжа. Идти не близко, но мне хочется понырять, если уж выдалась такая возможность, а не просто поплескаться на мелководье. Я снимаю свои плетёные сандалии, и по старой привычке, шлёпаю босиком, загребая ногами песок. Он горячий, обжигает ступни, а мне нравится. Сразу вспоминается детство.

Узкий пирс длинным языком уходит в море, и заканчивается широкой площадкой с баром под навесом в центре и открытыми лежаками по периметру. Некоторые из них заняты загорающими.

Подхожу к самому дальнему шезлонгу, снимаю парео, шляпу, несколько минут наслаждаюсь солнцем, пока стягиваю волосы в тугий пучок и наблюдаю за пловцами. Их немного, и это мне нравится — не люблю толпу. Приближаюсь к краю пирса, где установлен мостик для любителей понырять. Смотрю вниз, изучаю фарватер — здесь довольно глубоко, густая синева подо мной подтверждает это.

Море медленно и лениво перекачивается на поверхности гладкими изумрудными волнами, манит, зовёт, обещает прохладу. От предвкушения пальцы на моих ногах поджимаются, а сердце начинает гулко биться.

Встаю на самый край, дышу. Всё медленней и медленней. Наконец поднимаю руки над головой, задерживаю дыхание, и резко отталкиваюсь. И, после плавного непродолжительного полёта, щучкой ухожу под воду.

Ааащщ...

Море заглатывает меня, и тут же сжимается вокруг, принимая в свои гостеприимные объятия, словно мать встречает своё дитя после долгой разлуки. Ну, здравствуй. Вот я и дома. Как же я скучала! По твоей ласке и силе, по твоему запаху, и переменчивому цвету. Я люблю тебя, Море, и знаю, что моя любовь взаимна.

Ухожу в глубину, для начала не слишком усердствуя, переворачиваюсь, делая кувырок, и поднимаю открытые глаза кверху. Там солнце подмигивает мне сияющим оком, тянет лучи ко мне. Они веером разбиваются на тонкие струны, и вода играет на них, как на арфе, свою волшебную музыку. Всё в движении, всё живёт, перетекает, колыхается, изменяется. Другой мир, другие реалии. И слова здесь нужны другие, не земные, чтобы описать эту красоту.

Отпускаю руки, полностью расслабляюсь и закрываю глаза. Невесомость подхватывает меня, лишая притяжения и направления. Тела нет, есть только душа. Я в нигде, я в космосе, в нирване. Между светом и тенью, между да и нет, между всегда и никогда. Я в той микроточке, где я ещё есть, но меня уже нет.

В эту игру я играю давно, лет с двенадцати. Страшно сейчас сказать, но сначала я хотела почувствовать то, что чувствовал мой отец в свои последние секунды жизни. Это был жестокий урок для меня, до сих пор удивляюсь, как тогда не дошло до беды. Очнулась я на берегу — даже не помню, как выплыла, как добралась до земли, а может, море само вытолкнуло меня, я и в это поверю.

Пролежала в полном одиночестве несколько часов, страдая от жуткого озноба, тошноты и обезвоживания, периодически теряя сознание. Меня нашли подростки, пришедшие на

пляж искупаться. Когда я смогла хоть что-то объяснить, оказалось, что меня вынесло за несколько километров от того места, где я ныряла.

Что ж. Урок не пошел мне впрок. Через какое-то время я повторила попытку. Но в этот раз постаралась не терять контроль над ситуацией, слушать свои ощущения, подстраиваться под момент. Это уже потом я стала интересоваться фридайвингом, читать о технике погружения и задержки дыхания. А тогда я просто ныряла снова и снова, с каким-то маниакальным упорством, даже не понимая своей конечной цели. Чего я хотела этим добиться? Что доказать? Я и сейчас не до конца понимаю. Но однажды, при очередном погружении, я почувствовала ЭТО.

На поверхность я вернулась новой Линарой, будто меня разобрали на части и снова собрали, и в этот раз правильно. Я поняла, что море приняло меня, а я примирилась с ним.

С тех пор, как только появляется возможность, я делаю это: нырок, кувырок и зависание в полной тишине на глубине моих возможностей. На несколько мгновений я становлюсь частичкой другого мира. Здесь я возрождаюсь заново, здесь моё чистилище, мой храм, мой дом, в котором я не чужая, не отверженная, в котором я черпаю свою волю к жизни, чтобы жить, несмотря на все трудности и невзгоды. Жить.

Моё время здесь заканчивается. Море толкает меня вверх, к солнцу, в очередной раз, подарив мне частичку себя и своей силы. Я возвращаюсь.

Еще не до конца всплыв на поверхность, я уже замечаю Его сквозь толщу воды. Он стоит на краю пирса, крепко сжимая поручни широкими ладонями, и смотрит вниз, прямо на меня. Впрочем, не уверена, потому, что на мужчине тёмные очки. Его лицо напряжено, брови хмурятся, он рассержен, а может это мне только кажется из-за густой щетины и растрепанных тёмных волос, которые придают незнакомцу грозный, и немного диковатый вид.

После долгого пребывания под водой зрение восстанавливается не сразу. Приходится промаргиваться, чтобы предметы стали чёткими. Пока я это делаю, мужчина наверху исчезает из виду. Я мысленно пожимаю плечами, отворачиваюсь, и неторопливо гребу прочь от пирса — мне пока не хочется подниматься.

Отплыв достаточно далеко, ложусь на спину, и отдаю себя на волю волн. Отдыхаю. Закрываю глаза, и перед моим мыслимым взором снова встаёт фигура неизвестного на помосте. Не знаю, как объяснить: что-то ассоциируется у меня с этим человеком. Знакомыми кажутся не столько детали внешности, сколько образ в целом. Это его напряженное состояние, недовольство, нетерпение, угадываемое в позе, и, в тоже время, концентрация, готовность к некоему действию, словно он собрался...

Словно он собрался сделать прыжок. Ну, конечно! Вот, что показалось странным. Он был готов прыгнуть на меня, как тот человеко-тигр из сна. И выражение его лица было почти таким же злым, пугающим и... осуждающим. Будто я сделала что-то, что ему не по нраву.

Окстись, Линара, одёргиваю сама себя. Какие сны, какие тигрочеловеки? Мужик, возможно, просто сплунуть за борт захотел, а ты тут не к месту из воды нарисовалась, вот он и вознегодовал.

Я раздражённо фыркаю, делаю кувырок и снова ухожу под воду. На этот раз остаюсь там подольше — мне нужно прийти в себя, избавиться от идиотских мыслей. А когда выныриваю, меня ждёт сюрприз.

— Мадам! Внимания, мадам!

От неожиданности вздрагиваю и оглядываюсь. Это что, меня, что ли?

Верхом на сверкающем гидроцикле в мою сторону буром несётся молодой «Аквамен» в форме береговой спасательной службы, и орёт в рупор на ломаном русском с примесью корявого английского:

— Мадам, вернитесь на берег! I repeat: return to the shore!

Парень делает полукруг буквально в паре метрах от меня, и окатывает волной от своего цунами-мобиля, грозясь утопить в любой момент. Это так они спасают?!

Я отплеываюсь, с трудом удерживаясь на воде, но иду на принцип и, задрав нос, спрашиваю:

— А что, собственно, случилось, товарищ?

— Здесь Вам нельзя! Возвращайтесь, please.

— Да, но...

Оглядываюсь по сторонам — буйки ещё далеко, да и народ вокруг спокойно плещется себе.

— Пожалуйста, мадам! Swim to the shore, please!

Да какого чёрта?! Разве здесь запрещено купаться? А как же остальные? Им, значит можно, а мне нельзя? Может, здесь какая-нибудь закрытая зона, только для вип-персон? Но это нигде не указано.

— К берегу, к берегу, мадам! — спасатель явно теряет терпение, и выписывает восьмёрки на воде, отчего меня захлёстывает чуть ли не с макушкой. Да он издевается!

— О'кей, о'кей! Я всё поняла! Но я поплыву туда, there, там мои вещи, ферштейн?

Я жестом указываю на пирс. Парень согласно кивает.

— Если Вам нужна помощь, мадам...

— Naır, teşekkürler! (*Нет, спасибо!) Придурок... — добавляю тихо, разворачиваюсь и гребу назад.

Возвращаюсь к нашим. Настроение на нуле. Меня выперли с территории пирса, даже ничего не объяснив! Как же так?!

Небрежно швыряю на лежак скомканные вещи, а сама падаю на живот рядом с Аськой и Евгением. Я зла, я очень зла! Мне хочется, как маленькой, дрыгать ногами, бить кулачками и дуром кричать, что меня никто не любит. Отвратительно!

— Ну, как окунулась?

— Тётъ Лин, смотри, мы почти достроили твой замок!

Сооружение из песка действительно напоминает размноженный на клоны Кёльнский собор с его остроконечными пиками, стремящимися вверх.

— Грандиозно, котёнок, вы молодцы! — отвечаю с натянутой улыбкой, понимая, что не имею права своим раздраем портить ребятам такой прекрасный день. Но Женя сразу замечает мой кисляк.

— Что-то случилось?

— Нет, ничего. Просто устала с непривычки.

Утыкаюсь носом в песок. Пытаюсь избавиться от негатива. Дышу, считаю пульс, пою про себя песенку из «Маши и Медведя», но ничего не помогает. Мне всё так же обидно до слёз. Вот какого хрена?!..

Ладно, это не единственный пирс на пляже, есть и другие.

— Лин! Иди к нам в тенёк, не лежи на солнцепёке.

— А то сгоришь. Вон, у тебя волосы уже совсем красными стали, — добавляет Аська, грозя мне грязным пальчиком.

— И пусть, — упираюсь, как ребёнок, надув губы. Может, солнце поможет выжечь из меня неприятный осадок от случившегося.

— Тогда не будет с моей стороны наглостью предложить Миледи помазать ей спинку защитным кремом?

Не выдерживаю и смеюсь. Нет, ну, правда, смешно. Теперь он на меня без спроса даже дунуть боится?

— Вы на редкость галантный шателен, мсьё, — подхватываю шутку. — Что ж, так и быть, милостиво позволяю Вам поухаживать за мной.

Евгений отрывается от очередной башни и с готовностью опускается передо мной на колени.

— Прикрой голову.

Мне на голову летит соломенная шляпа, давая моим глазам отдых от яркого света. Я с облегчением их прикрываю. На самом деле жара не сильная, — всё-таки почти середина ноября, пусть и средиземноморье, — но скоро полдень, и солнце уже набрало силу.

— Будет немного прохладно, — наклоняясь, мурлычет мне Женья в самое ухо.

— Жду с нетерпением, — отвечаю в том же тоне, с опозданием понимая, что мы с ним снова флиртуем.

Ну, и пусть. Немного мужского внимания моей подорванной самооценке сейчас не повредит, а то этот... Нет, не «Аквамен» меня бесит, хотя он тоже, но вот тот, «недовольный» с пирса, что посмел смотреть на меня так, будто я ему что-то должна, так просто выбешивает. С какой стати он так на меня смотрел, спрашивается?

Когда я вернулась на пирс собрать вещи, я не заметила его среди отдыхающих. Лишь какой-то амбал в профессорских очках — непередаваемый диссонанс, — стрельнул в меня глазами со своего шезлонга, и снова уткнулся в планшетник, который держал в руках. Но это точно был не он.

А вот тот, что рядом развалился и спал, очень даже возможно. Но с уверенностью сказать не могу: его лицо было полностью скрыто под развёрнутым журналом. Лёгкая рубашка мужчины, небрежно распахнутая до пупа, открывала бронзовый торс, со всеми положенными впуклостями и выпуклостями крепкого мужского тела. Мощные загорелые ноги расслабленно раскинуты по лежаку, а свободные шорты не скрывали внушительной атрибутики матёрого альфа-самца, эдакого хозяина прайда, в полном расцвете физической силы. Ненавижу, когда мужики так откровенно демонстрируют свои причиндалы! И всё же глаза невольно задержались на них. Глупые глаза. Бесстыжие.

Руки Жени продолжают поглаживать мою разгорячённую спину, постепенно увеличивая нажим и радиус захвата, и я, наконец, расслабляюсь.

— Ммм... блаженство!

Отдаюсь сладостным ощущениям под успокаивающий щебет Аськи, которая в деталях расписывает будущий интерьер «моего» замка. Я так и вижу себя спящей в хрустальной кровати, окружённая со всех сторон зеркалами и гигантскими мягкими игрушками. Кошмар, на самом деле, если вдуматься, но я не вдумываюсь, и улетаю.

По-моему, я даже хрюкнуть успела пару раз, когда у Жени завибрировал телефон на месседж.

Вздрагиваю и оборачиваюсь, сбрасывая с себя шляпу. Щурюсь спросонья. Вижу, как Евгений вытирает руки от крема и тянется за смартфоном. Его брови взлетают вверх, пока он читает сообщение, а потом кидает в мою сторону быстрый взгляд.

— Что? — я непонимающе моргаю, отгоняя дрему.

Евгений молча качает головой, что-то печатает, отвечая, и откладывает гаджет.

— Коллеги с работы. Не обращай внимания. Так на чём мы остановились?

Но продолжить нам не дали: телефон снова сигналил, в этот раз на вызов.

— А они у тебя настырные, — усмехаюсь я, но Евгений, почему-то, не веселится — наоборот, он хмурится, слушая собеседника. Потом кидает короткое «понял», чертыхается, встаёт, и вдруг накидывает мне на спину парео.

— Жень, ну жарко же, — протестую я.

— Ничего. Целее будешь. И я тоже.

Странное заявление. Сегодня вокруг меня очень много странного.

Глава 18. Заир

— Ушла.

Откидываю журнал и принимаю сидячее положение.

— Ну? И на кой ты устроил весь этот цирк? — Аркадий смотрит на меня поверх очков, отложив свой планшетник.

Расстёгиваю до конца рубашку и распахиваю полы, подставляя ветерку свой вспотевший живот. Потом хватаю горсть орешков со стола и кидаю себе в рот.

— Не я устраиваю здесь цирк. Ты видел, сколько она просидела под водой?

— Заир, девчонка плавает, как рыба, она родилась и выросла у моря!

— И что? Я вот родился и вырос в Москве, и всё равно не доверяю коробке-автомат.

Зотов недовольно кряхтит:

— И где тут связь?

— А нету связи, — передразниваю я его. — Пусть в лягушатнике вон купается, рядом с Аськой. Взялась опекать ребёнка — так опекай, а она что? Валандается голая по пляжу, фридайвинг мне тут устраивает, а мою дочь на малознакомого мужика бросила.

— Это ведь Женя, а не малознакомый мужик.

— Для нас Женя, для неё — случайный знакомый, который подцепил её в аэропорту. А вдруг он сексуальный маньяк и педофил, она подумала об этом, прежде чем оставить с ним Аську?

— Ну, ты уже перегибаешь, Заир.

Я не отвечаю. Сюю в рот очередную горсть снеков, и, методично перемалываю их челюстями.

Когда Евгений сообщил, что Нара отправилась к пирсу, я заволновался и вопросительно посмотрел на Зотова — ведь именно здесь мы устроили себе небольшой наблюдательный пункт на сегодняшний день: с помощью бинокля отсюда прекрасно просматривалось место, где резвиться наша троица. Но Аркадий успокоил меня:

— Тебя сейчас родная мать не узнает. Продолжаем изображать из себя отдыхающих и не дергаемся.

Игоря командировали за напитками к бару, а сами разлеглись на шезлонгах и стали ждать.

И вот она появилась. Вплыла в своём бирюзовом лифчике на торчащих сиськах, и синезелёном нечто на бёдрах, на голове чёрная соломенная шляпа, прикрывающая убранные в низкий пучок волосы, в руках сандалии. Кожа цвета капучино лоснится от солнца, которое так и липнет к её голым плечам, целует их, оставляя блики.

Продефилировав мимо, и даже не глянув в нашу сторону, Нара напрямик направилась к самым дальним лежакам. Зато мы чуть головы себе не свернули, разглядывая, как она раздевается. И тут даже Аркадий не смог сдержать многозначительного хмыка.

— А девочка-то медовая.

— Посмотрим, какие мухи на этот мёд слетятся, — бурчу я, а сам глаза кошу, наблюдаю, как Нара выкаблучивается на мостике. Не успел я насладиться представлением,

как эта звезда подпрыгнула, и красивой дугой ушла под воду, даже брызг за собой не оставила, так гладко вошла.

А потом я чуть сам не прыгнул следом, чтобы прибить её.

Прикладываю к глазам бинокль, настраиваю фокус.

Нару нахожу быстро — идёт широкими шагами, размахивая шляпой в руках. Сердитая. Ох, смотрите-ка, даже свою тряпку не соизволила натянуть! Так и пошла через весь пляж, виляя голыми булками. Фифа!

Наблюдаю, как девушка подходит к Евгению с Асей, и ложится животом прямо на песок. Недовольная, блядь. Не дуйся, давай, а то щеки лопнут. Нечего было под водой сидеть по десять минут, как земноводное какое-то. Совсем сдурела? Или жабры отрастила?

Я, признаться, чуть с катушек не слетел, пока ждал, когда её рыжая бестолковка вынырнет на поверхность, едва сам не сиганул за борт. Хорошо, Игорёк удержал, оттащил от поручней. И ведь даже не вылезла, дальше поплыла, русалка, мать её. Пришлось меры принимать. Зотов, вон, до сих пор на меня зверем смотрит.

Понимаю, он боится, что я ему всю операцию сорву. Ну, так я ж только об этом и забочусь: вот потонет его объект наблюдения, тогда вся красиво выстроенная логическая цепочка рассыплется, и что он делать будет? А я аккуратно так напустил на неё спасателя, заставил девчонку вернуться в пределы разумного. И всего-то дел.

Подкручиваю линзы на окулярах, улучшая четкость, и пробегаюсь взглядом по её голой спине, аккуратной попке, облепленной крохотными бирюзовыми трусиками, по длиннющим ногам с тонкой лодыжкой и розовыми пяточками, и опять к спине. Это не спина, скажу я вам, это самая что ни на есть карта Млечного пути. По ней только созвездия изучать: Телец, Стрелец, Кассиопея... Что там ещё... Интересно, на заднице у неё тоже есть веснушки? Жаль, отсюда не видать. Но если есть, тогда там наверняка Скорпион.

Передо мной встаёт картина, как я своим «звездолётом» на её голой попке вывожу контуры жала скорпиона. Я ей так бы её разрисовал, что потом неделю отмывалась бы. Скалюсь от этой мысли.

Но моя улыбка быстро гаснет, когда вижу, как Евгений наглаживает ей спину кремом от загара, а у самого морда красная от натуги. А ведь мне это не нравится. Действительно не нравится.

Я хватаю телефон и строчу Жене.

«Хорош её мацать. Пусть оденется»

Женя: «Не понял?»

Я: «Пусть накинёт на себя что-нибудь»

Вижу, Евгений не догоняет. С недоумением оглаживается в нашу сторону:

«Вы серьёзно?»

Злюсь. Оторвав на минуту глаза от бинокля, набираю дозвон и ору в трубку:

— Так, прикрыл ей быстро задницу чем-нибудь, или я сейчас сам подойду и прикрою всю вашу лавочку!

Евгений разводит руками, похоже, что чертыхается, но всё же накидывает на Загитову цветную тряпку, что-то говоря ей в оправдание.

— Во, другое дело, — успокаиваюсь я. А Зотов подозрительно щурится на меня:

— Ты совсем двинулся, Тураев, да?

Кажется да. Определённо да. И меня это тоже начинает беспокоить.

Может, всё дело в недотрахе? Сроду меня не впечатляли щуплые рыжие худышки. Люблю женщин в теле, чтобы было за что подержаться, а тут... Нет, ну груди у неё конечно крепкая двоечка, даже двоечка с половиной, и торчат, как пики, а при ходьбе так резво подпрыгивают, словно воланчики от бадминтона. Ножки так вообще загляденье — длинные, гладенькие, точёные...

Так, стоп. А если серьёзно, Тураев? Ты ведь еще пока что женатый человек, пусть и в процессе развода. Это раз. Два: у тебя есть женщина, которая тебя устраивает, и которой ты уже подумываешь сделать предложение. Тогда какого х. я ты слюни пускаешь на эту Загитову? Что с тобой? Забыл, кто она есть? Что сделала?

А ведь и правда, забыл. Поплыл от девки, на которой пробу ставить негде. Дебил, блядь. Швыряю бинокль на стол и тянусь за банкой охлаждённого пива. Пора с этим кончать. Сегодня, кстати, звонила Марина. Скучает. Просится приехать. Я, конечно, отказал, но, не знаю, может, в этом и есть смысл.

— Что там, в Москве? — спрашиваю Зотова.

— Пока тишина.

— Марина тоже ничего о Нисар не говорит.

— Скоро объявится, значит.

— Слышь, Аркадий. Марина приехать хочет.

Зотов аж подскакивает на своей сидухе:

— Ну, Заир Самирович! Нашёл время!

— Да, собственно, я ей то же самое сказал — мол, мы здесь не на курорте. Просто...

Я замолкаю. Не знаю, что сказать, как объяснить своё состояние. Но Зотов на высоте, он и сам обо всём догадывается.

— Так, давай начистоту, Заир. Я не дурак, вижу, как ты на девчонку смотришь. Но я тебе и без психолога скажу: этот интерес мнимый, легко объясняемый.

— Думаешь?

— Сам посуди: после изнурительных поисках дочери ты почти у цели, только руку протяни. Но как раз этого ты сделать и не можешь — тебя остановили в шаге от желаемого. И тебя колбасит именно поэтому. Девочка такая не потому, что девочка, а потому, что она рядом с Асей, а ты нет. Вот представь: я прямо сейчас разрешил бы тебе забрать Аську и увезти домой. Твои ощущения?

Я задумываюсь. Да. У меня бы словно шлюзы открылись, нарыв прорвался, давление упало. Аську в охাপку — и домой. И всё как раньше, по накатанной. Однозначно, я бы почувствовал громадное облегчение.

— А про Загитову бы и не вспомнил больше, уверяю тебя, — продолжает мои мысли Аркадий, словно читает их, как открытую книгу.

Я с невольным уважением смотрю на друга.

— И откуда у тебя столь обширные познания в психологии?

— А ты что думаешь, я тут пони рисую? — Зотов крутит в руке передо мной планшетник. — Читать, иногда, полезно, знаешь ли. И вот, что я тебе еще скажу: если нужно спустить пар, не обязательно выписывать себе бабу из Москвы, в твоём распоряжении целое побережье средиземноморья. Ну, не мне тебя учить.

На меня как озарение снизошло. Я откидываюсь на лежак и пару минут перевариваю услышанное, а потом оглядываюсь — и замечаю, как много, оказывается, вокруг меня красоток. Вон та блондинка на табуретке у бара, кажется, давно посматривает в мою

сторону. Чуть заметно салютую ей банкой пива и слегка улыбаюсь. Она в ответ делает то же самое, и призывно перекидывает ногу на ногу, выставляя на обозрение загорелое бедро. Я думаю всего две секунды, а потом согласно киваю — договорились, мол. Ну, вот, и всё. Ха! Так просто.

Да. Психология — это вещь.

Глава 19. Линара

— Аська, не трогай меня!

— Ну, тёть Лин, ты должна хотя бы попробовать!

— Моей смерти хочешь, да? Отойди, говорю. Жеень!

— Дядь Жень! Она не отцепляется!

Картина маслом: Я и ролики. Точнее: Я, фонарный столб и ролики.

Аська пытается оторвать меня от столба, а я отчаянно сопротивляюсь. Я люблю фонарный столб. Я ему доверяю. Он моя опора по жизни. Ни за что не отпущу!

— Девочки? Проблемы?

Евгений подкатывает к нам на своих гигантских «самокатах», с уверенностью заправского роллера, сияя здоровьем и отличным настроением. Ненавижу!

— Дядь Жень, скажи ей! — противно верещит Аська, а я понимаю, что мой конец близок: сейчас Евгений начнёт охмурять меня, давить обаянием, уговаривать, и я, как всегда, не выдержу, сдамся, отпущу свою единственную опору и мне конец. Я упаду и разобьюсь. Сломаю себе что-нибудь. Ударюсь головой и получу несовместимую с жизнью травму. Я знаю это, просто знаю. И от этого еще крепче цепляюсь за столб.

— Линара, посмотри на меня. Ну же!

Улыбается, гад. А я рук уже не чувую, потому, что, практически вишу на них.

— Умница! А сейчас перенеси сначала одну ладонь мне на плечо, потом другую. Представь, что я — это столб, я такой же крепкий, только намного приятней на ощупь.

— Не могу представить. Столб стоит, а ты движешься.

— А мы будем двигаться вместе.

— И вместе упадём. Ой, мамочки, ой... нет...

— Да!

— Жеень!!

— Держу, держу, не бойся! Всё в порядке.

— Только не отпускай!

— Ни за что на свете. Смотри, ты уже стоишь!

Ну, это сильно сказано. Теперь я просто вишу на шее Евгения, перебравшись на него с ловкостью ленивца, насильно оторванного от родного дерева.

— У меня ролики бракованные, — бормочу я потерянно. — Точно бракованные, они едут в разные стороны. Ой! Вот, видишь?! Мне их надо срочно поменять, кати меня назад.

Евгений смеётся:

— Всё хорошо. И с роликами порядок. У тебя почти получается. Теперь, давай, повернись ко мне спиной... я держу тебя, держу, Лина! Так. Выдвигай сначала одну ногу вперёд, потом вторую... ии... поехали!

Аська, как чертова водомерка, крутится вокруг нас юлой на своих роликах, а я каланча-каланчей, ноги вместе собрать не могу. Такое ощущение, что они сами по себе, а я сама по себе.

— Дядь Жень, смотри, как я умею! Правда, здорово?

— Ого! Да ты профи!

— Ха-ха!.. — заливается Аська, а меня зло берёт

— Не понимаю я вашей радости, это же средневековые пыточные орудия. Как там?

Испанский сапог, что ли? Только на колёсиках.

— Поначалу у всех такое мнение, но стоит научиться, как начинаешь наслаждаться скоростью.

— Враки всё это. О-о-о-ой!!!

— Тихо-тихо!..

Мой поперечный шпагат мог быть весьма эффективным и болезненным, если бы не Женя: он удерживает меня, спасибо ему за это. Правда, я всё же успеваю пересчитать затылком все его кубики на прессе, затормозив на самой пикантной выпуклости пониже, отчего он крякает, и резко дёргает меня за подмышки вверх, при этом его ладони, совершенно случайно, разумеется, оказываются на моих грудях. Я взвизгиваю, Женя чертыхается и, в испуге отпускает меня. Я теряю опору и валюсь прямо на него. Он отчаянно балансирует, и мы, как два пьяных эквилибриста, с охами и ахами, пытаемся удержаться на разъезжающихся в разные стороны ногах, истощно цепляясь друг за друга. Жене, к счастью, удается сделать это первому.

Аська, сложившись пополам, угорает над нами до слёз, и, как выясняется, не одна она. Толпу мы собрали изрядную, кто-то даже хлопал.

— Улыбнитесь, нас снимают! — шутит Евгений, ставя меня, наконец, в вертикальное положение. — Завтра наверняка это будет в топе под заголовком «Брачный танец взбесившихся журавлей».

— Скорее уж «Камасутра на роликах».

Евгений ржёт, как конь, притянув меня к себе и крепко удерживая за талию, а я едва могу дышать, и то, через раз.

— Ну, всё, с меня хватит, — говорю, сдувая растрёпанные волосы с потного лица. — Я уже насладились скоростью достаточно. Теперь везите меня вон до той лавочки и там бросайте, дальше сами развлекайтесь.

С невероятным облегчением усаживаюсь на лавку.

— Мои бедные ножки... Никогда больше, ни за что... — причитаю я, освобождаясь от роликов — этих орудий пыток. Разминаю ступни, потом пытаюсь навести порядок на голове. Резинку я потеряла, и теперь волосы космами торчат в разные стороны. Сумку мы, конечно, оставили в раздевалке, так что даже расчески нет. Я пятернёй сгребая пряди и кое-как заплетаю косу.

Понесла меня нелёгкая на этот ринк! Но сегодня немного пасмурно, и мы не пошли на пляж. Когда же выдумывали, чем заняться, Аська ткнула наугад пальцем в путеводитель, и сказала: «Вот сюда!» Я, было, возразила, что не умею кататься на роликах, но Евгений уверил меня, что я быстро научусь и войду во вкус. Наивный! Ну, или я наивная, что повелась на это.

— Тётъ Лин, мы дотудова! — орёт мне Аська, а я машу им рукой.

— Только аккуратней!

— Не беспокойся, я за ней присмотрю.

Да, я достаточно доверяю Евгению, чтобы оставить на него племяшку, и всё же, как я могу не беспокоиться? Уже пять дней прошло, а от Нисар ни слуху, ни духу. У меня номер только на неделю снят — всего два дня осталось. Что делать, если сестра не объявится? Продлить проживание я не смогу — денег и так впритык. Пусть Нисар и внесла на мой счёт довольно крупную сумму, но здесь всё очень дорого, купюры летят со скоростью звука. А надо будет еще и билеты обратно покупать, и теперь, возможно, уже на двоих.

Была мысль позвонить тётке Роксане, но как объясниться с ней? В курсе ли она дел дочери, или нет? Что можно говорить, а чего нельзя? Куда же ты пропала, Нисар? Ладно бы одну меня подвела, но со мной же Аська! Ты не можешь с ней так поступать.

Я морщусь. Пить хочется невозможно. И вдруг моё желание исполняется: как по волшебству перед носом материализуется бутылочка минералки — холодная, запотевшая, вся в прозрачных пузырьках и потёках, точь-точь как в телевизионной рекламе. Я невольно облизываю губы и поднимаю глаза: передо мной незнакомец, импозантный мужчина, еще довольно молодой, но уже достаточно зрелый, чем-то смахивающий на Илона Маска — с такой же «пластиковой» улыбкой на лице. Одной рукой он опирается о трость с костяным набалдашником, другой протягивает мне воду.

— Я подумал, что Вам это сейчас необходимо.

Теряюсь, и машинально беру бутылочку.

— Спасибо. Вы телепат?

— Просто благодарный зритель. Пейте, не бойтесь, я купил её только что вон в том автомате.

Собственно, я не боюсь, просто странно как-то. И человек сам странный.

С шипением откручиваю пробку и делаю вожделенный глоток, второй, третий... Ммм... блаженство!

— Видел Ваше выступление. Должен сказать, Вы были великолепны.

— Благодарю. Я долго тренировалась.

Мужчина смеётся, и я вместе с ним. Лицо его меняется — искренний смех идёт ему, но он быстро прерывается, возвращая на место неестественную улыбку.

— Не будите возражать, если я присяду ненадолго, госпожа Загитова?

Садится. А я даже не пытаюсь скрыть удивление.

— Мы разве знакомы?

— Мы нет, но оба знакомы с господином Мансуровым, не так ли?

Я захлёбываюсь и начинаю кашлять. Мужчина хлопает меня по спине, как добрый заботливый папочка.

— Вижу, что так, — удовлетворённо кивает он. — Знаете ли, мы должны были с ним встретиться, но он, почему-то на встречу не явился.

Делаю судорожный вдох, горло дерёт, в глазах слёзы, но мужчина, будто не замечает моего состояния, спокойно продолжает:

— Однако, раз Вы здесь, могу предположить, что и он где-то поблизости. Так вот, передайте Вашему другу, что мы пока терпеливо ждём обещанного. И будем терпеливы еще 24 часа, но не более того. Если он не объявится, наш уговор с ним аннулируется, без перспектив на восстановление, зато с гарантированным взысканием с него возмещения за потраченное нами впустую время. Я ясно выразился?

Он что, смеётся? Впрочем, из этого словесного кружева мой мозг умудряется выцарапать главное: Мансуров где-то здесь, или должен быть здесь, или будет здесь, иначе ему «взыскание с возмещением» прилетит.

— Ну, вот, собственно, и всё, — «Илон Маск» встаёт. — С Вашего позволения, я откланяюсь. Но прежде скажу, что Вы очень красивы, и весьма... ммм... гибки, — не считите мои слова за бестактность. И Ваша племянница тоже очаровательная девочка. Берегите её. Оревуар.

Я молчу, у меня горло спазмом сковало, теперь уже от самого настоящего страха. Мне

что, только что пригрозили Аськой?

Мужчина поворачивается, и, слегка прихрамывая, идет в сторону набережной, а я так и не могу выдавить из себя ни слова. Аллё, Загитова! Он же сейчас уйдёт, а ты так ничего и не выяснишь? Нельзя, нельзя просто так отпускать его, надо хотя бы узнать, кто он?

Я заставляю себя прохрипеть ему в спину:

— Пойдите!

— Да? — мужчина оборачивается.

— Скажите, кто Вы?

Он будто бы спохватывается, ругая себя за рассеянность:

— Ах, простите. Моя фамилия Калугин. Борис Викторович. Так не забудьте передать мои слова Мансурову, в Ваших же интересах сделать это поскорей. Всего доброго.

Я туплю с полминуты после его ухода, а потом лихорадочно начинаю искать глазами своих. Я ведь чувствовала, знала, что что-то грядёт. Да и не могло быть иначе, если дело касается Нисар. Во что она влезла? Во что втравила меня? А главное, во что втравила Аську? Господи, что же делать?

— Линара? — Евгений подъезжает ко мне. Руки в боки, лицо озабоченное. — Что-то случилось?

— Да, кое-что, — я рассеянно тру лоб, пытаюсь собраться с мыслями. — Нам нужно срочно возвращаться.

Евгений, почему-то не удивлён.

— Хорошо. Идём домой. Возьми, я принёс сумку. И твои сандалии.

Сует мне в руки плетёнки. Я автоматически беру их и начинаю обуваться.

— Ты не понял, Жень. Нам с Асей нужно возвращаться в Москву.

На что Евгений опять-таки, спокойно кивает. И смотрит как-то... по другому, что ли? Но мне не до того, мои мозги в раздразе, никак не получается их собрать.

— Как думаешь, я смогу вернуть деньги за неиспользованные дни, или уже плюнуть на это дело?

— Давай обсудим это в номере. Ася! — кричит племяншке. — Гребни на базу, закругляемся.

Несусь, как локомотив, а эти двое плетутся за мной, словно неживые. У поворота в коттедж и вовсе тормозят.

— Жень, ну чего вы там возитесь? — нетерпеливо окликаю их.

— Тут Аська мне какую-то нору хочет показать. Мы вернёмся через десять минут, ладно? Ты заходи, пока.

— Тётъ Лин, я ему домик Матрицы покажу, а то он не верит!

— Недолго только! — ору, а сама влетаю в дом. Матрица, блин. Нашли время. Кидаюсь к шкафу, с грохотом вытаскиваю чемоданы, хватаю вещи, и вдруг слышу за спиной:

— Куда-то собрались, госпожа Загитова?

Это было произнесено спокойным, негромким голосом, но так неожиданно, что я с визгом подпрыгиваю. Из моих рук прямо на пол валится стопка Аськиных маечек. Я оборачиваюсь и холодею от ужаса. У окна в пол-оборота ко мне стоит мужчина. Высокий, бородатый, черноволосый, весь какой-то... дикий. И тут я узнаю его — это ОН! Тот парень с пирса!

Мужчина не смотрит на меня, он смотрит на улицу, раздвинув пальцами перемычки жалюзи. Жадно так смотрит, с нетерпением. И меня вдруг осеняет: он высматривает Аську!

Холодею от ужаса, и, в то же время концентрируюсь, принимая моментальное решение. Срываюсь с места, кидаюсь назад к двери, но мужчина проворнее меня, он успевает преградить мне дорогу. Я с налёту врезаюсь ему в грудь и отскакиваю, будто от оголённого провода под напряжением.

— Спокойно! Ася в порядке. Евгений приведёт её скоро.

У меня внутри всё переворачивается. Евгений? Он говорит о нашем Жене? Вот тут что-то нехорошее начинает скрестись в душе.

А мужчина продолжает обжигать меня чёрными глазами, такими чёрными, что даже зрачков не видно. У меня волосы на загривки встают дыбом, а ладони потеть начинают. Моё тело интуитивно группируется, готовясь дать отпор, и я делаю осторожный шаг в сторону, не упуская незнакомца из виду.

— Кто Вы? Что Вам надо? Что вам всем надо от меня?

Мужчина морщится.

— Насчет всех не знаю. А вот мне нужна моя дочь.

Чувствую, как по моему лицу пробегает нервная судорога. Дочь?! Господи! Ну, конечно! Эти чернящие очи, равнодушный кивок... «...познакомься, Линара...»

Я как сомнамбула снова приближаюсь к мужчине. Придирчиво всматриваюсь в него, распахнув глаза, до конца ещё не веря им.

— Заир?

Не могу, не могу отвести взгляд. Я ощупываю им его лицо: загорелый лоб, густые брови, скулы, покрытые тёмной бородой, недовольно поджатые губы. Волосы... они длиннее, чем на последних фотографиях, что я видела в сети. И такие жесткие наощупь... Господи! Я отдёргиваю руку. Я что, в самом деле, трогаю его волосы?! И он позволяет мне это?

— Прости...те, Заир... Самирович. Это от неожиданности.

Мои щёки пылают. А он прищуривается на меня недобро. Его взгляд... не холодный, нет, скорее отторгающий, колючий, даже ненавидящий. И улыбка... не улыбка вовсе — оскал тигра перед смертельным прыжком.

— Узнала, значит. Ну, что ж, свояченица, поговорим?

Глава 20. Заир

- А насчёт мух ты был прав.
- Что там?
- Посмотри, кто объявился, — Зотов протягивает мне бинокль.
- Калугин! Надо же!
- Собственной персоной.
- Не успокоится никак.
- Ну, ты его здорово тогда подрезал.
- Он сам виноват. Нечего было нарываться.
- Теперь понятно, откуда ветер дует. Значит, доки для него украли.
- Пора трясти Загитову.
- А если она их уже передала?
- Вот и узнаем. Звони Евгению, а я к ним в коттедж двину.
- Без меня девчонку не трогай!
- Да кто её трогает? Женя, разве что, — цежу сквозь зубы.

Их кривляния на ринке было коротким, но впечатляющим. Камеры вспыхивали, как бенгальские огни в Новогоднюю ночь. Представляю, что завтра в интернете будет. Устроили, блядь, грязные танцы. Ну, ничего. Я им тоже устрою. Скоро.

Так, значит, Калугин, всё-таки. Давно мы не бодались. Но, видать, забыл он урок. Придётся напомнить.

А ведь мы когда-то дружили. Вместе после института на прииски к моему деду рванули, приключения на свою жопу искать. Хотя у обоих отцы не последние люди в Москве — статус, бизнес, всё такое. Но нам же подавай свободу невьебенную, чтоб тайга дремучая, чтоб река могучая, байки у костра под звёздным небом.

Всё это у нас было. Поначалу. Только вот приключения Борькины закончились быстро: примерно через месяц он попал под завал, куском скалы раздробило ему коленную чашечку, и пришлось Борису вернуться в Москву. А я ещё пять лет в Сибири породу мыл, гнус кормил, да грязь месил. Не зря месил, как оказалось — в Москву «на белом коне» вернулся, утёр, всё-таки нос отцу. Зауважал меня.

Борька тогда при встрече по плечу меня хлопал, поздравлял, вискарь подливал, девочек ко мне подсаживал, а сам от зависти зубами скрипел. Я всё видел, но молчал. Многое ему прощал — считал, что мне всё же больше повезло в жизни, чем ему, пусть хоть так пар спускает. Но когда отец мне свой бизнес передал, и я ещё больше взлетел, Борис стал откровенно вредить мне, уже в открытую. Ну, я ему и ответил. Один раз, зато так метко, что надолго отшибло ему охоту пакостить мне.

Потом случился «Баркар». История мутная, на самом деле. Пару лет назад Шамиль заключил сделку с турками по совместному строительству плавучего отеля в Белеке. Через какое-то время после начала проекта турки предложили Шамилю выкупить их долю — я отговаривал, но тесть не послушал меня. Позже вскрылись некоторые махинации с поставками некачественных материалов. Загитов занервничал, и сам накосячил: утаив от меня свои планы, он дал большую взятку одному крупному чиновнику, чтоб тот закрыл глаза на кое-какие огрехи. К сожалению, того чиновника вскоре нашли мёртвым при весьма подозрительных обстоятельствах. Началось расследование, всплыл факт взятки, дело

разрасталось, как снежный ком. Тут и журналюги подтянулись.

Мне пришлось бросить всё и заниматься только «Баркаром», чтобы «отмыть» тестя. Оказалось, чиновник сам был в сговоре с бывшими партнёрами Шамиля — они хотели повернуть махинацию со страховкой, но что-то не поделили между собой, и партнёры завалили самого чиновника, успев до этого сплавить свою долю Шамилю. «Баркар» оказалась с гнильцой, теперь Загитову пришлось бы платить все неустойки, связанные с нею, а то и вовсе замораживать строительство.

Чтобы спасти проект, мне пришлось преступить закон: за весьма солидную сумму выкупить у свидетелей и скрыть от следствия кое-какие улики, после чего дело закрыли за недостаточностью. Те самые улики лежали в моём сейфе под семью замками, шифр которого знал только я. Оказалось, что не только.

Эти доки были бы Калугину как нельзя кстати. С ними он мог поднять такую шумиху, что я вряд ли бы отмылся в ближайшие годы.

Достаю дубликат ключа, открываю дверь коттеджа. Вхожу. Я бываю здесь периодически. Когда никого нет, конечно. Что я тут делаю? Если бы кто увидел, принял бы меня за свихнутого сталкера. Да я такой и есть на самом деле.

Я хожу по комнатам, трогаю вещи, разговариваю сам с собой. Ругаю Аську, что раскидывает свои игрушки — никак не приучу её к порядку. Потом ругаю Нору, что она не приучает Аську к порядку, и сама вон, лифчики свои бросает где попало. А тут мужики, между прочим, ходят.

В холодильнике йогурт просроченный — надо сказать Женьке, чтоб выкинул. И бананы уже почернели — куда только прислуга смотрит?

Ложусь на Аскину кровать, нюхаю её подушку. Улыбаюсь. Потом ложусь на Нарину кровать, нюхаю её подушку. Злюсь. Вспоминаю. Схожу с ума.

Блондинка не помогла. Брюнетка тоже. Специально искал рыжую — нашёл. Ушёл, даже не попробовав — всё не то, не русалка. В сердцах позвонил Марине, теперь жалею. Но, ничего не попишешь. Сегодня вечером она уже будет ждать меня в своём номере, который я снял для неё. Честно? Мне страшно. Вдруг и это не поможет?

Подхожу к окну, смотрю сквозь жалюзи на улицу. Идут. Евгений, как и договаривались, уводит Аську от коттеджа, а Нара бежит бегом в дом. Беги, девочка, беги. Я тебя ой как жду.

Влетает, даже не взглянув по сторонам. Сандалии в одну сторону, сумка в другую, что-то бормочет себе под нос, и прямым к шкафу чешет. Наклоняется, выставив попку в коротюсеньких шортиках, тянет застрявший чемодан своими слабыми ручонками, пыхтит от усердия. Кушать тебе больше надо, девочка, а не на роликах крутиться. Да не дёргай ты его так, руки оторвёшь, горе ты моё! Качаю головой. Отворачиваюсь к окну, глазею в щелку: ну, где там Зотов? А то я сейчас без него допрос начну. С пристрастием.

Тут у неё что-то падает с грохотом, и я не выдерживаю:

— Куда-то собрались, госпожа Загитова?

Вижу боковым зрением, как Нара подпрыгивает от неожиданности, роняет какие-то тряпки на пол. Даю ей немного времени разглядеть меня, жду, что будет делать дальше, а сам готовлюсь к прыжку. И, чёрт, не прогадал: Нара птицей метнулась к двери. Я срываюсь раньше неё на долю секунды, и успеваю загородить собою выход.

Она врзается в меня с размаху. Бах!! Удар, блядь, прям в сердце, и оно начинает стучать как ненормальное.

Вижу по губам — шепчет что-то, в глазах ужас. Слышу знакомое имя. Аська? Это она к

ней так рванула? Неужто переживает? Впрочем, она же тётка, пусть и двоюродная, кровь-то всё равно родная.

— Спокойно! Ася в порядке. Евгений приведёт её скоро, — пытаюсь говорить ровно, но девочка лишь больше костенеет.

Ах, ну да, Евгения же упомянул! Ну, дорогуша, тут облом тебе, ничего не попишешь. Твой кавалер не кавалер вовсе, ты для него «задание», и только. Я плачу ему, чтобы он влюблёнными глазами на тебя смотрел, да кружил на своих роликах твою глупую бестолковку. Нет для тебя Жени больше, поняла?

Сжимается вся, отступает, глазами своими раскосыми зелёными на меня со страхом глядит, рыжими ресницами хлопает.

— Кто Вы? Что Вам надо? Что вам всем надо от меня?

Меня передёргивает от этого «всем». Кому это «всем»? Ну-ка, ну-ка, милая? Не один Евгений тут топчется, что ли? Я этих «всех» твоих по стенке носом, так и знай.

Стоп, Тураев. Стоп! Не туда тебя опять несёт.

Играю желваками, но беру себя в руки.

— Насчет всех не знаю, а вот мне нужна моя дочь, — говорю, а сам сверлю её взглядом — признает-не признает? Да она меня и не видела никогда толком — один раз у Шамиля не в счет. Разве что на фотографиях, но я на них там глянцево-бритый, стриженный, не то, что сейчас.

Раскосые глаза девчонки вдруг круглыми становятся.

Ну, вот и карты на стол. Главное поймать этот первый момент, когда поймёт, кто я. Что будет в этих глазах? Страх? Вина? Чувство загнанности? Что будешь делать, девочка? Врать, юлить, или, может, с кулаками на меня кинешься? А может, на жалость давить начнёшь? Наблюдаю жадно, сам не знаю, чего хочу.

Она не делает ни того, ни другого, ни третьего. Медленно идёт ко мне, вглядывается так пристально, будто не верит.

— Заир?

Меня как потоком воды прохладной, чистой, с ног до головы обмывает, свежестью обжигает. Скажи это еще раз. Скажи.

А Нара всё смотрит на меня изучающе. В глазах узнавание, даже облегчение и... радость? Ну, не переигрывай, девочка, не надо. С какого перепугу ты можешь радоваться мне?

А тем временем нефритовые очи гуляют по моему лицу, как по шедевру какому-то выставочному, с любопытством и неподдельным интересом. Рука, вдруг, поднимается, пальчики моих волос касаются, перебирают их, нежно так, с любовью. Я теряюсь — что она творит? Чего добивается? А-аа... Не знаю, и знать не хочу. Хочется откинуть голову назад, закрыть глаза и наслаждаться...

Вот так лохи и попадаются таким, как она — с виду невинным, а внутри ядовитым. Русалки, мать их, они такие. Опьянят словами, окружат очами зелёными, опутают руками точёными, ласковыми, и на дно за собой ими утянут, в холодную бездну. Так ведь, Тураев?

Развезло тебя, мужик, нехило. Подпустил слишком близко, запах её мандариновый вкусил, вот и поплыл. Идиот. Забыл, с кем дело имеешь? Забыл.

Страхиваю дурман, бужу в себе уснувшего было зверя, мечу на девку нарочито сердитый взгляд, чуть не рычу в голос. С огнём играешь, рыжая. Не трогай! — посылаю мысленно

сигнал. Она словно слышит меня, тут же резко отдёргивает руку.

— Прости...те, Заир... Самирович. Это от неожиданности.

Смуглое от загара лицо Нары медленно розовеет, поднимаясь жаром от груди к скулам.

То еще зрелище! А мне её порвать сейчас хочется. Покусать. Сожрать и косточки обсосать.

Вот этим сейчас и займёмся. Прищуриваюсь, скалюсь.

— Узнала, значит? Ну, что, свояченица? Поговорим?

Глава 21. Линара

— Я, кажется, вовремя успел.

Мы оба поворачиваем головы. В дверном проёме стоит амбал-профессор. Он едва умещается там. Я вновь испытываю чувство тревоги, но отнюдь не удивления.

— Где тебя носит? — Заир недоволен, однако «профессор» пропускает явную грубость мимо ушей.

— Нужно было кое-что сделать, — миролюбиво отвечает он. — Я пройду, можно?

Пожимаю плечами — и так ясно, что вопрос риторический.

— Как понимаю, Вы — Загитова Линара Эльшадовна.

Скрещиваю руки на груди и отступаю к стенке, словно ищу защиту от этих двоих.

— А Вы, позвольте узнать, кто?

— Зотов, Аркадий Андреевич. Начальник службы безопасности группы компаний, принадлежащих господину Тураеву. Ну, а Заира Самировича, думаю, Вам представлять не нужно.

— Служба безопасности?

Перевожу шокированный взгляд на Тураева — вот сейчас я удивлена, причём неприятно. А тот демонстративно приподнимает свои густые брови: что, мол, не ожидала? Не ожидала. Честно.

С представителями закона у меня как-то не сложилось. И это ещё мягко сказано. При упоминании их в любой интерпретации, в памяти сразу всплывает тёмная маленькая комнатка, окрашенная грязно-синей краской, похотливый взгляд ухмыляющегося мента, с кислым перегаром и потными руками-ластами, которые он всё время обтирал о свои ляжки. У него даже форменные брюки в тех местах лоснились чуть ли не до блеска. Он меня не трогал, физически, зато эмоционально опускал ниже плинтуса, давил, истязал, доводил до истерики, и, казалось, получал от этого такой же кайф, как если бы насиловал меня в особо извращенной форме.

От этих воспоминаний мне становится плохо. Ноги подкашиваются, я наощупь ищу спинку стула. Аркадий замечает это и подставляет его мне под попу — и вовремя, иначе я бы так и хлопнулась на пол.

— Да, Вы правы: давайте лучше присядем, — разряжает обстановку Зотов и устраивается напротив. Тураев же роняет себя в кресло у окна, не переставая прожигать во мне дыру взглядом туземца-людоеда, не евшего три дня.

Кошусь на него с опаской. Он определённо сердится. Опять сердится. Почему? Мы же видимся всего второй раз в жизни. Ну, пусть третий, если считать ту встречу на...

— Постойте, я видела вас на пирсе!

— Мы тоже Вас там видели, — Аркадий бесстрастно кивает, будто беседа идёт об абсолютно обыденных вещах. А я аж задыхаюсь от внезапной догадки:

— Вы что, следили за мной?

— Только дошло?

Я с возмущением смотрю на кривую ухмылку Тураева. Да что с ним такое? Откуда эта агрессия? Очевидно, что он невзлюбил меня с первого взгляда, но природу такого отношения я не понимаю, и от этого нервничаю ещё больше.

— Как только вы прибыли в Анталию, то оказались под нашим неусыпным

контролем, — вежливо отвечает мне Аркадий, а у меня от его вежливости скулы сводит.

Вот оно. Вот, что гложет меня, скребёт изнутри, как камень по стеклу.

— Евгений?

Зачем-то спрашиваю, хотя уже знаю ответ.

— Да. Он наш сотрудник.

— Сотрудник, значит.

На душе становится гадко. Нет, ну я же женщина, как-никак. Пусть я Женю и не рассматривала с романтической точки зрения, но узнать, что дружба и забота с его стороны всего лишь прикрытые слезки за нами... чёрт, это больно.

Кусаю губу, пытаюсь переварить действительность. Эх, Женька, Женька... Что ж. Не в первый раз меня «кидают» люди, которым я доверяла. И, всё-таки жаль, с Евгением было весело. Ладно, проехали. Мысленно захопываю перед ним дверь и запираю на ключ. Считай, Женя уже в прошлом. А боль пройдёт. Или я научусь с ней жить.

Делаю глубокий вздох, снова концентрируюсь на Зотове:

— Ну, и зачем всё это? Я имею в виду слезка, и всё такое.

— Полагаю, вы в курсе.

— Напрасно полагаете. Не имею ни малейшего представления, чем обязана столь пристальному вниманию к моей скромной персоне. Я, вроде как, не сделала ничего предосудительного.

Слышу краем уха, как Тураев фыркает в своём углу. Не смотрю на него. Игнорю. Пусть хоть зафыркается, грубиян. Обращаюсь исключительно к Аркадию.

— Объясните, что происходит?

«Профессор» многозначительно потирает нос:

— Давайте договоримся так: мы ответим на Ваши вопросы после того, как Вы ответите на наши.

Ну у меня, как бы, выбора нет.

— Что вы хотите от меня услышать?

— Начнём с Калугина. Вы давно с ним знакомы?

Вопросу, почему-то, не удивлена.

— А который час? — спрашиваю.

— Четырнадцать тридцать пять.

— Тогда около трёх часов. Сегодня утром он подсел ко мне на рынке, угостил водой и завёл довольно странный разговор.

— О чём он говорил с Вами?

— Так сразу и не перескажешь. Если кратко, то о том, что он всё ещё ждет «нечто», что ему пообещал «некто», который по неясным причинам не явился на назначенную встречу, и с которым, по его ошибочному мнению, я должна иметь связь. Что в моих же интересах передать ему, что у него есть всего 24 часа, чтобы исправить положение, иначе «взыскание возмещения» ему гарантировано.

Говорю это без всякого намёка на сарказм, но Тураев как ужаленный соскакивает с кресла, подлетает ко мне, и начинает тыкать пальцем мне прямо в лицо. От неожиданности вся сжимаюсь, впившись ногтями в края сидухи.

— Значит так, Нара. Если ты не хочешь, чтобы против тебя было выдвинуто обвинение в похищении моей дочери, ты нам сейчас всё выложишь, без всяких этих твоих вывертов. И первый мой вопрос таков: ты уже успела передать документы Калугину? Отвечай чётко и

ясно!

Заир висит надо мной всей своей громадиной. А я на своём стульчике чувствую себя сёрфером, которого вот-вот накроет гигантская волна и смоем нафиг в море.

— К-какое похищение? Какие документы? Вы о чём?

Перевожу испуганный взгляд на Зотова, а тот таинственно сверкает на меня своими очками без оправы.

— Видите ли, у нас есть веские основания подозревать Вас в створе с Вашей сестрой, Тураевой Нисар Шамильевной, с целью похищения ребёнка и незаконного вывоза его из страны проживания. А так же в пособничестве изъятия преступным путём конфиденциальных документов и передачи их конкурирующей фирме.

Хорошо, что я сижу. У меня едва хватает сил произнести:

— Повторите.

И, чтоб ему, этот Зотов с каменным лицом слово в слово повторяет свои абсурдные обвинения. Я чувствую, как кровь отхлынула от сердца и устремилась куда-то вниз, в копчик.

— Вы обвиняете меня в похищении Аси? Вы с ума сошли?! Нисар сама... она же мать... Нет, стоп! У меня есть разрешение! От обоих родителей, между прочим.

— Оно фальшивое! — рычит Тураев. — Я развожусь с Нисар и беру полную опеку над дочерью. Как я могу давать подобное разрешение?

— Что?! — я невольно приподнимаюсь со стула, ещё больше сокращая расстояние между нами — теперь мы едва не трёмся носами. Он смотрит на меня сверху вниз, сверкая глазами из-под полуопущенных век, его верхняя губа дергается, как у раздражённого до крайности хищника. Сейчас укусит — мелькнула мысль.

— А ты что хотела? Чтобы я оставил свою дочь на попечение конченной наркоманки, которая и сутки не может прожить без дозы? Ну, что так смотришь, будто слышишь об этом впервые? Это же по твоей милости она стала такой. По твоей, и твоего дружка-дилера, вместе с которым вы толкали наркоту малолеткам!

Во все глаза смотрю на разъярённого мужчину передо мной. Теперь, кажется, понятно, откуда такая неприязнь ко мне. И я, даже, догадываюсь, кто внушил ему эту мысль. Ах, дядя Шамиль, опуститься так низко, чтобы обелить свою дочку. А ведь ты лучше всех знал её. Знал, и всячески выгораживал, используя меня и моё имя, как прикрытие.

Подбираюсь вся, вспоминая старые навыки, опускаю забрало, накидываю броню.

— Мансуров не был моим дружкой, и с наркотиками я никогда никаких дел не имела, — говорю заученную давным-давно фразу, отлично понимая, что мне не поверят, но решаю упрямо стоять на своём.

— Да ну? — Тураев усмехается. Как ни странно, мне от его усмешки горько. Не всё равно, как должно быть, а нестерпимо горько и обидно.

— А я вот слышал про тебя совершенно другое.

Он находится слишком близко, чувствую его запах, порывы тёплого дыхания на своём лице, когда он говорит. Я ненормальная, да? Потому, что замечаю, вдруг, что тянусь носом за этим запахом, как кошка за валерианкой. Ещё не хватало!

Резко отворачиваюсь.

— Не в моих силах заткнуть вам уши, а людям рты. Только это неправда, от слова совсем.

— Неправда? Значит, твоя семья, родные, учителя, они все ввали, так, выходит? А два

привода за воровство? Ещё парочка за порчу чужого имущества, и, даже, за непристойное поведение в общественном месте, а? Между прочим, это всё задокументировано в следственном отделе вашего района.

Ну, это уже слишком! Копаться в досье, полностью сфабрикованном продажным следователем! Какая низость! Чувствую, что эмоциональная броня сползает с меня, как ночная сорочка под утро, и выдержка вот-вот махнёт мне ручкой на прощание.

— Начальник следственного отдела нашего района, — цежу я сквозь зубы, из последних сил сдерживая предательскую дрожь, — был должником моего дяди, и делал всё, что тот ему скажет.

— Вот именно поэтому тебя тогда не упекли в колонию для малолетних преступников, когда всю вашу шайку-лейку с распространением накрыли. А твой... как его там? Мансуров сбежал.

— Он не мой!! — не выдерживаю, срываюсь на крик. — И никогда моим не был! Он...

Понеслась... Снова и снова пытаюсь взять себя в руки. Сглатываю слюну, дышу, откидываю волосы со лба, делаю еще массу суетливых бессмысленных движений, лишь бы перестать трястись, как осиновый лист. Но ничего не помогает. Ещё немного, и я просто рассыплюсь. Господи, не верю, что снова переживаю подобное. И снова по вине сестры! Нет. Нет!! Аа-а...

Зажмуриваюсь со всей силы, сжимаю кулаки и давлю ими на глазницы.

Считаю про себя в образовавшейся вдруг тишине. Пять — десять... Дыхание выравнивается, пульс замедляет свой сумасшедший бег. Паника постепенно отступает. Открываю глаза и вновь встречаюсь с чёрными омутами. Они следят за мной, не отпускают, пожирают. Боже, что он делает? Зачем? Не могу выдержать этот взгляд, я словно в ад заглядываю. Отворачиваюсь.

— Собственно, почему мы копаемся в моем прошлом? Разве речь сейчас об этом? — стараюсь говорить спокойно, но выходит не очень.

— Потому, что это ты виновата, что Нисар опять подседа на наркоту и устроила весь этот бедлам. И это случилось, как только вы возобновили свои отношения с ней в Москве. Признавайся!

— Бред! — отмахиваюсь я. — Мы не виделись с ней больше шести лет, с тех пор, как я уехала из Новороссийска. Мы даже не звонили друг другу. Лишь около недели назад она внезапно появилась в моём доме с просьбой о помощи, и я действительно оказала ей её, потому, что считаю... считала, что ей и Асе угрожает опасность.

— Опасность? — Заир прищуривается. — Какая ещё опасность? Что она наговорила тебе?

— Сказала, что её преследуют!

— Она назвала имя преследователя? Причину? — впервые за долгое время вмешивается Зотов. Но я смотрю лишь на Заира, и отвечала только ему.

— Назвала. Мансуров Рамиль. Тот самый дилер, толкач, называйте, как хотите. Причина? Причину уточняйте у своей жены, господин Тураев. Потому, что дальше идут дебри, в которые я не желаю углубляться.

— А мне плевать на твои желания!

— Заир Самирович!

Это предостерегающе кричит Зотов, потому что тут начинается чёрт знает что. Я едва успеваю упереться руками в грудь Тураеву, поскольку он наваливается на меня всем

корпусом, и практически размазывает по стенке. Я задыхаюсь от его натиска, от его жара. Его тело горит огнём, я ощущаю это даже через ткань футболки. А какой он твёрдый! Панель за моей спиной не на много твёрже его грудной клетки, и пресса, и... и... ой, мамочки!

Я напрягаюсь и, что есть силы, отталкиваю от себя Заира. Он отклоняется лишь на какие-то миллиметры, но мне удаётся выскользнуть из-под него.

— Заир, сдурел?! — уже в полный голос орёт ему, вскочивший со стула, Зотов, пряча меня за спину, а я цепляюсь за его рубашку, как за спасательный жилет.

— Да, всё я, всё!! Понял! — Тураев пятится назад и тяжело валится в кресло, то сжимая, то разжимая кулаки. Смотрит зверем исподлобья. Дышит тяжело, неровно. Как и я, впрочем. Жуть какая. Я, вообще-то, не боюсь мужчин, но Тураев может изменить моё мнение. Я перед ним как блоха перед тигром. Бешеный. Он просто бешеный!

— Простите за этот срыв, Линара Эльшадовна, — отвлекает на себя внимание Зотов, выживая меня из-за своей спины и усаживая обратно на стул, всю красную и дрожащую.

— Можно просто Линара.

— Тогда меня просто Аркадий.

— А меня господин Тураев. Заир Самирович. Просто.

Посматриваю на него украдкой. Он ведь специально это сделал. Не мог же не знать, что я почувствую его возбуждение. «Возбуждение», ха! Это барышня может быть возбуждённой, а такая дубина, как у него...

Возбуждённая дубина. Смешно же! Но почему-то я и не думаю смеяться. Мне страшно до дрожи в коленках, потому, что сама...

Жарко. Вытираю пот со лба, машинально облизываю губы, а Тураев не сводит с меня глаз, следит неусыпно. Обнимаю себя за плечи, незаметно пряча набухшую грудь, с торчащими, как гвозди, сосками. Да, я знаю, что со мной, не дура, и не вчера на свет родилась. Но, пропади всё пропадом, какое я имею право чувствовать это? Он муж моей сестры. Развод там, не развод — не имеет значение. Табу, и точка. Господи, стыд-то какой!

Смотрю на Тураева уже другими глазами — действительно красивый мужчина. Но не как Женя: тот искромётный, обаятельный «ветер», а вот Тураев... Сгусток тёмной энергии и неуёмного темперамента, помноженный на неоспоримые физические данные. Мачистый мачо. Брутальный брутал. От таких у дамочек напрочь крышу сносит, если не с первого взгляда, то со второго уж точно.

Почему же Нисар даже не заикнулась о разводе? А ещё интересно: Большая-тётя-Марина это причина или следствие их разрыва?

— Линара?

Вздрагиваю.

— Да?

— Давайте продолжим. Что сказала Вам Нисар насчет Мансурова?

Прокашливаюсь, давая себе время вспомнить, о чём речь. Ах, да!

— Нисар сказала, что Рамиль шантажирует её, вымогает деньги, и если она не заплатит, он грозит выкрасть Асю. Она сказала... сказала, что одной ей не справиться, что он везде расставил ей ловушки, поэтому Нисар придумала план: я окольными путями везу Асю в Турцию, а она отвлекает Мансурова, чтобы дать нам время. Через пару дней сестра обещала приехать за дочкой, но так и не появилась. Связаться с ней я не могу, потому, что номера она не оставила, а сама так ни разу и не позвонила. Ситуация патовая, время идёт, деньги тают, а Нисар как сквозь землю провалилась. Я уже и не знала, что делать, потому, что плана «Б» у

нас не было. А тут ещё этот... Калугин.

— Кстати, о нём. Вы говорили, что некто должен был передать ему нечто, но на встречу не явился. Вы знаете, о чём шла речь?

— Нет. Нечто «обещанное», так он выразился, точнее не скажу.

— А кто такой «некто» известно?

— Известно. Мансуров Рамиль.

Глава 22. Заир

Возвращаемся в наш коттедж. Зотов с налёту набрасывается на меня.

— Ты, блядь, ёбнутый пихарь, тебе лечиться надо!

— Мне просто тёлку надо. Всё. Я к Марине, — стягиваю на ходу влажную от пота футболку, направляюсь в душ. Зотов не отстаёт, тащится следом.

— А как же Мансуров и Ко?

— А ты на что? — включаю воду. — Вот и займись этим: ищи инфу, анализируй. Завтра вернусь, доложишь. А сейчас дай мне спокойно помыться. Или со мной хочешь?

— Иди ты... Сейчас даже трухлявому пню с дуплом опасно рядом с тобой находиться, маньяк озабоченный.

Зотов уходит обратно в комнату, плотно прикрыв за собою дверь. Я смеюсь и стягиваю штаны вместе с трусами, глядя вниз на всё еще слегка эрегированный член. Ну, что тут скажешь? Облажался, да. Ну, этому же засранцу не объяснишь, что нельзя, а что категорически нельзя.

Намыливаю голову душистым терпким шампунем, пытаюсь абстрагироваться от физиологии и сосредоточиться на деле.

Итак, после ещё нескольких наводящих вопросов и пояснений, Нара благоразумно согласилась сотрудничать с нами и выполнять наши требования.

Договорились пока оставить всё, как есть, не высвечивать нас с Зотовым. Асе, естественно, ничего про меня не говорить, по крайней мере, пока. Мы продолжим наблюдать за ними, а Евгений всё так же будет находиться рядом в качестве курортного приятеля и тайного телохранителя.

Связь решили держать через него, встречаться лично лишь при крайней необходимости, но телефонами на всякий случай обменялись. Насчёт коттеджа и прочего пусть не переживает, с деньгами вопрос уладим.

Всё это время Нара, нахохлившись, сидела на табуретке, как обиженный попугайчик на жёрдочке. Отвечала кратко, вопросов не задавала. А сама скрещенные руки так ни разу и не отвела от груди. Значит, поняла, что стояк у меня на неё нехилый. Но и я кое-что понял: возбудилась ты, милая, завелась с пол-оборота от одного моего прикосновения. Что? Страшно стало? Оттого и прячешься, да, русалка?

Тут вскоре Евгений просигналил, сказал, что они возвращаются: мол, ребёнок устал и уже капризничает. Нара встрепенулась на своей жёрдочке, глянула с укором. Ишь ты, ещё губёшки свои на меня поджимает. Вот, погоди, найду твоим губёшкам лучшее применение, будешь знать.

Она проводила нас до порога, стараясь держаться от меня подальше. Только когда дверь закрывала, зыркнула напоследок, а я по её титькам мимолётом глазами полосонул. Заметил, как сквозь майку и тонкий лифчик ореолы угадываются, и сосочки маленькие проступают. Ну, или, может, мне просто так сильно хотелось этого.

Ныряю ладонями в подмышки, намыливаю там. А сам вспоминаю свои ощущения, когда, прижал Линару к стенке. Что ж, пусть думает, что я сделал это нарочно, чтобы смутить её, вогнать в краску. Пусть не знает, что у меня просто-напросто крышу снесло, и я не смог остановить себя. А как остановить, когда у неё такие...

Блядь, какие у неё грудки! Упругие, плотненькие, как я и думал. Только на миг

прикоснулся торсом, даже не руками, а они словно присосали меня к себе, тыкались своими твёрдыми пимпочками, будто проткнуть хотели. Они ко мне пришли. Они меня хотели. Я знаю, я их чувствовал, даже через слои одежды. А если бы кожа к коже? А если бы...

Тихо рычу от возникшей в моей голове картины, а фантазия несётся вскачь. Я бы протащил эти грудки по своему телу сверху вниз, от горла к паху, а потом прижал бы лицо русалки к животу, крепко, грубо, так, чтобы лишить её воздуха. Чтобы билась в моих тисках, пока я давлю ей на затылок, и слюнявила своим открытым ртом мне пупок, обжигая горячим дыханием кожу. А потом я опустил бы этот рот ещё ниже...

Стону в голос. Рука сама ныряет к члену, хватает восставший ствол и резко дёргает раз, другой, третий... Нара... Нарочка... Что ты творишь со мной, русалка зеленоглазая? Поймаю ведь когда-нибудь, оближу всю с ног до головы. Зароюсь лицом в волосах рыжих, потеряюсь среди грудей тёплых, пропаду в цветке твоём алом, утону в тайне твоей сладкой... Помéчу, присвою, своей сделаю... Ммм...

Выключаю воду, стою в оглушительной тишине, опершись о стену ладонями, опустил голову, словно усталый конь. Слушаю, как одинокие капли каплют с мокрого меня. Смешно и горько. Докатился ты, Тураев. Когда в последний раз рукоблудством занимался? Тебя там баба шикарная ждёт, готовая на всё, а ты тут...

Смахиваю с лица влагу, выхожу, беру полотенце.

Серьёзно. Никогда так ни на одну женщину не реагировал, как на эту рыжуху. Наваждение, какое-то. Колдовство. Ну, ничего. Сейчас Марину на член натяну, и всё пройдёт. Должно пройти.

Уже одетый выхожу во двор. Зотов на вечернем солнышке чаёвничает, развалившись в шезлонге, и роется в своём планшетнике. Хватаю из вазочки сушку и сую в рот. Вот это сервис! Даже обычную русскую сушку в пятизвёздочный отель доставят ради клиента.

— Ну, я пошёл. И не звони.

— Слушай, Заир, — останавливает меня Аркадий, — так ты понял, на что Линара намекала про Нисар с Мансуровым?

— Тут и дурак бы понял. Только сомнительно это. Ведь даже Калугин считает Нару девкой Мансурова.

— Может, и он ошибается?

— Что, все вокруг ошибаются? — развожу руками, раздражаясь всё сильнее.

— Я всё-таки проверю её старые дела в Новороссийске.

— Да хоть запроверяйся, а я сваливаю.

— Идите, господин Тураев, идите. Приятного Вам траха.

— Да пошёл ты...

Вышагиваю по тротуару, и сам над собой измываюсь: Идиот! Кретин! Что у тебя в голове? Ты на кого позарился, о ком фантазируешь, как подросток? О девке Мансурова, которую он таскал по кабакам и тискал в подворотнях, заставляя воровать и дурь толкать, а, может, и ещё чего похлеще?

Вот не верю я, чтобы Мансуров с Нисар мог проделывать такие-же шутки — Шамиль бы не позволил, не проморгал бы дочь. Так что, Нара, обеляй-не обеляй себя, а факты упрямая вещь. Шлюха ты, подстилка Мансуровская, драть на тебя — себя не уважать, чтоб тебя...

Шшрррах!!.. И табличка с указателем, прикрепленная к тросточке, отлетает в кусты от удара моего кулака. Не останавливаясь, иду дальше, почти бегу, трясущей ушибленной рукой, наслаждаясь болью. Боль это хорошо. Боль это прекрасно. Она отрезвляет. Отвлекает от

мыслей всяких ненужных.

В сто первый раз даю себе слово выбросить русалку из головы. И вру себе, что уж это-то раз будет последним.

**

— Заир! Ну, наконец-то!

Марина лебедем с порога налетает на меня, вся в чём-то пахуче-шёлковом, льнёт своим крупным плавным телом ко мне, виснет на шее, душит.

— Господи, оброс-то как! На дровосека стал похож, — смеётся, гладит меня по волосатым щекам, целует.

Родная такая, знакомая. Вдыхаю в себя её привычный запах, и что-то действительно шевелится внутри. Вот, Заир, вот настоящее, бери и иди по жизни дальше, не оглядываясь. Огненные русалки, невинные шлюхи не для тебя. Хапнул ты по жизни драйва, хватит. Не мальчик уже давно.

Определённо так. Улыбаюсь нарастающей внутри уверенности. Успокаиваюсь и завожу одновременно.

— Здравствуй, Марина.

Прохожу ладонью по её светлым волосам, по ходу освобождая из плена незамысловатой заколки. Всмотриваюсь в красивое, ухоженное лицо с еле заметным макияжем. Нахожу микроскопические морщинки в уголках глаз, у края губ. Марине под тридцать, но всё ещё хороша, и ещё долго хороша будет. И тело роскошное. Какого же ляда тебе нужно, мужик?

Никакого. Всё, что надо, у меня уже есть. По крайней мере, об этом во всю мощь свою орёт мой член, реагируя на то, как Марина трётся об него через шёлк своим лобком, как преданно в глаза заглядывает.

— Голодный? Я тебе лазанью заказала.

— Голодный, — сглатываю. — Нахуй лазанью.

Отцепляю её руки от себя. Толкаю к ближайшему «опорному пункту».

— Поворачивайся.

Нагибаю, задираю юбку. Трусов нет — умница, Марина. Спустив штаны, помогаю себе руками, пристраиваясь к влажной щелки, и без всяких ласк и прелюдий, стартую своим вздутым, до предела, звездолётом по самые яйца. О-о-ох, мать твою!!..

Десять секунд — полёт нормальный...

Я не церемонюсь. Беру жёстко, грубо, с отчаянной потребностью выбить из головы всё, что мне мешает жить, выкорчевать ядовитые плети, что удерживают меня, не дают дышать, не дают двигаться в правильном направлении. Я сильный. Я очень сильный. Мало того, я злой. У меня получится.

Марина только ахает и дёргается от моих яростных ударов, еле удерживаясь за край стола, на котором что-то грохается, звенит и бьётся. Пиздык лазанье.

И тут меня, почему-то смех разбирает. Я едва успеваю выдернуть член и кончаю на задницу Марины, размазывая сперму по её атласной розово-белой коже, без единого пятнышка. Смотрю на всю эту роскошь сверху вниз, дышу, как спринтер на финише, и улыбка постепенно сползает с моего лица.

А где, блядь, звёзды? Где звёзды, я вас спрашиваю?!

Внутри всё опускается и гаснет. Устало хлопаю Марину по ягодице, в знак благодарности, и тащу себя в душ, бубня под нос нечто вроде:

А звёзды далеки как никогда, ведь звездолёт свой посадил ты не-в туда...

М-да. Швах тебе Тураев, раз стихами заговорил. Полный швах.

Лежим в постели. Мой труженик-член, после ещё парочки заходов, наконец-то сыт и доволен, а мозг продолжает пребывать в миноре и меланхолии. Ну, по крайней мере, не грызутся друг с другом, как обычно: у этих двоих, видите ли, непреодолимые разногласия в последнее время, никак к консенсусу не придут, а я страдай. Эх, лучше не думать об этом.

— Как продвигаются дела?

Марина, путаясь в коротких волосах на моей груди, выписывает на ней пальчиком какие-то замысловатые иероглифы. Мне щекотно, словно муха ползает, но смахнуть сил нет. Я дремлю, прикрыв глаза предплечьем, пребывая в полной прострации и бесчувственном оцепенении, долгожданном и желанном.

— Сложно, — выдыхаю с запозданием.

— Нисар так и не объявилась?

— Не-а.

— А как Ася?

— Выросла, — сонно усмехаюсь. — Загорела, чёрная, как головёшка.

— Тётка хорошо за ней присматривает?

— Тётка? хм-м... тётка... — неразборчиво мычу в полусне.

— Ну, Линара, я имею в виду. Как-то видела её фотографию, когда Нисар показывала свой альбом выпускников. Рыженькая такая, смуглая, не очень симпатичная. Полная противоположность сестре.

Молчу. Не хочу говорить о ней. Достала. Но Марина, видимо, решила доконать меня, и продолжает триндеть про Линару.

— Она выглядела замкнутой и нелюдистой, не улыбалась совсем. Словно ей было всё равно, как она выйдет на фото. Странно. Девочки в таком возрасте очень чувствительны к своей внешности. Интересно, какая она сейчас? А? Заир!

— Мм...

— Как выглядит Линара? Я так и не нашла её в соцсетях.

Начинаю недовольно ворочаться. Зря, Марина, ты это делаешь, ой, зря.

— Зачем искала?

— Так просто, хотелось узнать. Времени-то прилично прошло. Так какая она?

— Какая-какая, обыкновенная.

Сон мой, как корова языком слизала. Вот, чёрт! Вздыхая, скидываю с себя одеяло, сажусь, тянусь за штанами.

— Ты куда?

— Мне пора.

Марина подскакивает следом, прижимается сзади грудями к моей голой спине, дышит в ухо, а меня это только бесит ещё больше.

— Ты разве не останешься?

— Нет.

— Останься! Мы могли бы завтра сходить куда-нибудь вместе.

Женщины, мать их...

— Марин, пока я свои проблемы здесь не решу, никаких «вместе куда-нибудь» не будет, ясно?

Теперь вздыхает Марина. Отлипает от меня, отворачивается к стенке. Обиделась. Но, блядь, кто ей виноват? Знает ведь меня, как облупленного, нет, лезет на рожон!

Иду по освещённой фонарями дорожке, ёжусь от ночной прохлады и матерюсь про себя. Да что происходит, в самом деле? Мне всегда казалось, Марина понимает моё настроение без слов. Что с ней случилось? Радар треснул? Бесит!

Сворачиваю к коттеджу. Уже первый час ночи. Дом погружён в темноту. Лишь низкие светильники на накопительных батарейках указывают путь к двери. Захожу, стараясь не шуметь, и напрямиком к холодильнику.

— Чего вернулся? — слышу за спиной. — Я тебя только утром ждал.

Оборачиваюсь, прихватив банку ледяного пива. Зотов, в потёмках, развалился на кровати. На голой груди включённый планшетник освещает его лицо синим, делая похожим на Аватара в очках, рядом раскрытый ноутбук, с какой-то бегущей по монитору строкой. Тут же смартфон на беззвучном, но с постоянно мигающим экраном, сигнализирующим о поступивших сообщениях. Зотов работает. Это у других НачБезы с пистолетами по крышам бегают или в кабинете штаны протирают, а у меня безопасностью вот такой вот кибер-хрен управляет: где присел, там и трон.

Банка с приятным пшиком открывается. Делаю долгожданный глоток.

— Смысл у Марины оставаться? Я свой план на сегодня выполнил.

— Это как, сточил до корня, что ли?

— Хохмач, — фыркаю беззлобно. — Игорь на посту?

— Да. Женя спит. Всё тихо.

Поскольку наш номер одноместный, и у нас всего одна, хоть и большая, кровать, мы перебиваемся, как можем. Женя быстро вышел из положения — сразу забил себе гамак во дворе, повесив над ним москитную тряпку и обложив со всех сторон подушками и всевозможными пуфиками. Этот спартанец в кавычках, на самом деле обожает комфорт.

А кровать пришлось делить на троих: ночью мы с Зотовым спим вдвоём, каждый раз устраивая баттл, кто скабрёзнее пошутит на эту тему, а днём на ней отсыпается Игорь, у которого работа обычно в ночную смену.

— Есть что по Мансурову?

— Вагон и маленькая тележка. Этот Мансуров, оказывается, в своих кругах небезызвестная фигура. Хотя и мелкая.

Усаживаюсь в кресло, готовясь слушать. Закидываю одну ногу на пуф.

— Рассказывай.

— Мансуров Рамиль Валидович, 27 лет. Кличка «Стих».

— Поэзию, что ли, любит?

— Это сокращённо от Стихийного Бедствия. Его так ещё в детстве прозвали, совершенно неуправляемый тип. Школу бросил, работал в автомастерской у отца, но больше на мотоцикле со своей бандой гонял. Смазливый, чем с успехом пользовался. Несколько приводов, в том числе и за распространение.

С сёстрами Загитовыми познакомился в каком-то клубе. С тех пор тёрся вокруг них всё время. Их часто видели втроём или в общей компании, но он считался дружкой именно Линары, и всячески подчёркивал это.

Кое-кто из знакомых, правда, полагал, что Линара лишь прикрытие, а на самом деле,

роман был между Нисар и Стіхом. В основном оттого, что Линара на фоне сестры выглядела серой мышкой. А кто посмотрит на мышь, если рядом королева? Других аргументов у сомневающихся, в общем-то, не было.

Когда девочки уже оканчивали школу, случилась эта история с наркотиками. Мансуров быстро свалил в неизвестном направлении, а Линару привлекли. Ну, это ты знаешь.

Снова он выплыл уже в Москве. Его притянул к себе Салахов, по чьей-то рекомендации. Салахов поставил Стіха курировать свои клубы по теме снабжения экстази и тому подобным, и, всё бы ничего, да вот Мансуров проштрафился: толи в кассу влез, толи партию товара просрал, не знаю, но факт, что сейчас ему край, как деньги нужны, поскольку Салахов поставил его на счетчик.

— Есть доказательства его связи с Линарой?

— Никаких данных, что они хоть раз контактировали после Новороссийска, нет.

— А с Нисар?

— А вот здесь интересно. Когда твоя жена отдыхала в Эмиратах три с лишним года назад, она сделала одну любопытную фотографию. Вот она, посмотри.

Зотов подсовывает мне планшет. Смотрю. Нисар на яхте крупным планом, вся в белом, с бокалом чего-то желтого в руках. Улыбается во все тридцать два, на солнышко щуриться. Здесь она еще полненькая после Аськи, женственная. Это уже после отретушировала себя, хоть на подиум выставляй. Такая же вешалка, как и все остальные стала, от тысяч подобных не отличишь.

— Обрати внимание на чью-то руку справа — случайно, видимо, в кадр влезла. Но тату хорошо просматривается.

— И что?

— Такая же татуха выбита на пальце у Мансурова. Он её с четырнадцати лет носит.

Вглядываюсь в изображение замысловатой петли на чьём-то безымянном пальце. Если не ошибаюсь, это знак Льва в Зодиаке.

— Значит, старые знакомые вновь встретились, хм...

— Примечательно, что примерно в это же время Мансуров перебирается в Москву.

— Примечательно и другое: после той поездки у Нисар случился первый срыв.

Мы с Зотовым молчим какое-то время. Я мысленно возвращаюсь назад, когда пропасть между мной и женой начала неумолимо расти.

Сказать, что мы любили друг друга? Хах! Я ведь сразу знал, что Нисар не создана для любви — для постели да, в постели она была тигрицей, но любить... Если она кого и любила, то только себя. Я и родить-то её заставил чуть ли не насильно.

Что касается меня... Каюсь, такой расклад и меня устраивал. Брак договорной, взаимовыгодный, никто в нём и не искал никакой любви. Дочь Шамиля получала пропуск в высший свет в столице, я — красавицу жену и новый бизнес, с выходом на турецкий рынок через тестя. Вполне себе удачная сделка.

Всё изменилось, когда родилась Аська.

Когда я впервые взял на руки этот крошечный орущий комочек, я словно сам родился заново. Мне самому захотелось вот также открыть рот и заорать во всё горло. От страха. От растерянности. От внезапной щемящей боли в груди. От ощущения незнакомых чувств, что неожиданно накрыли меня с головой, и я буквально захлебнулся в них. Нежность. Благодарность за то, что Она есть у меня. Потребность защитить, охранить, мир перевернуть, чтобы только Ей было хорошо. Вот так вот вдруг, вот так внезапно, я понял, что я отец. Я

понял, что значит любить.

С Нисар же всё было с точностью до наоборот...

— Так, что у нас на выходе: Нисар ворует у меня документы, отдаёт Мансурову. Тот продаёт их Калугину. Калугин получает компромат на меня, Мансуров деньги. Что получает Нисар?

— Она получает то, чего добивалась всё это время.

— Верно.

Допиваю пиво, сминаю банку и швыряю её в тёмный угол, где предположительно, стоит ведро. Промахиваюсь, конечно.

Ну, что ж, картина, кажется, проясняется. Это понимает и Зотов.

— Когда назначен суд по опекунству?

— На второе декабря.

— Видимо, по их плану, Калугин к тому времени должен поднять шум о твоей неблагожелательности. И это в лучшем случае. А то и обвинение тебе предъявят, и дело откроют. Тогда суд придётся отложить, иначе он вынесет вердикт не в твою пользу. Наверняка адвокаты Нисар уже готовят встречный иск.

— Наверняка, — неохотно соглашаюсь я. — Только вот вряд ли судья вверит ребёнка матери-наркоманке, на которой пробу ставить негде.

— Ты прав. Поэтому со дня на день можно ожидать выхода на сцену ещё одного действующего лица.

— Кого?

— Вот здесь могут быть сюрпризы, так что, давай повременим пока с именами, — уклончиво отвечает Аркадий, снимая очки и протирая глаза. — Схема, в общем-то, понятна, временные рамки тоже определены. Остаётся выяснить, где Нисар и Мансуров с документами? Почему они до сих пор не объявились?

Смотрю на Зотова, и, кажется, начинаю соображать.

— Думаешь, что-то у них пошло не так?

— Уверен просто. Иначе Калугин не заволновался бы так и не засветился самолично.

Ладно, — Зотов отставляет ноутбук. — Подумаем об этом завтра. А сейчас, дорогая, давайте-ка спать, а то поздно уже.

Я кидаюсь в Аркадия подушкой, которую он, смеясь, отбивает.

Да. Нужно поспать. Завершить, наконец, этот бесконечно-длинный день.

Глава 23. Линара

— Мы так и не дождалась Матрицы и пошли в парк, и дядя Женя проиграл мне в «кто первый моргнёт».

— Уверена, ты мухлевала.

— Нисколечко!

— А что на кону?

— Кто выиграет, тот заказывает еду, какую хочет.

— И ты, конечно же, заказала жирнющую картошку фри, шоколадные колечки, и колу с сахаром.

Аська вытаращила на меня глаза.

— Тебе дядя Женя рассказал, да? А сам просил не говорить никому.

— Нет, Женя ничего мне не рассказывал, я просто знаю, как ты любишь вредную еду.

— И ничего она не вредная, а очень даже хорошая.

— Ладно, хватит плескаться, вылезай, — выуживаю Аську из ванны и вытираю полотенцем.

Когда они с Женей вернулись, я всё ещё находилась в шоковом состоянии. На Евгения не смотрела — не могла, всё внимание уделяла Аське. Зато Женя ходил за нами, как приклеенный. А я теперь и не знала, могу ли выставить его за дверь, или он здесь на правах надсмотрщика? И вообще, как нам после всего, что произошло, общаться?

А стоит только представить, что Жене известно о моём прошлом — пусть и мнимом, так сквозь землю провалиться хочется. Ужасное чувство.

Положение спасала Аська, которая, не замечая возникшей между нами напряженности, без удержу болтала о всякой ерунде. Это позволяло мне молчать по большей части, и игнорировать Женю. Наконец, тот сдался, видя, что традиционный вечерний кофе на террасе ему обломился.

— Ладно, кажется, мне, пора.

Киваю, иду провожать, скрывая облегчение за безразличием. Но в дверях Женя, вдруг, оборачивается.

— Линара...

— Доброй ночи, Жень, — спешно перебиваю его. Я не готова пока говорить с ним. Поговорю, конечно, но не сегодня. Позже.

— Доброй ночи, — вздыхает он, и тут же меняет тон. — Завтра я зайду за вами. Будьте готовы к девяти.

Даже не спрашиваю, куда мы идём — приказ есть приказ, просто киваю снова. И, так и не глянув ему в лицо, закрываю дверь.

Разомлевшая после ванны Аська звездой раскинулась на постели, пока я натягиваю на неё пижамку.

— А ещё мне нужны гольфы.

— Зачем?

— Потому, что мы завтра с дядей Женей идём играть в гольфы.

— Куда идёте? — недоумеваю я.

— Ну, туда, где травы много и флажки стоят.

— Ты имеешь в виду, играть в гольф?

— Да не в гольф, а в голь-фы! Их же по два носят. Какие вы бестолковые с дядей Женей, уфф...

— Ну, да, ну, да...

— Ты же с нами пойдёшь?

— Куда я денусь? Только я не умею играть в гольф...фы.

— Ой, чего там уметь? Берёшь палку и бьёшь по шарик. А потом так идёшь, идёшь...

— Тебя послушать, так и правда, ничего сложного.

— Вот увидишь, это легче, чем на роликах. Раз-два и плюнуть.

— Смешная ты, — лохмачу её влажные волосики, раскиданные по подушке. — А кто учил тебя кататься на роликах?

— Папа.

— А мама чему-нибудь тебя учила?

— Ну-у... — Ася задумывается, я же терпеливо жду — мне надо многое выяснить, но делать это с осторожностью.

— Мама учила меня не пачкаться и вытирать рот салфеткой.

— Так. А ещё?

— Не мешать, когда она разговаривает по телефону, или когда она устала.

— А сказки она тебе читала на ночь?

— Мне всегда читает папа или Катя. Или ты. Зато мама играла со мной в прятки и догонялки, когда мы убегали от бабушки.

Я настораживаюсь.

— Ну-ка, ну-ка, расскажи.

— Ну, когда бабуля забрала меня из садика, мы пошли в кафе есть мороженое. Там сидела мама. Мы немножко тоже посидели, потом мы с мамой пошли в туалет, и оттуда убежали через маленькую дверь.

Этого Заир мне не рассказывал.

— А куда вы побежали с мамой?

— Сначала в какой-то дом, где было много комнат, но они были все закрыты, кроме одной. Мы покушали, посмотрели телевизор и легли спать. Потом ночью мама меня разбудила, и мы поехали на машине в другой дом. Там я уже спать не хотела, а мама спала долго.

— Долго спала?

— Да. Почти целый день.

Мне становится нехорошо. Неужели Нисар позволила себе принять наркотики при дочери и отключиться? Такое даже представить страшно!

— А ты что в это время делала?

— Я смотрела мультики, ела чипсы и пила большую колу. А потом меня стошнило, и я пошла будить маму. А она никак не хотела просыпаться.

У меня ком застревает в горле.

— Ты плакала?

— Ну-у... немножко да. Я к папе хотела, но он тогда был в глительной командировке...

— Длительной.

— Ну, да, и его дома не было. Мама потом сказала, что пока его нет дома, мы поедem на море к дедушке Юсуфу, и там подождём папу. Но на море мы поехали с тобой, поэтому дедушка Юсуф нас не встретил. Тётъ Лин, а папа скоро приедет? Я уже соскучилась.

— Скоро, милая, скоро, — обнимаю Аську, боясь разреветься при ней. — Считаю, что он уже приехал.

Я дура. Полная идиотка. Почему, ну почему было не расспросить Асю раньше?

Нет, я понимала, что Нисар что-то скрывает от меня, или, как минимум не договаривает, но разбираться с этим времени не было. Я ведь как рассуждала: Асе угрожает опасность, её надо срочно увозить из Москвы, и предпочла действовать, а разборки оставить до встречи с Нисар. И вот, чем это обернулось.

Какой сейчас смысл говорить о том, что я ничего не знала о планах сестры? Мне всё равно не поверят. Уж Тураев-то точно. Ох, Линара, сколько же можно наступать на одни и те же грабли, а?

Мне хочется ударить себя, но устраивать шоу при Асе я не собираюсь. Да и смысл какой? Да, ошиблась. Да, обманулась. Но, по крайней мере, я смогла правильно выбрать сторону, и это сторона Аси. Заир печётся о её безопасности, значит, я и на его стороне. Поэтому думай, Линара, думай.

Итак, что мы имеем: а имеем мы дедушку Юсуфа Челика, кровного, пусть и дальнего, родственника тёти Роксаны. Когда она хотела прихвастнуть происхождением, она вспоминала свою турецкую родню. Правда, это было редко, поскольку дядя Шамиль не ладил с ними. Именно поэтому мы никогда не общались. Но наверняка Роксана поддерживала с ними связь всё это время, пусть и негласно.

Насколько я знаю, дядя Юсуф весьма влиятельный человек. Если допустить, что Нисар хотела спрятать Асю от мужа здесь, в Турции, лучшего варианта не придумаешь. У тёти Роксаны двойное гражданство, и если подсуетится её здешняя родня, Ася вполне может стать недоступной для Заира. В любом случае, процесс опекуинства затянется на годы. Знает ли об этом Тураев?

Второй вопрос, над которым необходимо подумать: каким боком здесь примешан Рамиль?

Или сестра всё выдумала про него, чтобы не говорить правду о Заире? Но Мансуров-то как раз, не выдумка. В этом я смогла убедиться буквально сегодня утром.

Стих и Калугин связаны, это факт. А Нисар... Нисар связана со Стихом. Чем? Старыми чувствами? «Отцовством» Аси? Он её действительно шантажирует? И что это за документы, о которых всю дорогу талдычит Тураев?

Чёрт, как же всё запутано!

Я тру лицо руками. Слишком много информации за один день, мой мозг уже не справляется. Надо взять паузу.

— Ну, всё, Ася, давай, ложись.

— А ты мне считаешь?

— Конечно. Что ты хочешь на этот раз?

— «Красавицу и Чудовище».

— Опять?

— Ага. Мне нравится.

— Ну, что ж, — беру планшетник, открываю закладку на детских сказках. — «Жил-был

богатый купец, у которого было три дочери и три сына...»

**

Это самый скучный вид спорта, какой я только знаю. И меня просто распирает от зевоты, к тому же эту ночь я плохо спала.

Сгорбившись, мощусь на лавочке, спрятав руки в карман лёгкой куртки, и наблюдаю, как Аська, вместе с полудюжиной других ребятшек, носится по полю птичника (это я так назвала детскую площадку для гольфа, огороженную стеклопластиком). С иронией слежу, как два инструктора едва справляются с этой шайкой спиногрызов. Бедолаги уже все в мыле, хотя прошло от силы минут десять, как молодняк выпустили на поле под их попечение.

— Это скорее догонялки, чем игра в гольф, не находишь? — ворчу я мрачно, подавляя очередной зевок.

Женя смеётся.

— По крайней мере, им весело. А ты не хочешь попробовать?

— Я не умею.

— Я тебя научу.

— У меня подходящего костюма нет.

— А тут прощоп есть.

Пожимаю плечами. С Женей я разговариваю через губу, но на него это не действует от слова совсем. Он сияет улыбкой, как медный таз, будто ничего и не произошло, и продолжает строить из себя заботливого друга. Ладно. Работа у него такая, не буду портить парню карьеру. Однако улыбаться ему в ответ я не обязана.

Женя замечает, наконец, моё настроение:

— Всё еще злишься?

— Только давай без разборок, Жень. Есть как есть. Проехали.

— Тогда вставай. Пойдём.

Он подскакивает со скамьи и тянет мне руку. Я гляжу на него в недоумении.

— Куда?

— За экипировкой.

— Зачем? Я не хочу, Жень. А потом, как я Аську брошу?

— Не волнуйся, за ней присматривают.

Присматривают? Невольно оглядываюсь по сторонам.

— Ты их не увидишь, — загадочно улыбается Женя, а меня прошибает озноб. Чувствую себя персонажем какого-то шпионского фильма, сюжет которого мне не известен. Ёжусь. Хочется уйти отсюда поскорей, скрыться. И я принимаю решение.

— Ну, что ж. Пошли.

Женя ведёт меня к длинному, отделанному стеклом и сталью зданию, которое расположилось с южной стороны от гольф-поля. Толкая массивную дверь, он инструктирует меня:

— Покупай всё, что захочешь. Или бери напрокат, если считаешь нужным. И не скупись, на твое имя открыт счёт.

— Какая щедрость, — бурчу я, и прохожу в зал.

— Здесь есть консультанты, которые тебе помогут. Не стесняйся.

— Жень, — останавливаю его неуёмный энтузиазм. — Я бывала в спортивных магазинах, я справлюсь.

— Что ж. Можешь не спешить. Буду тебя ждать на четвёртом поле, оно забронировано

для нас на три часа.

Три часа?! Что там делать три часа? Я же уже у второй лунке усну.

Женя, наконец, уходит, а меня подхватывает консультантка, и, чуть ли не за руку провожает в самый роскошный шоп, какой я только видела в своей жизни. Это смахивает на сладкий сон. Здесь есть всё: начиная от нижнего белья с косметикой, и заканчивая дутыми зимними куртками и квадроциклами. Мои глаза разбегаются, как разбежались бы у любой женщины, будь она на моём месте, независимо от возраста и материального положения. Стою, немного обалдевшая, кручу головой, и в этот момент во мне зарождается план маленькой, но сладкой мести.

Я иду к полю номер четыре, и ощущаю их кожей. Взгляды. Множество взглядов: оценивающих, похотливых, завистливых, призывных — всяких. Они встречают и провожают меня, цепляясь за каждый дюйм моего тела — не важно, прикрыто оно одеждой или обнажено. Зато мой взгляд выражает только одно — вызов.

Я смотрю на Евгения, и ликую. Надеюсь, у того, кто сейчас наблюдает за мной в бинокль (а я на это очень рассчитываю), так же отвисла челюсть, как и у моего соглядатая.

Вот теперь видно разницу между Женей «в образе» и Женей «настоящим». И первый признак его «настоящности» — он перестаёт улыбаться своей голливудской улыбкой, его челюсть сжимается, а глаза колюче щурятся.

— Я не слишком долго? — промежду прочим, спрашиваю, когда подхожу ближе и беру из его неподвижных рук клюшку.

Евгений молчит несколько секунд, потом облизывается и сглатывает, как голодный кот.

— Такого стоило ждать. Ты выглядишь просто... сногшибательно, — говорит он, не спуская с меня глаз.

Да, я знаю. Скажу больше: именно такого эффекта я и добивалась. Это мой протест против... не знаю, против ситуации в целом. Меня использовали. Унизили. Обманули, оболгали, оскорбили. Меня ударили! Пусть и образно. Но мне было больно по-настоящему, и я не хочу молча это проглатывать. Возникла потребность хоть частично вернуть оплеуху моим обидчикам. Хотя бы некоторым из них.

Больше часа я выбирала себе наряд, и не пожалела о потраченном времени. На мне была классическая коротенькая белая юбочка в крупную складку, и это единственное, что было на мне обычным.

Вместо традиционной рубашки-поло я выбрала белый джемпер-лапшу под горло, с чуть прикрытыми плечами и такой короткой, что когда я двигалась, неизменно открывалась загорелая полоска живота с оголённым пупком, в котором посверкивало колечко пирсинга. Ничего особенного, в общем-то, если не считать, что лифчик я под джемпер не надела. Бесстыдница? Ещё какая!

Волосы я собрала в конский хвост и пропустила через перемычку задорного кепи с козырьком. На ногах белые кроссовки с зелёными вставками. Но главный штрих моего наряда — белые гольфы-ботфорты до середины бёдер, с интригующими зелёными полосочками по резинкам, плотно облегающим мои голые, загорелые ляжки.

Такие гольфы, на мой взгляд, это абсолютная провокация, атрибут «Лолиты». Словно девочка заигралась, и нечаянно забыла одёрнуть юбку. Эти сверкающие полоски обнаженных женских ляжек как магнитом притягивают взгляды мужчин, провоцируя у них обильное слюновыделение. Просто голые ноги, или ноги в колготках никогда не дадут

такого эффекта непристойности, схожей с подглядыванием, как гольфы-ботфорты.

Ну, и последнее: я впервые за весь отпуск нарисовалась. В меру, разумеется, но я знаю, что моё лицо преображается почти до неузнаваемости (как, впрочем, у всех рыжих), стоит только нанести на него качественный макияж. А в этот раз я постаралась на славу, особое внимание уделив губам: прям Адриана Лима в «Мэйбелин». Такие губы только целовать, целовать и целовать.

Нет, я не ханжа. И не скромница. Просто моя работа и образ жизни в целом, не требует каждодневного мейкапа, да и стремления выделиться у меня нет. Но я знаю, что могу выглядеть «очень даже», если захочу, и фигурой меня Господь не обидел: не высокая, зато стройная, грудь крепкая, талия тонкая, ноги длинные, руки красивой формы. Пикантности добавляет моя природная смуглость, облагороженная сейчас золотистым заггаром. И, конечно же, мои волосы, выпрямленные плойкой и сверкающие сейчас на солнце яркой медью. В общем, я выглядела «на миллион долларов». По крайней мере, на это намекал совершенно осоловелый взгляд Евгения.

— Ну, что, начнём? — бросаю я небрежно.

— Начнём.

По лицу Смирнова расплзается уже совсем другая, непривычная для меня улыбка — улыбка мужика, который не прочь поиграть с девочкой в серьёзные игры, а не просто мимолётно пофлиртовать. Но, нет, Женя, поздно. Твой поезд ушёл. Впрочем, можешь помечтать.

— Для начала покажу тебе, как правильно держать клюшку.

И Женя пристраивается ко мне со спины в позе «две ложки» — явно ближе, чем нужно, а я позволяю ему это и одновременно кошу глаза на трибуны, где, возможно, на меня сейчас смотрит тот, кому предназначен весь этот спектакль.

Глава 24. Заир

Взлетаю по ступенькам на крытую площадку, где Зотов оборудовал себе «гнездо кондора». Сидит, обложившись гаджетами и безалкогольным пивом, и наблюдает в монокуляр за игроками.

Снаружи из-за зеркального остекления нас не видно, зато перед нами, как на ладони, всё гольф-поле, с его бункерами и рафами. Народу сегодня с утра много, но мне удалось снять небольшой практис-грин для Линары и Евгения. Там же недалеко Аська с группой ребятшек и тренером замах отрабатывает — я только что любовался на неё украдкой. Забавная такая: личико серьёзное, губки в трубочку. Старается, Кнопка моя. Похоже, нравится ей это. Думаю, когда вернёмся, запишу её в секцию гольфа.

— Ну, что там? — усаживаюсь рядом с Зотовым. — Уговорил её Евгений размяться, или всё ещё сидит, дуется?

Аркадий странно мычит в ответ, не отрывая глаз от оптики.

— Уговорить-то уговорил. Вот только наша девочка, кажется, сильно разозлилась на нас. Готовься получить обратку, как и все мы.

Беру со стола бинокль, навожу на поле, и через несколько секунд поисков, натыкаюсь на картину, от которой кровь медленно приливает к моему лицу. Это что за нах...? Она что, в «Плейбое» снимается? Это что за наряд? А Женя? Блядь, да он на неё сейчас прямо там запрыгнет, его стояк даже без бинокля видно!

— Черти! — шиплю сквозь зубы, хватаю телефон, нахожу недавно вбитый номер, печатаю: «Переоденься немедленно! Или сваливай нафиг с поля!» Отсылаю. Буравлю взглядом экран: значок «получено», значок «прочитано».

А потом слышу, как Зотов ржёт, аж захлёбывается. Снова приставляю к глазам бинокль, не ожидая ничего хорошего. Ну, так и есть.

— Вот, сука! Порву, мерзавку!

Эта... кукла, повернувшись к нам спиной, и прижав кулачок к своей аппетитной попке, аккуратненько так оттопыривает средний палец. Это она что? Это она мне?!

— Заир, не кипятись, — вытирает слёзы Зотов. — Девочка на измене. Это у неё такой вид протеста, понимаешь?

— Я ей покажу протест. Я ей такой профсоюз устрою, что она неделю сидеть не сможет.

Руки у меня мелко трясутся, но я настраиваю посильнее резкость и ползу взглядом вверх по её ногам в этих умопомрачительных гольфах, к загорелым голым бёдрам над ними, к трепыхающемуся подолу девчачьей юбочки, из-под которой нет-нет, да и мелькнет край белых трусиков. Она поворачивается: голый пупок с пирсингом, грудь... сука, без лифчика! Кольшется в этой облипке, как маятник в чехле. Ещё выше: шея, губы...

И тут я замираю: мать моя женщина!

Опускаю бинокль, промаргиваюсь, и снова припадаю к окулярам. Это же она? Она, правда? Я присвистываю. Ничего себе преображение! В изумлении всматриваюсь в знакомую незнакомку, перевоплотившуюся вдруг из хрупкой русалки в роковую красотку. И тут мой взгляд упирается в зелёные, злые глаза, которые уставились прямо на меня. А эти порочные алые губы беззвучно, но чётко так выговаривают: «ФАК Ю»

Фак мне. МНЕ, БЛЯДЬ!

— Ну, всё. Тебе конец, рыжая.

Смахиваю со стола кепку, и, сгладив кое-как пятернёй волосы, напяливаю её на голову, а на нос тёмные очки.

— Я скоро, — кидаю Аркадию, продолжающему наблюдать за игроками, но тот, вдруг привстаёт с кресла.

— Постой! Женя какие-то знаки подаёт. Чёрт! Эта что, Марина, что ли?!

— Марина? Здесь? — вновь хватаюсь за бинокль. — Она совсем берега попутала?! Я же сказал ей: сидеть и не высовываться!

— Говорил тебе: не тащи сюда эту бабу! — зло шипит Зотов. — Чёрт! Вдруг Ася её заметит?

— Я улажу!

Срываюсь с места, несусь вниз на всех парах, перепрыгивая через две ступеньки.

Марина прогулочным шагом плывёт вдоль паттинг-гринга, направляясь напрямиком к нашей парочке — видимо, узнала Евгения. А тот, не подавая виду, что заметил Марину, отчаянно колотит бейсболкой по бедру, сигнализируя «тревогу» нам с Зотовым. И, в то же время, старательно отвлекая, ничего не подозревающую Линару, игрой. Молодец парень, премию ему. Потом.

— Марина!

Кричу, догоняя её в последний момент. Оборачивается.

— Заир? — брови удивлённо приподнимаются над огромными очками. Но меня этим не проймёшь. Хватаю её за локоть, отворачиваю от площадки: не дай Бог сейчас увидит Линару в таком виде, не расхлебаю ведь тогда эту кашу.

— Ты как здесь оказалась?

— Просто решила прогуляться.

— Я же ясно тебе сказал: не высовываться!

Марина дёргает рукой, пытаюсь вырваться, но я держу крепко.

— Мне что же, теперь всё время в четырёх стенах сидеть?

— Ты могла бы выбрать другое место для прогулки.

— Это же «Mirage park Resort», здесь все дороги ведут к гольф-клубу!

Вздыхаю, до крайности раздраженный. И разочарованный. Нельзя сказать, что я не знаю женщин — знаю. Но, кажется, в Марине я ошибся. Ещё суток не прошло, как она здесь, а уже дважды вывела меня из себя.

— Тебе нельзя тут находиться, тебя Ася может узнать.

— Ася здесь? — картинно удивляется Марина, а мне сплунуть хочется от её неумелой игры. — О, я могу её увидеть? Хотя бы издалека. Я так соскучилась! И, кажется, я там видела Женю...

— Марина... — скриплю зубами от бешенства и бессилия. И тут же выдыхаю, машу головой, не находя слов. — Чёрт, идём отсюда.

Волоком тащу её за пределы гольф-клуба. Она, спотыкаясь на своих каблуках, еле поспевает за мной, но не сопротивляется.

**

— Ты злишься?

Сидим в открытом кафе, пьём какую-то бурду — сам не знаю, что заказал. Марина —

присмирившая, грустная, ластится. Тянется ко мне через стол, руку мою гладит, улыбается виновато. А мне её прибить хочется. Или просто восвояси отправить. Какой леший дёрнул меня позвать её сюда?

— Как ты узнала, где я? Тебе Игорь сказал?

Убирает руку.

— Не ругай его. Он же знает, что я с вами, вот и не стал скрывать.

— Марина, ты отдаёшь себе отчёт в том, что мешаешь нам?

— Да каким образом?! — возмущается она, перестав заискивать передо мной. Но тут же подавляет раздражение, качает головой.

— Заир, я не дура, я всё понимаю. Ну, посмотри на меня? Обычная праздношатающаяся туристка, как и все здесь. Да и ты, с этой бородой и волосами до плеч, на хиппи больше смахиваешь. Мы хоть совместное фото можем в инсте выставить, всё равно никто нас не узнает.

Правда, Марина постаралась: свободный брючный костюм из летящего шифона, волосы полностью убраны под косынку, плюс широкополая шляпа и тёмные очки в пол-лица. Я бы и сам не признал её, если бы мельком глянул.

— Ах, кстати! Ты уже видел тот ролик с Женей?

Что?! Я едва не поперхнулся, и вопрошающе уставился на Марину. А та, радуясь моему изумлению, торопливо достаёт телефон:

— Тут везде видео крутят: Женя с какой-то подружкой на роликах такие кренделя выписывает, обхохочешься. Я сразу узнала его и Аську. Ну, а девушка, вероятно, Линара?

— Аську? На видео?

— Да. Смотри! — Марина быстро находит нужный кадр и включает воспроизведение.

Мувик с музыкой, несколько секунд всего, но это было, как будто роллеры-циркачи разыгрывают забавную сценку перед зрителями. И смешно, и нелепо, и, в то же время, органично. И сексуально, чёрт возьми. Евгений-красава, пока сам пытается устоять на роликах, так ловко крутит Линару, лапая её за все места, а та как сломанная кукла-марионетка в его руках. И эти её разъезжающие в разные стороны ноги в коротких шортиках, и беззащитное выражение лица... А в конце они замирают, обнявшись, как двое влюблённых. Красиво, трогательно. Нет. Такой шедевр может получиться только спонтанно, отрепетировать его невозможно.

Просмотрев еще раз, нахожу в толпе зрителей хохочущую Аську. Автор съёмки даже выделил её крупным планом.

— Я его запостила у себя на страничке, — говорит Марина.

— Что ты сделала?

— Запостила. А что, не надо было? Я сглупила, да?

Смотрю в испуганные глаза Марины, а у самого мысль зреет, весьма интересная.

— Нет. Возможно, и не сглупила, — говорю задумчиво. — Возможно, это то, что нам сейчас нужно. Погоди, я должен позвонить Зотову.

— Да, я видел этот ролик.

— Видел? А почему мне не сказал?

— Зачем?

— Как зачем? Разве я не должен быть в курсе всего, что происходит? Впрочем, не о том речь сейчас. Слушай, Марина запостила видео на своей страничке, а у неё куча подписчиков, и Нисар в том числе. Ты понимаешь, о чём я?

— Так-так-так, а это мысль! — цепляется Зотов. — Пожалуй, загляну на её сайт, подумаю, как это обыграть можно.

— Подумай, потом сообщи мне. Ну, а как у вас там?

— Норм. Уже сворачиваются. Домой собираются. Аська вымоталась, но довольная. Линара, похоже, пар спустила, смыла свою боевую раскраску, и, вроде как, успокоилась. Даже улыбается.

Меня вдруг тоска пробирает — хочу туда, к ним. Но Марину бросить не могу. Что ж такое? Почему всё так коряво? Оборачиваюсь. Марина смотрит выжидающе, с затаённой тревогой. Понимаю, о чём она думает. На самом деле, понимаю. У неё тоже сейчас уверенности во мне нет. Но что я могу поделать, если сам не чувствую её?

Вглядываюсь в лицо Марины — красивая ведь баба. Ну, почему не она, Заир? Почему не она, а та, другая, во всех отношениях неподходящая для тебя? Может, это всё притягательность миражей, недоступность далёких звёзд? Запретный плод, и всё такое? Уж лучше бы так, Заир. Лучше бы так. Молись, чтобы это было так.

Зажмуриваюсь. В ушах звон. В груди досада. Злюсь на себя, на Марину, на Линару, на ситуацию в целом. Какой-то ебучий клубок противоречий, который размотать мне не судьба.

Ладно. Хватит. Надо собраться. Долой лирику, Тураев. Сейчас главное Ася. Решу проблему с Нисар и компанией, тогда и буду разбираться с противоречиями.

А пока возвращаюсь к столику. Встряхиваю головой, как пёс, глубоко вздыхаю, заставляю себя расслабиться.

— Всё нормально? — осторожно спрашивает Марина.

— Порядок. Там у Зотова, возможно, будут к тебе вопросы по этому видео. Сделаешь, как он скажет.

— Конечно, всё, что надо.

Марина снова тянется ко мне, дует губы.

— Ну, что? Мир, Заир? Мм..? Мир?

— Мир, — ухмыляюсь. Женщины, мать их...

Марина расцветает.

— Может, тогда сходим на пляж? Или просто пройдемся по набережной, где меньше народу. Выбери, я на всё согласна, лишь бы с тобой. Я так скучаю по нам, любимый.

Ну, что с ней делать? И у идеальных женщин есть потребность в ласке. А уж Марина заслуживает немного моего внимания, которым я, в последнее время, и правда её обделил. Не по своей воле, но что с того?

— Хорошо. Пошли.

Я отписываюсь Зотову, что отваливаю на сегодня. Тот «благословил» меня на любые действия, лишь бы я держал Марину подальше от Линары и Аси, и не мешался под ногами. При упоминании Аси совесть начинает снова терзать меня: получается, я ради любовницы, пренебрегаю дочерью. Но я лишь день выделю Марине, и это будет ради общего дела. Решено.

Глава 25. Линара

Ну, что сказать, гольфистка из меня чуток получше роллерши будет. Но я ужасно устала, а плечи просто отваливаются. Аська тоже наигралась до того, что Жене пришлось тащить её на руках.

Спектакль с преображением быстро мне надоел. После улётного «фака», что я послала Тураеву, а он так и не отреагировал, мой энтузиазм сдулся сам собой, и я махала клюшкой уже без прежнего рвения.

Евгений, надо отдать ему должное, хлопотал вокруг меня, как озабоченная мамаша, и, кажется, действительно пытался чему-то научить. В итоге, я даже немного втянулась — ударила пару раз по мячу без промаха и дивотов. Да, я теперь знаю, что это такое.

Потом пришло время забирать Аську. Она была сытая, так как после сорокаминутной тренировки, детей накормили легким ленчем, а затем они просто играли на детской площадке под присмотром воспитателей, пока их родители занимались спортом, или, чем они там ещё занимаются в гольф-клубе. Отличная практика, между прочим.

Я умыла вконец измотанную Аську, и уложила её в кровать. Она даже спорить не стала, тут же вырубилась. Потом сама приняла душ, разминая под горячими струями натруженные плечи.

Приходится признать, что мой дебют завершился бесславно. Ну, и чёрт с ним, думаю я, нанося на лицо дневной крем, дабы окончательно избавиться от последствий боевой раскраски. Не стоит переживать из-за того, что «некто» оказался с таким плохим вкусом, что кроме как «вали нафиг с поля», никак не отреагировал на мой сногшибательный прикид.

— Он просто ничего в красоте не понимает, — говорю сама себе, глядя на отражение в зеркале. — Прimitив. Дикарь. Антропофаг. Его уровень — толстожопые бабы с дойками, а не утончённые куколочки, как я. Ну и ладно. Свой «фак» он получил по любому.

Всё-таки выкручиваюсь, пытаюсь через плечо разглядеть свою задницу. Уж если совсем честно, то было бы неплохо немного прибавить «там». Да и грудь у меня не то, что бы, Памела Андерсон. Даже не пол-Памелы, скажем прямо. И, всё же есть за что подержаться.

Стискаваю своих подружек вместе, одновременно приподнимая их. Хм-м, совсем неплохо. Другим так даже нравится. Вон, Женя... Ой, Женя! Совсем забыла.

Быстро натягиваю бельё, легкий сарафан и выхожу из ванной, на ходу заплетая косу.

Пока я занималась своими чисто женскими делами, Женя успел сварить нам кофе и уже хлопотал на патио, сервируя столик. Отчаливать к себе, похоже, он не собирался.

— Мы теперь что, под круглосуточным наблюдением? — спрашиваю, ставя тарелочку с нарезанными фруктами между чашками, предварительно стибрив оттуда кусочек банана.

— Собственно, вы и были под ним.

Я хлопаю глазами на Смирнова, медленно пережёвывая сладкую мякоть.

— Что, и ночью?

— Разумеется. Но сейчас мой сменщик спит.

Если честно, я просто пыталась съязвить, поэтому откровенный ответ Жени застал меня врасплох. Да я окружена мужчинами и днём и ночью, оказывается. И ещё смею жаловаться

на невнимание? Окстись, Линара!

Сажусь в плетёное кресло. Смирнов по-хозяйски разливает ароматный напиток в чашки и протягивает мне мою.

— Почему это тебя удивляет? Тураев заботится о вашей с Асей безопасности, только и всего.

— Скорее, мы для него приманка. Хотя об Асе, он, разумеется, думает в первую очередь.

— Это его право и обязанность, как отца.

Затыкаюсь от такой отповеди. В принципе, всё правильно. Только вот обида моя никуда не девается, так и клокочет во мне, хотя шок, можно сказать, прошёл. Зато пришли вопросы.

Пью кофе, наблюдая, как солнце скрывается за облаком, покрывая всё вокруг какой-то белёсой пылью, и краски словно приглушаются.

— Тебе понравилось в клубе? — меняет тему Женя, и я отвлекаюсь от облаков.

— Как ни странно, да.

— Сходим еще?

— Это как хозяин прикажет.

Женя фыркает.

— Ты обижена, это нормально. Но и Заира пойми.

— Да я понимаю, правда. Но все эти события просто выбивают почву из-под ног. Никак в себя не приду.

Серые глаза Жени становятся цепкими — это в нём профи просыпается.

— Хочешь поговорить об этом?

— А можно? В смысле, я не знаю, можно ли тебе со мной откровенничать. Я ведь для вас... как это? Подозреваемая.

Женя не отрицает и не соглашается, лишь загадочно поглядывает на меня, потягивая свой кофе. Понятно. Он не собирается облегчать мне жизнь. Что ж. Если я действительно хочу что-то выяснить, придётся и самой быть откровенной. Вздыхаю смиренно.

— Я в полном раздрае, если честно. Как Алиса в Зазеркалье. Не знаю где верх, где низ, где право, где лево, в какую сторону идти. Столько вопросов...

— Спрашивай.

— И ты ответишь?

— Зависит от вопросов.

Ветер начинает шевелить листву — похоже, погода всё же испортится. Как бы шторма не было. Это будет первый ненастный день за всё время нашего пребывания здесь.

— Скажи, почему Нисар обвиняют в похищении? Она же мать. Разве такое возможно?

Прежде чем начать, Женя делает паузу, обдумывая, видимо, в какой степени он может открыть мне подробности личной жизни босса. Наконец, говорит:

— Тураев разводится, ты знаешь. Он хочет получить полную опеку над дочерью из-за неспособности Нисар заботиться о ребёнке. В каком-то смысле она даже представляет угрозу для дочери.

Не могу не согласиться, если вспомнить, что рассказала мне вчера Ася.

— Процесс идёт со скрипом: Нисар сопротивляется, ставит палки в колёса. В конце концов, суд обязал её пройти полный курс лечения, а до этого вынес решение о запрете её общения с дочерью без присутствия третьих лиц. В тот день она сбежала из больницы, не пробыв там и суток. С помощью матери выкрала Асю из детского садика, и скрылась с ней в

неизвестном направлении, фактически, совершив противоправные действия.

— А Заир где был в это время?

— В командировке. То есть, момент был выбран довольно тщательно.

И Женя рассказал мне, каких трудов им стоило найти Асю.

Интересно то, как Нисар преподнесла мне полуправду — подробно, в деталях, очень достоверно. Только вот преследователем был не Мансуров, а её собственный муж. Но кто тогда для неё Мансуров? Оппонент или союзник? Шантажист и вымогатель, или сообщник? Спрашивать напрямую у Смирнова мне не хотелось, потому, что пришлось бы выложить наш разговор с Нисар, а это такая тема... нехорошая, в общем, тема.

— А какова роль Роксаны?

— Роль пособника Нисар. Она обвиняет зятя во всех бедах своей дочери и поливает грязью на каждом шагу, что не мешает ей жить за его счёт.

— За его счёт? — мне захотелось расхохотаться над этим заявлением. — Да у Загиновых денег куры не клюют!

— Когда-то так и было. Но времена изменились. После смерти мужа, Роксана, практически, осталась ни с чем. А пристрастие госпожи Тураевой требует огромных средств.

Всё это ужасно, на самом деле. А ведь я жила все эти годы, ни о чём не догадываясь. И тётя Роксана, в наших редких с ней разговорах по телефону, даже не намекнула о проблемах сестры. Почему?

— Скажи, когда Нисар опять начала принимать наркотики?

— Примерно через год после рождения дочери. Заир пытался с этим бороться, но всё впустую.

Да. Нисар не из тех, кого можно приручить, или подстроить под себя. Она кошка, гуляющая сама по себе и живущая по своим законам. Но на кошку, похоже, накинули поводок. И у кого в руках этот поводок? Не у Стиха ли снова?

Ведь когда-то он уже привязывал к себе Нисар наркотиками. Примерная девочка в школе и дома, она отрывалась с Мансуровым по полной, с какой-то отчаянной безрассудностью, и только я была свидетелем её отрыва. Меня эти двое не стеснялись. Я была для них неодушевлённым предметом, бессловесным рабом, стоящим на страже под дверью заброшенного строительного вагончика. Чем они там занимались, я могла догадываться по звериным звукам, издаваемым ими, и дыму столбом, в прямом смысле этого слова.

Из вагончика Стих обычно вываливался первым: раскрасневшийся, весь нараспашку, растрёпанный, взвинченный. Закинув свои клешни мне на плечи, и, придавив всей тяжестью, дышал в лицо таким амбре, что меня с ног сшибало.

— Линарррраа... моя девочка, моя рыжая мышка. Пик-пик... — придурился он.

— Убери от меня свою морду, Стих, — грубо отпихивала я его, пытаюсь увернуться. А он только ржал, скаля крупные зубы.

— Да, ладно, не ломайся. Я же нравлюсь тебе, я знаю, — продолжал теснить меня Рамиль, похабно ухмыляясь. — Ну, скажи, хотела бы со мной поиграть, как твоя сестрица, а? Ты, конечно, не айс, но кое-чему я бы и тебя научил.

— «Педагог» нашёлся. Руки, Стих, руки! — отскакиваю от него, прикрываясь, как щитом, объёмной сумкой с учебниками.

Рамилю, наконец, надоедает забавляться со мной. Он потягивается, как сытый кот, крикает, разминает широкие плечи и шею. Не стесняясь, чухает свои причиндалы в тесных

джинсах. Потом смахивает шлем с ручки «Харлея», и, встряхнув волнистой гривой, натягивает его на голову.

— Ладно, детка, мне пора. Я звякну, — кидает мне вскользь и вальяжно отчаливает, дымя и рыча своей адской машиной.

Прислонясь к дереву, я стараюсь выдворить из лёгких ту вонь, что мне пришлось вдохнуть в себя. Уже темно. Поглядываю на часы. Роксана скоро начнёт трезвонить, искать нас.

Наконец из вагончика выползает Нисар. Движения плавные, заторможенные, глаза горят, на лице улыбка египетской кошки, знающей все тайны мироздания.

— Ну, что, пошли?

Словно она из кафе вышла, а не из притона, облюбованного наркоманами.

— Нисар, — устало вздыхаю я, — ты доиграешься...

— Отвали, дохла. На, сегодня ты поведёшь, — говорит она, и кидает мне ключи от своего скутера. И, конечно же, я их не ловлю, и мне приходится шарить руками в пыльной траве, подсвечивая себе телефоном.

...

— Это Мансуров опять посадил Нисар на наркотики?

— Возможно, — уклончиво отвечает Евгений.

Ладно. И так всё ясно. А потому перед нами простое уравнение: Нисар плюс Мансуров равно Калугин.

Хм-м... Калугин.

— Слушай, — спохватываюсь я. — А про какие такие документы вы всё время говорите?

— Конфиденциальные.

Тут Смирнов явно не собирается распространяться. А жаль. Это бы пролило свет на многое. Тем не менее, я не сдаюсь:

— Их украла Нисар?

— С большой вероятностью, да.

— Чтобы передать Калугину? Это и есть «обещанное»? Но он спрашивал не про Нисар, а про Мансурова. Значит... Нисар крадёт документы, отдаёт Мансурову, тот отдаёт их Калугину, и?.. Что в документах, Жень?

— Информация.

— Не хочешь говорить? Ну и ладно, — дуюсь я и откусываю печенье, мысленно прокручивая вчерашние события, наше катание на роликах, встречу с Калугиным...

— Слушай, а почему вы решили, что я могла их передать ему? Ты же был тогда со мной на площадке, и видел, что у меня в руках ничего нет: ни сумки, ни папки с бумагами, ничего!

— А это не бумаги вовсе. Это флешка. Маленькая такая флешка в виде рыбки, которую запросто можно сунуть в карман, и при желании незаметно передать.

Печенье вдруг валится у меня из рук. Смотрю тупо на Евгения, и чувствую, как глаза мои расширяются всё больше и больше.

— Флешка... Рыбка... Позолоченная такая, с зелёными глазками!

Женья тоже меняется в лице.

— Ты её видела? Где? Когда? Говори!

В ушах звенеть начинает от волнения.

— Я... сейчас. Сейчас!

Срываюсь со стула, несусь в дом. Женя за мной. Стараясь не шуметь, шарю в шкафу, вытаскиваю Аськин рюкзачок. Перебираю брелоки — их тут гроздь целая. Нет, не найду никак. Внутри всё проваливается куда-то вниз, пальцы дрожат.

— Я же помню, я сюда её прицепила... Ах! Вот! — отрываю рыбку с «мясом» от шнура, и сую Жене. — Она?

Евгений смотрит на неё, как Джафар на лампу Алладина. Осторожно берёт в руки надавливает на глаза рыбки каким-то особым способом, и её голова отскакивает, открывая резьбу. Потом отвинчивает её и появляется разъем. Боже! Я в изумлении таращусь то на рыбку без головы, то на Евгения, на лице которого расплывается широкая улыбка.

— Она, — говорит, и вдруг набрасывается на меня, стискивает мои щёки ладонями и целует взасос. А я так опешила, что сопротивляться даже в голову не приходит. А что, я бы тоже ему на шею кинулась на радостях.

— Линара, ты чудо! Я к Зотову! Я быстро!

Смирнов убегает. А звон в моих ушах всё громче и громче. Мне срочно нужна опора, и я прислоняюсь лопатками к стене. Неужели всё? Неужели это конец?

На улице вдруг резко темнеет, и небеса разверзают над нами свои хляби. В открытое французское окно врывается ветер, надувая лёгкие шторы пузырьком, а следом за ним несутся секущие струи дождя. Безучастно смотрю, как по полу растекается огромная лужа, и совсем не чувствую холодных брызг, долетающих до моих оголённых плеч и ног. Мне действительно всё равно. Я просто устала.

С трудом отрываю себя от стены и иду в спальню к Аське, закрываю дверь, ложусь с ней рядышком.

— Ну, вот и всё, малышка. Скоро ты поедешь домой. А я научусь жить без тебя.

Кладу ладонь ей на животик, смотрю какое-то время, слушая, как стихия ревёт за окном, и глаза мои сами собой закрываются.

Глава. 26. Заир

Гуляем по набережной. Марина резвится, как ребёнок, кидая чайкам корм, который они подхватывают на лету. А я на облака смотрю. Не нравится они мне. В ноябре в Анталии уже могут быть шторма и сильные дожди, а Аська грозы боится. Дома я старался по возможности быть рядом, но здесь не дома.

Не дёргайся, Тураев, уговариваю сам себя. Ася не одна. Там Женя, там Линара... Линара. А ведь я уже могу произносить её имя, и, при этом, не гореть желанием пнуть что-нибудь или разбить. Прогресс налицо. Поверил ли я ей? Пятьдесят на пятьдесят. Женщины существа коварные, склонные лгать даже тогда, когда в этом нет нужды. Уж мне ли не знать?

— Заир! Ах!..

Ветер срывает широкополую шляпу с головы Марины, и уносит в мою сторону. Я, подпрыгнув, ловлю её на лету. Не потому, что такой ловкий, а потому, что повезло.

Марина смеётся, откинув голову. Я улыбаюсь ей, несу шляпу обратно. С Асей всё будет хорошо, а этот вечер надо посвятить Марине.

— Заир! Смотри, какие тучи. Может, вернёмся в номер?

— Пожалуй, — соглашаюсь я, и мы поворачиваем назад.

Гроза застаёт нас у самых дверей, но мы успеваем забежать в дом, почти не намокнув. Марина со смехом снимает с себя одежду, не забывая соблазнительно крутить передо мной задом.

Идём вместе в душ, занимаемся любовью. Потом достаём из холодильника еду и выпивку, перекусываем, и снова занимаемся любовью. Марина старается, а я как автомат — делаю дело, но ничего не чувствую. Техника-механика. Даже оргазм механический какой-то, как отрыжка. Старею, что ли?

На улице настоящее светопреставление. Слушаю, как ветер швыряет потоки дождя в стекло, словно песок горстями, и сердце не на месте. Марина лежит у меня на подмышке и тербит мне бороду. Недовольно дёргаюсь, отворачиваюсь. Сбрить её нафиг, надоела, сил нет.

— Заир? Скажи, что не так?

— Всё так. Спи.

— Но я же вижу! Поговори со мной, любимый.

— Марина...

Телефон прерывает меня, издавая тихое жужжание. Ох, как вовремя-то! Хватаюсь за него, словно за спасательный круг. Зотов на проводе.

— Слушаю.

— Заир, хорошие новости: флешка у нас.

Соскакиваю с кровати, без церемоний стряхивая с себя Марину.

— Говори!

— Линара нашла. Не поверишь, всё это время она была прицеплена к сумочке Аски, как брелок. Евгений только что примчался от них. Сейчас я проверяю флешку на предмет взлома, но, кажется, всё чисто.

Хватаю трусы, пытаюсь вдеть ногу в штанину, одновременно удерживая телефон возле уха. Прыгаю, как идиот, на одной ноге, мудя болтаются, а я ору в трубку:

— Что она говорит? Как накопитель оказался у неё?

— Подробности не знаю. Евгений на радостях не успел расспросить. Сейчас пойдёт назад, всё выяснит.

— Не надо. Я сам. Уже иду.

— Заир?

— Да?

— Иди один.

— Ясень пень.

Одеваюсь за несколько секунд, хоть сейчас в строй. Марина тоже встала, и уже успела натянуть халат.

— Есть новости?

— Есть.

— Хорошие? Ну, скажи же!

— Кажется, документы нашлись.

— Правда?! О, наконец-то! Ты сейчас к Зотову? Когда придёшь? Мы ведь теперь можем забрать Асю и вернуться в Москву, так?

— Марина, не дави, — отцепляю от себя её руки. — Я ещё сам толком ничего не знаю. Как что выяснится — сообщу.

Обуваюсь уже в дверях.

— Зонтик возьми!

...

Какой-там, нахрен, зонтик?! Я мчусь, как волк на запах крови, не разбирая дороги. По лужам, сквозь стену дождя, подгоняемый какой-то неосознанной силой, смешанной с возбуждением. Значит, флешка, всё же была у Линары. Что это? Хитрый ход? Или невероятное стечение обстоятельств? Кто ты, Линара, белое или чёрное? А если белое? Если белое, Линара?

Сворачиваю на дорожку к их коттеджу: что за чёрт? Дверь нараспашку, мокрые шторы рвёт ветром. На патио столик с перевернутыми чашками и кофейником, скомканная скатерть трепыхается в траве. У меня внутри всё опадает, словно я ступил в пропасть. Влетаю в дом. На пороге лужа, размером с озеро. Шлёпаю по ней — в гостиной пусто, уже собрался заорать, как глаза упираются в закрытую спальню. Несусь туда, дёргаю дверь и застываю на пороге.

Спят. Обе. Мне судьба такая, что ли, смотреть на них спящих? Доча, как всегда, раскинулась на всю кровать, Линара мостится с краю, положив ладонь на животик Аськи. Обе сопят в унисон. Идиллия. Снаружи шторм, а тут покой и тишина. Спрашивается, чего я так нёсся?

Судорожно сглатываю ком в горле. Боюсь своим шумным дыханием разбудить их. Осторожно пячусь назад, прикрываю дверь. Хлюпая водой по полу, хватаю подвернувшуюся тряпку, вытираю лицо и шею.

Одежда на мне промокла насквозь, с волос и бороды капает. Растерянно оглядываюсь, не зная, что делать дальше. Наконец отдёргиваю шторы и плотно закрываю створки французского окна. В комнате сразу становится тихо. Залипаю на картине снаружи, скользя пальцами по запотевшему стеклу. Стою так минут пять, не шевелясь, ни о чём не думая.

Просто слушаю тишину.

Набираю Зотова:

— Ну, что?

— Они спят. Подожду, пока проснутся.

— Ясно. Я проверил флешку — с ней порядок.

— Хорошо. Что дальше, Зотов?

И Аркадий излагает мне свой план.

Не могу сказать, что он мне нравится, но я доверяю своему другу. Тем более что он уверил меня в скорой развязке. Дай-то Бог.

Топаю в ванную — благо, я здесь каждый угол знаю. Раздеваюсь, выжимаю футболку, брюки, трусы, кидаю всё в сушку. Подхожу к зеркалу, упираюсь руками в умывальник, смотрю на себя: ну и рожа. Робинзон отдыхает. Дочь проснётся, а тут такое. Испугается ещё. Да. Теперь можно. Тянусь к ящику, где точно знаю, есть всё необходимое — отель, как-никак. Беру бритву, гель, и приступаю.

Выхожу из ванной комнаты в одном полотенце на бёдрах, ощущая невероятную легкость на лице. Направляюсь к холодильнику. Так, что тут у нас? Ананасовый. Пойдёт. Хлопаю дверцей, и...

— Ёб-т...

Я едва успеваю отклониться и заблокировать удар, прежде чем увесистый металлический кувшин смог обрушиться на мою голову. Одновременно выбрасываю свободную руку вперёд и впиваюсь во что-то тёплое и податливое. Действую на полном автомате, потому не сразу соображаю, кто передо мной. Прихожу в себя, лишь, когда Линара уже начинает хрипеть и царапать мои пальцы, сжимающие ей горло.

Я тут же ослабляю хватку, и девчонка едва не валится на пол. Успеваю подхватить её, и она виснет на мне, как плеть, судорожно хватая ртом воздух.

— Дурочка! Я же чуть не пришиб тебя!

Убираю волосы с её лба, всматриваюсь в покрасневшее, испуганное лицо, глаза, полные слёз и изумления, приоткрытые губы... близко, так близко к моим. Взгляд блуждает по этим сочным губам, а ладонь сама собой начинает поглаживать покрасневшие скулы, перемещаясь к шее, на которой уже начинают проступать следы от моего захвата.

Тураев, да ты спятил!

Рвавший из меня стон превращается в сердитый рык, и я грубо отталкиваю Линару от себя:

— Ты что творишь, а?

— Вы?.. Э-это вы?

— Конечно я, ослепла, что ли?

— Вы...

Она продолжает таращиться на меня — видать, еще не отошла от шока.

— А... где ваша борода?

— Сбрил!

Линара оглядывает меня с ног до головы. Потом ещё раз и ещё. А моё сердце начинает гулко биться от этого пристального внимания. Грудь произвольно выпячивается, плечи расправляются. Хочется развести руки в стороны и медленно так покрутиться перед ней: смотри, мол, смотри. Нравится? Так бери, не раздумывай.

— А почему вы в полотенце?

Вот, чёрт! Хочешь, чтоб я его скинул? Так я живенько...

Тут же мысленно даю себе пинка за неумную фантазию, и гаркаю, играя желваками:
— Вымок! На улице льёт как из ведра, если ты не заметила.

Грохою об стол невесть, каким образом, оказавшийся у меня в руках кувшин — ничего так шишка бы была! Отшвыриваю босой ногой расплющенный пакет сока, под которым расплылась очередная лужа, и иду к телефону, оставляя за собой липкие следы по всему полу. Да, хорошенький мы тут устроили бардак. Тыкаю кнопки, стараясь переключить мозги на английский — турецкий в моём состоянии сейчас превратится в один сплошной rrrr...

— Hello?... ... В шестнадцатый «люкс» горничную, пожалуйста, один мужской комплект белья размер 2XL, спортивные шорты и майку того же размера. И услуги прачечной впишите. Спасибо, жду.

Шмякаю на базу трубку и иду к бару, продолжая ощущать на себе жгучий взгляд русалки, под которым мои мышцы самопроизвольно сокращаются, вызывая дрожь во всём теле, а в одном определённом органе в особенности. Лежать! — приказываю я «органу», и наливаю себе изрядную порцию виски. Делаю глоток, жду, когда полотенце перестанет топорщиться парусом, выдавая меня с головой, и, только после этого поворачиваюсь к Линаре.

— Ну, чего уставилась? Голых мужиков не видела?

Нефритовые глаза вспыхивают, и тут же опускаются в пол.

— Вообще-то я работаю санитаркой в больнице. Я много чего видела.

Между этим полудетским изумлённым взглядом и тем, что и как она говорит, огромная пропасть. Ты загадка, Линара. Разгадаю ли я тебя когда-нибудь, или правильнее будет даже не начинать?

— Санитарка? — хмыкаю я. — Лучшего ничего не нашлось? Москва, всё-таки.

Линара отмалчивается. Забившись в угол, она обхватывает себя за плечи и вся как-то съёживается. Блядь, опять эта защитная поза. Бесит!

— Иди сюда.

— Зачем?

— Иди!

Линара подходит.

— Садись, — киваю на кресло.

Жду, когда выполнит моё указание, а сам остаюсь у окна, наблюдая за настороженными движениями девчонки. С этой растрёпанной косой и в простеньком сарафане трудно признать в ней ту дерзкую красотку из «Плейбоя», что еще утром строила мне неприличные фигуры из пальцев.

— Не узнала меня, что ли?

— Без бороды не узнала. Простите.

Русалка заливается румянцем и машинально поглаживает горло, а меня совесть мучает — я всё же хорошо её прижал. Может, компресс там, или что? Но тут же одёргиваю себя:

— Впредь двери запирай, прежде чем спать укладываться.

— Простите.

— Прощаю. А теперь рассказывай. Как у тебя документы оказались?

— Документы? — Линара снова вскидывает на меня глаза, но тут же отводит их, а для меня словно солнце за тучи прячется. — Вы про флешку? Ну... Нисар, похоже, обронила её у меня дома, а Аська нашла. Уже в аэропорту я увидела, как она цепляет рыбку на свой

рюкзачок. Я узнала в ней подвеску Нисар — она носила её на шее, как украшение. А сегодня Женья сказал, что «документы» это не бумаги вовсе, а цифровой носитель в виде рыбки, и я вспомнила про неё.

Пауза.

— Теперь всё? Вы заберёте Асю? Вы же за этим пришли?

Всё? Да я бы с радостью, но...

Отворачиваюсь. Прохожусь ладонью по лицу. Молчу. Смотрю через окно, как ветер быстро гонит тучи от моря вглубь материка.

Моё молчание Линара понимает по-своему:

— Ладно. Пойду, разбужу её.

Встаёт, торопливо проходит мимо меня, но я успеваю перехватить её за руку.

— Подожди.

Линара замирает. Стоим плечом к плечу, я чувствую жар от её оголённой кожи. Она поднимает голову и смотрит на меня, обжигая нефритовым огнём.

— Чего ждать? Документы у Вас. Ася у Вас. Берите, и уезжайте, пока ещё чего не случилось.

Злится. Почему? Не надо злиться, девочка. И хмуриться не надо.

Медленно разворачиваю её к себе. Линара не сопротивляется, и я тороплюсь воспользоваться моментом — осторожно, чтобы не спугнуть, придвигаюсь к ней сам.

— Что, по-твоему, может случиться? — спрашиваю, а сам держу в руках уже обе её ладошки — узенькие, в половину моих. Смотрю на них, обводя большими пальцами появившиеся мозольки от сегодняшней тренировки — всё, не будет тебе больше гольфа, хватит.

— Или ты что-то знаешь?

Глажу коротко подстриженные ногти — без маникюра, но красивой формы. Дышать боюсь, когда незаметно перемещаю эти пальчики себе на пояс, и дальше, к пояснице, и ликую, не чувствуя отпора. Маленькая моя, спасибо...

— Нет, но мало ли...

Ладони мои скользят вверх до её локтей, и выше, к открытым плечам, а глаза гуляют по скромному вырезу сарафана, по грудям, спрятанным сейчас за плотным лифом. Зря прячешь, всё равно достану.

— Асю лучше быстрее отвезти домой, разве нет? — шепчет Линара, стыдливо отводя глаза от моих голых сосков, в которые она почти дышит. Не отворачивайся, смотри на них, мне нравится, когда ты смотришь...

Закрепляя успех, обвиваю её тонкий стан одной рукой, но прижимать к себе пока не решаюсь — слишком явны тогда будут мои намерения, а мне не хочется спугнуть её.

— Нисар и Стих всё ещё не объявились, — говорю тихо, а сам ныряю другой рукой к основанию её шеи, осторожно сжимаю толстую косу у самого корня, и медленно тяну вниз, заставляя девочку откинуть голову назад и открыть мне доступ к сладкому: у неё невероятно красивое горло. Нежное, незащищенное, с отметинами, оставленными мной. Да, я накосячил. Но я всё исправлю.

— Зачем они вам? — глаза Линары закрываются, пряча от меня чистый нефрит, и я довольствуюсь любованием длинных густых ресниц цвета тёмной меди. — Теперь пусть Калугин за ними охотится.

Мой уже откровенно голодный взгляд возвращается к её приоткрытым губам: оближи

их, приготовь к моему приходу, ну же? Вот так, умница-девочка.

— Пусть охотится, — я наклоняюсь, высовываю язык и провожу им по её горлу: от ямки между ключицами, до острого мыска под подбородком, оставляя на коже ещё один след своего неоспоримого присутствия. Вот так, чтоб не болело.

Уррр... Сладкая девочка.

По телу Линары пробегает мелкая дрожь, она резко дёргается и втягивает в себя воздух.

— Заир...

— Тшшш... Поздно, маленькая, поздно.

Наши губы, наконец, встречаются. И я целую звёзды.

Глава 27. Линара

Просыпаюсь нехотя. Сколько мы уже спим? Смотрю на часы: ого! Аська снова рекорды бьёт. Пора будить, иначе ночью не уложу её. Приподнимаюсь на локтях, тянусь к жалюзи на окнах: дождь не прекращается, но буря стихает.

Слышу, в гостиной кто-то ходит. Женя, наверное. Потягиваюсь с хрустом, встаю с кровати. Распахиваю дверь и тут же шарахаюсь назад, прикрывая створки. Сердце едва из груди не выпрыгивает. Кто это?!

Тихонько подглядываю в щель. Незнакомый мужик в одном банном полотенце разгуливает по моей гостиной, как у себя дома. Вот, чёрт, я же двери не закрыла! Вот это я лоханулась! И Жени нет, и сменщик его только ночью придёт. Что делать?

Спешно оглядываюсь, пытаюсь вспомнить, где оставила телефон — кажется, в гостиной. Плохо. Слава Богу, Аська спит. Пусть, а то перепугается ещё. Глаза упираются в классический восточный кувшин с чеканкой. Нет, это не выход. А есть другой? Думай, Линара, думай.

Можно, конечно, выйти и поговорить. Может, это случайный турист от грозы прячется. Ладно, если так, а если Мансуров, или человек Калугина? Мне как-то выяснять это тет-а-тет не сильно хочется. Вот если оглушить его предварительно, и связать, тогда и поговорить можно будет.

Мой взгляд снова падает на кувшин. Не айс, конечно, но хоть что-то. Беру, взвешиваю посудину в руках, примеряюсь, как бы половчее ухватиться за неё, и снова поглядываю в щель.

А мужик уже в холодильнике шарится. Давай, Линара, подбадриваю сама себя. Как тебя сегодня Женя учил: замах — удар, главное, не раздумывай. И поспеши, пока он не вылез из холодильника, другой такой возможности может и не быть.

Протискиваюсь в комнату на цыпочках, не забыв плотно прикрыть за собою дверь, неслышно подкрадываюсь — внезапность должна быть моей союзницей, и поднимаю кувшин над головой, готовясь обрушить на незваного гостя свой праведный гнев и вящее негодование. Вот он выпрямляется, закрывает дверцу, и я так... ХРЯСЬ!!

От удара кувшин взмывает в воздух, делает кульбит, и падает напрямиком в руку мужика. Я же пискнуть не успеваю, как оказываюсь припечатанной к стенке, а горло моё сжато так, что из глаз фонтаном брызжут слёзы, и ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Трепыхаюсь, как бабочка на булавке, пытаюсь оторвать его пальцы от себя, и не могу. Мамочки, он мне сейчас шею сломает!

И тут хватка ослабевает. Я делаю судорожный вдох, и чувствую, как падаю. Долго-долго падаю. Голова кругом, в ушах шумит, в глазах плывёт. Моё падение вдруг прекращается, когда меня подхватывают на руки, и я упираюсь носом в чьё-то голое тело. Чувствую запах — свежий и, в то же время, терпкий, и какой-то неуловимо знакомый. Мне что-то говорят, но я не понимаю — дышу, и не могу надышаться, жду, когда звон в ушах прекратится.

Мой расфокусированный взгляд, наконец, концентрируется на черных глазах незнакомца, склонившегося надо мной — они так близко! Читаю в них тревогу и злость одновременно. А ведь я знаю эти глаза, давно знаю. И эти хмурые, густые брови тоже.

Его пальцы касаются моего лба, щёк, и мне так же хочется прикоснуться к нему. Я уже тянусь к его лицу, когда мужчина вдруг резко отталкивает меня.

— Ты что творишь, а?

Этот голос... Неужели?...

— Вы?.. Э-это вы?

— Конечно я, ослепла, что ли?

Обессиленно прислоняюсь к стенке, одновременно чувствуя невероятное облегчение. Ну, конечно, как я сразу его не узнала? Заир! Совсем другой без бороды, помолодевший лет на десять, но Заир. Господи, я чуть не расквасила голову Тураеву!

— Вы...

Смотрю на него, как впервые, не могу оторваться. Какие красивые у него губы, чисто мужские — скупо изогнутые, но чётко очерченные. И этот твёрдый подбородок, и носогубные складки, придающие ему такой надменный вид. И вся эта красота зачем-то была спрятана под неряшливой чёрной бородой.

— А... где ваша борода?

— Сбрил!

И правильно сделал. Так гораздо, гораздо лучше. А мой взгляд скользит ниже, и уже блуждает по великолепной фигуре Тураева, его смуглой коже, налитым мышцам атлета. О, да, они впечатляют! Сколько ему? Тридцать четыре? Тридцать пять? Самый расцвет. Прости, Нисар, но твой муж совершенен! А мои глаза бесстыжи, каюсь. Но оторвать их от него не могу.

— А почему вы в полотенце?

Ох, по-моему, он снова сердится. Его желваки ходят ходуном, а глаза мечут молнии. А что я такого сказала? Просто спросила.

— Вымок! — гаркает Тураев, а я испуганно жмурюсь от его рыка. — На улице льёт как из ведра, если ты не заметила.

Он швыряет злосчастный кувшин на стол, пинает что-то, подвернувшееся под ноги, и топает к тумбочке, где стоит стационарный телефон. Остервенело тычет кнопками, а потом я какое-то время наслаждаюсь его довольно приличным английским. Кажется, он горничную вызывает.

Затем направляется к бару, и гремит там бутылками. И тут я позволяю себе удивиться: дело в том, что даже я не знаю, что там стоит — ни разу не заглядывала, а Тураев знает. Как так? Впрочем, это же он за номер платит, так что...

Пока Заир хозяйничает в моём баре, я без зазрения совести любуюсь его видом сзади. Вау-вау!! Пусть это курорт, и обнажённой здесь никого не удивишь, и, всё же, одно дело на пляже, под разнузданным солнцем, и другое — в домашней, почти интимной обстановке. А ещё такой великолепный экземпляр! Что ни говори, а туристы в Турции совершенством тела нас не балуют. Поэтому мне хочется продолжать любоваться грандиозным зрелищем, устроенным для одной меня, как можно дольше. Бесконечно долго. Всегда.

— Ну, чего уставилась? Голых мужиков не видела?

Я вздрагиваю, и мои радужные фантазии лопаются, как мыльные пузыри. Опускаю глаза, и отвечаю какую-то банальность насчет работы санитаркой: мол, много, чего видела. Много видела, да не на всё хотелось смотреть дважды. А тут песня для глаз. Ария Архангела. Крыльев только не хватает за спиной. Чёрных.

— Санитарка? Получше ничего не могла найти? Москва, всё-таки.

От пренебрежения в голосе Тураева моё игривое настроение улетучивается в один миг. Получше? Это с моим-то послужным списком? Впрочем, могла в проститутки пойти, к

Эдику Дагоеву, у которого помимо шашлычной, где я работала, ещё и бордель имелся. Небольшой такой, для «своих». А могла симками на вокзале торговать, или наркотой в Митино. Но я полгода туалеты общественные мыла, пока одна тётка, заглянувшая туда по дороге на остановку, не всучила мне бумажку с номерами телефонов.

— Три месяца на курсах отучишься, и ко мне, — инструктировала она меня, натягивая колготки на свой объёмистый живот, словно кожух на барабан. — А то у нас после нового года две санитарки в декрет уходят, а одна на пенсию собралась. Так мне хоть волком вой. Только смотри, чтоб чистая была. Без всяких там ВИЧ и прочее. Проверим. Паспорт хоть российский?

— Да.

— Ну, и ладушки.

Галина Фёдоровна, моя начальница, тётка энергичная, младшему персоналу спуску не даёт. Муштрует нас жестко, как в армии. Работа тяжёлая, и физически и морально, но и деньги платят хорошие. Так что я не жалуясь, нет. Не всем же с ложкой серебряной во рту рождаться.

Машинально тру похолодевшие плечи, разглядывая жуткий беспорядок на полу. Галина Фёдоровна бы здесь уже иерихонской трубой орала и шваброй, как знаменем размахивала. «Профессионал» во мне тоже негодует, но начинать уборку при Тураеве как-то неудобно.

— Иди сюда.

Я вскидываю голову, смотрю на него с опаской.

— Зачем?

— Иди!

Отталкиваюсь от стены, на которую до сих пор опиралась, подхожу к Тураеву.

— Садись, — кивает на кресло.

Сажусь, натягивая подол на голые колени, прячу под себя ступни с педикюром, который кажется мне сейчас неуместно-ярким, оглаживаю растрёпанные волосы. Тураев, похоже, смягчается, даже тон меняет на более снисходительный.

— Не узнала меня, что ли?

И я иду на мировую — зачем скандалить, когда можно обойтись и без этого?

— Без бороды не узнала. Простите.

— Впредь двери запирай, прежде чем спать укладываться.

Справедливо. И я снова киваю:

— Простите.

— Прощаю. А теперь рассказывай. Как у тебя документы оказались?

— Документы?

Ах, ну да. Документы. Ему, наверное, уже доложили. Ну, конечно, вот он и примчался сюда, несмотря на грозу.

Рассказываю, как флешка оказалась у меня. А потом спрашиваю то, что больше всего:

— Теперь Вы Асю заберёте?

Тураев молчит, что-то высматривает за окном, а я украдкой поглядываю на него. Мне тяжело. Но тянуть нет смысла. Я ведь знала, что рано или поздно это должно было случиться.

— Ладно. Пойду, разбужу её.

Встаю с кресла, но когда прохожу мимо Заира, он вдруг хватает меня за руку, а у меня ощущение, будто мне на кисть раскалённый наручник надели и защёлкнули его намертво.

— Подожди.

Замираю. Сердце, как заяц, вдруг подскакивает и бежит невесть куда. Поворачиваю голову, поднимаю глаза — он смотрит прямо на меня, в меня. Зачем так смотришь? Неужели не знаешь, что творишь своими черными, как ночь, глазами?

От его голой кожи жар пышет, словно от печки, и меня пот прошибает. Краснею, бледнею, дрожать начинаю. Злюсь сама на себя за своё безволие.

— Чего ждать? Документы у Вас. Ася у Вас. Берите, и уезжайте, пока ещё чего не случилось.

«И оставьте меня в покое», хочется добавить, а у самой колени сводит от судорог, груди ноют и тяжелеют, тянут вниз. Допрыгалась ты, Загитова, «плывёшь» от мужика. Хуже того — от чужого мужика.

Не должна я чувствовать к этому человеку ничего подобного, не имею право! Но тело против воли тянется к нему, уши жадно ловят низкий, урчащий баритон, от которого на загривке волоски вибрируют, и я не замечаю, как мои ладони сами оказываются в его руках.

— Что, по-твоему, может случиться? Или ты что-то знаешь?

Он гладит мои пальцы, слегка массирует их, а я как под гипнозом тянусь к его телу, хочу дотронуться. Да, вот так... Боже, какой он твёрдый, гладкий, горячий... Согреться об него, успокоить тремор...

— Нет, но мало ли...

Уже не понимаю, что говорю, лишь бы говорить, лишь бы не отпускать его, удерживать при себе. Знаю, что пропадаю, лечу в пропасть, но отметаю все доводы рассудка. Не сейчас, потом каяться буду, сейчас его хочу. Вот так рядом стоять, обнимать, пить мощь и красоту его тела, дышать запахом, который так не похож на остальные, который так нужен мне сейчас, так необходим.

Глаза ласкают его широкую, накаченную грудь, где в поросли тёмных волос спрятались мужские соски, похожие на две плоские шоколадные печенюшки, с изюминками в центре. А если лизнуть? Вдруг, сладкие? Господи, о чём я только думаю! В ужасе отвожу взгляд. Как хорошо, что никто не слышит моих мыслей!

Грудь тянет, промежность тянет, меня всю тянет, как на дыбе, пульсирует. Это кричит во мне потребность в этом мужчине, которую мне не суждено утолить никогда. Но почему?

Имя Нисар внезапно всплывает в этом дурмане, и я вспоминаю, «почему». Этот мужчина принадлежит не мне, он принадлежит Нисар. Как ты могла, сестра? Не понимаю и никогда не пойму женщину, которая всё имела и сама разрушила. Выпустила из рук, отказалась, променяла... Какая же ты дура, Нисар! Ни себе, ни людям...

Затылок почему-то становится невероятно тяжёлым. Голова запрокидывается, и мои глаза встречаются с глазами Тураева. Они безумны, они пожирают меня, мне больно от этого взгляда. С трудом сглатываю, и опускаю веки — я не могу видеть эти угольные очи, они выжигают дыру в моём мозгу, в моём сердце. Если посмотрю в них ещё немного, там останется один пепел.

Сухие губы горят. Я облизываю их раз, другой, третий. И вдруг горло опалает пламенем, будто мне в глотку раскаленный мёд вливают. Вскрикиваю, и начинаю биться, как пойманная птица, и вдруг понимаю, что зажата в крепких тисках.

— Заир!

— Тшшш... Поздно, маленькая, поздно.

Его губы настойчиво ищут мои, а найдя, стремительно накрывают их, беря в плен

окончательно и бесповоротно. Меня целует сама Ночь, присваивая, помечая, разделяя мой мир на «до» и «после»...

Глава 28. Заир

— За... .. Заир!

— Мм...

— Заир, стучат!

— Пусть, — снова ищу её губы, и, почти, ловлю их, но Линара упирается мне в грудь. Зачем, глупышка, нам ведь так хорошо?

— Заир Самирович! Это, наверное, горничная.

— Кто? Чёрт!

Буквально заставляю себя оторваться от девчонки. Зажмуриваюсь, стараюсь восстановить дыхание, а руки продолжают и продолжают гладить её плечи. Наконец, легонько отталкиваю её.

— Открой. И занеси потом мне одежду в душ, — говорю хрипло, не узнавая собственного голоса, и тороплюсь скрыться в ванной комнате, где тут уже со стоном сгибаюсь пополам. Вот тебе урок, Тураев: никогда не начинай того, чего не можешь закончить. Пиздец, яйца сейчас отвалятся, но не мастурбировать же мне здесь сейчас? Врубаю холодную воду и, скрипя зубами, охлаждаю член прямо над раковиной: прости, дружище. В другой раз.

Выдыхаю, наконец, и слышу, как в дверь скребутся. Открываю, хмыкаю: оставила пакет с вещами на пороге, а сама сбежала. Трусиха. Ладно, беги пока. Далеко всё равно не убежишь. Хватаю целлофан, требушу его. Срываю с тряпок этикетки и одеваюсь, рассматривая себя в зеркало. Улыбаюсь, как идиот: такого подъёма я давно не испытывал. Горы сверну, наверное. Вот, только яйца немного отпустит, и сверну.

От избытка эмоций вдруг подпрыгиваю, хватаюсь за балку под потолком и подтягиваюсь пару раз, буквально брызгая энергией во все стороны. Эхх!! Как пацан, право, которому понравившаяся девочка, наконец, дала грудь пощупать.

И тут меня как обухом по голове: а ты ничего не забыл, дружище?

Ослабляю пальцы, спрыгиваю. И снова сгибаюсь пополам, уже от другой боли. Не-ет, меня не просто с небес на землю спустили, а сдёрнули за член, и об асфальт харей приложили. И повозили ещё ею, для пущего наущения.

Марина. Ты, грёбанный Дон Жуан, забыл про Марину!

Да, я ничего ей не обещал, но ведь не потому, что не хотел. Я не святой, однако конченным подлецом становиться тоже желания нет, а Марина... Марина моя женщина. Я сам перед собой её так назвал. И что, за пять минут влажных фантазий, всё позабыл?

Я должен уважать свою женщину. Я уважаю её. А раз так...

Молча смотрю на свой кисляк в зеркале, жую губу. В душе борьба не на жизнь, а на смерть. Чёрт! Марина многое мне дала, но, главное, она любит меня, любит Аську, я знаю это. А что русалка? Мираж. Наговор. Дурман. Прошла, и нету.

Яростно тру лицо, рычу в ладони.

Ты же взрослый мужик, Тураев. Ну, подумай головой. Дурман выветрится, мираж растает, что останется? Лужа останется, тухлая и зловонная. И сожаления. Я знаю, я уже проходил через это, хватит. Стабильность, верность, дружба, понимание — вот, что я ценю сейчас. Так держись за это, Тураев. Зубами держись, не просри.

Стучусь лбом об зеркало, тихо стону, выкручиваю себя наизнанку, ломаю, борюсь. С

желанием обладать, с жадной держать её тело в своих руках, пить её, дышать ею, смотреть, трогать, ласкать.

Да, ладно, Тураев. В конце концов, ты ведь просто трахнуть её хочешь, и всё. Признай уже это.

Хочу. Ой, как хочу. Но только ли? Мне безумно интересно, что там спрятано за этим настороженным взглядом. Какое сердце стучит под этими острыми ключицами: белое или чёрное? Что случилось с ней в прошлом, что заставило её глаза так недоверчиво смотреть на мир?

О-о, Тураев, куда тебя понесло-то! Нет, нет, даже не думай лезть в это болото. Ну, кто такая Линара? Кто она перед Мариной? Сестра твоей бывшей жены, а значит, из той же гнилой породы неуравновешенных стерв.

А насчёт её прошлого, так ты его знаешь — вон, у Зотова, целые тома из выписок по делам несовершеннолетних. Да и настоящее Линары, согласишься, убого. Санитарка, пфф! У неё даже образования нет! Как ты представишь её своим родным, друзьям? Отцу? Мы с Линарой ходим парой, мы с Линарой санитары, так что ли?

Подумай об Асе, подумай о будущем.

— Да, думаю я, блядь, думаю!

В сердцах врезаю кулак в стенку и взываю от боли. Да что ж такое?!

Несколько минут умываюсь ледяной водой, приходя в себя, и к единственно правильному решению. Вот именно, надо сделать всё правильно, по-взрослому. Член в узел завязать, если нужно, но поступить, как зрелый мужчина.

Открываю дверь в мрачной решимости обрубить все концы, пока не стало слишком поздно, и, слава Всевышнему: на меня обрушивается целый сонм положительной энергии, которая даст мне силы сделать это:

— Папа!!

Доча. Наконец то! Радость моя, светик мой. Вот, кто выведет меня из тёмного лабиринта неопределённости и сомнений. Моя единственная и неповторимая, моя любимая девочка. Все остальные будут только вторыми. Всегда.

Подхватываю Аську, подбрасываю вверх, любуюсь на подпрыгивающие кудряшки.

— Привет, Кнопка! Ух, да ты выросла как!

Слушал бы и слушал её заливистый смех. Смотрел и смотрел бы в эти карие глазки. Устраиваю её маленькую попку на сгибе локтя и наслаждаюсь объятиями тёплых ручек. Трёмся носами, не переставая улыбаться друг другу. Как я соскучился! Как только пережил эти недели без моей Кнопки? Не представляю.

— Ты приехал с командировки?

— Приехал.

— Мы теперь домой поедem, да?

— Скоро, доча, скоро поедem.

— Линара, это мой папа!

— Да, малыш, мы уже познакомились.

Линара скромно стоит в сторонке, тоже улыбается. Стараюсь не смотреть на неё, всё внимание на дочку.

— Ты хорошо себя вела?

— Очень, очень хорошо, папочка, да, Линара?

— Да, милая.

— Мы плавали в море, строили песочный замок с дядь Женей... Ой, а где дядь Женя?

— Он позже придёт. Наверное, — Линара вопросительно смотрит на меня, а я хмурюсь: «дядь Женя», блядь. Никаких больше «дядь Жень», теперь я за него!

— А еще, пап, я сегодня играла в гольфы.

— Гольфы?

— Потому, что их два.

— Понятно.

— Ну, всё. Пусти меня. Тётъ Лин, я чай хочу!

Аська сползает с меня ужом, и бежит на кухню. Линара мнётся, теребя волосы, пытается поймать мой взгляд, а я старательно не поддаюсь. Прости, девочка, это была ошибка. Да, именно так я ей скажу. Потом, чуть позже.

— У нас чай обычно после «тихого часа», — говорит она неуверенно, поняв, что ответной улыбки от меня не будет. — Присоединитесь?

— Конечно.

И я малодушно сбегаю за Аськой на кухню.

Глава 29. Линара

Я сошла с ума. Просто обезумела. Как я допустила такое?! Божебожебоже... Хватаюсь за щёки: они у меня красные, как помидоры. Нет, я не наивная девочка, у меня были отношения, но они... как бы это сказать? В общем, я знала, что всё держу под контролем. Я не млела от одного только взгляда, не дрожала от... даже не от прикосновения, а лишь от ожидания оно, не льнула к мужчине, как заговорённая. А тут...

Это не любовь, конечно же, нет. Я даже мысли такой не допускаю. Это чистая физиология, какое-то звериное притяжение, супротив всем правилам здравого смысла и моральной устойчивости. Низменное, примитивное. На уровне взбесившихся сперматозоидов и яйцеклеток, которые почуяв друг друга, стремятся, во что бы то ни стало, соединиться. Вот нас и понесло с Заиром. Да, я поняла, что и он почувствовал то же самое, возможно даже раньше меня. Но нам нельзя. Точка. Он муж моей сестры. Восклицательный знак. Поэтому, Линара...

— Я закончила, госпожа.

Ой! Подпрыгиваю вместе с чайником от неожиданности. Господи, совсем забыла про горничную! Спыхватываюсь, сую девушке щедрые чаевые и, поблагодарив, провожаю до двери.

Этот сумасшедший поцелуй совсем выбил меня из колеи, ещё больше запутал и без того сложную ситуацию. Как мне теперь вести себя с Заиром? И вообще, что дальше? А ничего. Линара. Никаких «дальше» не будет.

— И ты прекрасно знаешь, почему, — опускаю себя на землю, расставляя чашки на подносе, пока Аська с отцом о чем-то шумно беседуют, устроившись за маленьким столиком.

На улице сыро и мы пьём чай в гостинной, хотя обычно делаем это в саду, а после идём гулять по набережной до самого ужина в каком-нибудь ресторане. Но сегодня, скорее всего, нам придется весь вечер просидеть дома.

Не представляю, как теперь быть. Собирается ли Заир забрать Аську, или сам планирует остаться здесь? А мне куда деваться? Может, пора уже паковать чемодан?

Исподтишка посматриваю на Тураева, но тот полностью занят дочерью, будто бы меня и нет вовсе. Аська, по своему обыкновению, не замолкает, пересказывая события прошедшей недели: кто, с кем и как. Заир слушает, улыбаясь до ушей, рассматривает фотографии на планшете. Налицо счастливый папаша, и я, на самом деле, рада за него. Только вот места себе не нахожу, мучаясь вопросами. Я так взвинчена, что Ашкина болтовня начинает действовать мне на нервы, и пульсация в висках гонит меня прочь из комнаты. Незаметно оставляю их одних.

Смахнув тонкий палантин со спинки кресла, укутываюсь в него и выхожу на задний дворик. Вздрагиваю от пронизывающей сырости. Что ни говори, но даже здесь, на средиземноморье, уже чувствуется осень. Сезон закрывается, и я скоро вернусь в ноябрьскую Москву, уже наверняка заснеженную и морозную. Не хочется думать об этом.

Вздыхаю, оглядываю промокший сад. Шторм изрядно потрепал деревья и кустарники. С рваных пальмовых листьев до сих пор каплют капли, хотя дождь давно прекратился. Завороженно смотрю на облака, которые торопливо несутся прочь. Передо мной будто раздвигается гигантский занавес, и открывается невероятная картина: необъятный купол

розово-сине-сиреневого неба, пронзённый последними лучами уходящего солнца. А на фоне этих небесных декораций, от которых просто дух захватывает, словно прима-балерина, выплывает первая вечерняя звезда, поражая всех нас своей недостижимостью и совершенством. Я замираю в трепетном благоговении, потому, что это невероятно, потрясающе красиво. Так и хочется воскликнуть «Браво!», и разразиться бурными овациями. На память приходят строки:

Я скромный зритель в театре Бытия, рукоплескающий таланту Твоему, Создатель.
Не перестану восхищаться этим никогда, пока живу, пока могу дышать я...

— Что ты там шепчешь?

Прикрываю глаза, считаю про себя до пяти, и только потом оборачиваюсь. Опираясь поднятыми руками о притолоку, Заир стоит в проёме двери и сверлит меня взглядом. И давно он тут стоит?

— Ничего, так просто, — я тушуюсь. — А ты... то есть, Вы... мм...

Тураев будто не замечает моего замешательства. Отталкивается от косяка и шагает на крыльцо, а я невольно залипаю на том, как играют мышцы под тканью его футболки. Заиру бы следовало заказать одежду на размер больше, уж слишком она ему тесная...

— Зотов звонил. Он сейчас придёт. Расскажешь ему про флешку.

— Ладно, — киваю, кутаюсь в шаль, и набираюсь смелости:

— Заир...

— Иди в дом, — прерывает он меня. — И надень что-нибудь посущественнее, прохладно уже.

Его пальцы тянутся к моему палантину, но он тут же отдёргивает их, и снова отводит взгляд.

Всё ясно. Он не хочет говорить о том, что случилось. Что ж. Может, это и правильно — делать вид, что ничего не произошло. Но почему-то мне становится невыносимо горько.

Ругая себя, возвращаюсь в комнату.

К приходу Зотова переодеваюсь в джинсы и рубашку с длинным рукавом. Устраиваюсь на диване, делаю вид, что роюсь в телефоне. Заир с Аськой возятся на полу, хихикая и дурачась. Украдкой наблюдаю за ними, поражаясь их тёплым отношениям. Насколько это не похоже на поведение Нисар с дочерью — отстранённое, почти равнодушное.

Я вдруг холодею от мысли, что Нисар не солгала, и отец ребёнка может быть Мансуров. Для Заира это было бы ударом. Но, с другой стороны, если он так любит Аську, то какая разница, чья она дочь?

Наконец, приходит Зотов. Они уединяются с Тураевым на патио и о чём-то долго беседуют, пока я с Аськой смотрю мультики. Потом Аркадий подзывает меня, и я пересказываю ему историю с флешкой со всеми подробностями. Он внимательно слушает, задаёт нужные вопросы, а мне тревога покоя не даёт. И я решаюсь.

— Аркадий. Мне нужно поговорить с Вами. Наедине.

— Давайте тогда прогуляемся.

Идём вглубь сада. Уже стемнело, фонарики едва справляются, пытаюсь осветить дорожку перед нами. Стало ещё более прохладно, и я жалею, что не накинула что-то потеплее. Зотов вышагивает рядом, вынужденный жаться ко мне на узкой тропинке. Подхожу к одинокой лавочке, но садиться не решаюсь — мокро. Просто прислоняюсь к высокой спинке, готовя себя к непростому признанию.

— Слушаю Вас, — подталкивает меня Зотов.

— Хочу спросить: что дальше?

— Вижу, Вам не терпится вернуться домой?

— Меня беспокоит неопределённость. Заир... Самирович ничего не объясняет.

— Понимаю. Ну, с отъездом Вам придется подождать.

— Почему?

— Мы тут предприняли кое-что, думаю, скоро появятся результаты.

— Вы хотите сказать, что Заир с Асей не вернутся пока в Москву?

— Пока нет.

— Аркадий, мне кажется, это ошибка. Асю нужно увезти в Россию как можно скорее.

Зотов присматривается ко мне, хотя, что он там пытается увидеть в тусклом свете фонаря, не понятно.

— Поясните свою мысль, Линара.

— Что ж. Я не хотела в это влезать, но, похоже, другого выхода нет. Однако скажу сразу: я не знаю, что здесь правда, а что выдумки Нисар. Вам придётся выяснять это самому.

И я выкладываю Зотову всё: про Нисар и Мансурова, про его претензии на отцовство Аси, про желание сестры сделать тест именно в Турции, и что Юсуф Челик каким-то образом присутствует в этом деле. Даже свои догадки и предположения о том, что Асе попытаются сделать турецкое гражданство, и Роксана не останется в стороне, я тоже высказываю.

— Это очень существенная информация. Спасибо, Линара, — благодарит меня Зотов, но у меня складывается впечатление, что для него мои «новости» вовсе не новости. Меня это почему-то злит, и я начинаю нападать:

— Я не для «спасибо» Вам об этом говорю, а для того, чтобы Вы поняли всю степень опасности для девочки.

— Я понимаю. И приму меры, можете быть уверены.

— Что ж. Я Вас предупредила. Мне остаётся только положиться на Ваш профессионализм. Надеюсь, я не пожалею об этом.

Зотов ухмыляется, рвёт листик с куста и трёт между пальцев, после чего с удовольствием вдыхает его запах.

— Мне лестно, что вы так доверяете моему профессионализму.

— Не передёргивайте, Аркадий, — ещё больше раздражаюсь от иронии Зотова. — Я только что сказала, что у меня нет выхода. Будь моя воля, я бы Аську в охалку — и в Москву. Дома, как говорится, и стены помогают.

— Вы так привязались к девочке?

— Это нормально. Разве нет?

Тоже срываю листочек с веточки и повторяю действия Аркадия: лист пахнет цитрусом, приятно и свежо.

— Можно задать личный вопрос? — прерывает молчание Зотов.

— Попробуйте.

— Почему Вы позволяли Нисар так поступать с Вами? Чем она Вас брала?

Я подбираюсь вся и в свою очередь всматриваюсь в лицо Аркадия. Жаль, что темнота не позволяет мне разглядеть его как следует.

— Если Вы спрашиваете об этом, — говорю осторожно, — значит, вы знаете больше, чем остальные.

— Да. Я так же знаю, что одно из обвинений против Вас было выдвинуто в то время, когда Вы лежали в стационаре с опухшими гландами и физически не могли совершить правонарушение. Вы не делали ничего, в чём Вас обвиняли. Это делала Нисар, не так ли?

Тут я горько усмехаюсь.

— Нельзя сказать, что я совсем уж ничего не делала. Но то, что не по собственной воле, тут Вы правы.

Отворачиваюсь, тру плечи. Зотов снимает с себя лёгкую ветровку и накидывает на меня. Но я так погружена в свои собственные переживания, что не сразу замечаю этого. Зато потом благодарно улыбаюсь ему.

— Нисар... Вы можете смело назвать её моим Злым Гением, и не ошибётесь. Хитрая. Изобретательная. Изворотливая, как ртуть. Умеющая незаметно бить по самому больному исподтишка. Я быстро попала под её кабалу. Чем она меня страшила? Приведу только один пример: однажды она пригрозила выкатить на всеобщее обозрение один постыдный секрет моей подруги, если я не сделаю, что она требует. Я сделала. Но компрометирующие фотографии всё равно были выложены в соцсеть, причём с моего профиля. Подруга попыталась покончить с собой, а я стала изгоем в классе. Больше у меня друзей не было.

— И Вы не пытались оправдываться?

— Как же! Пыталась, и ни раз. Но лишь больше затягивала себя в трясины. Мне не верили. А главное: дядя Шамиль всегда был на стороне Нисар. А он считался мощной силой в нашем «маленьком королевстве».

— Почему же в этот раз Вы снова пошли у неё на поводу?

— Из-за Аси, разумеется. Я поверила в то, что девочке угрожает опасность, собственно, верю до сих пор, только вот откуда она исходит, не знаю. Я подумала: если буду рядом, смогу что-то сделать, как-то защитить её. Хотя, если честно, понятия не имею, как.

— Теперь мне многое понятно. Спасибо, что поделились.

— Ну, что Вы, — я с досадой выкидываю измочаленный листик. — Вы уже столько обо мне знаете, что это сущие пустяки.

— Не надо иронизировать, Линара.

— Ну, хоть это мне оставьте, Аркадий.

Он тихо смеётся в ответ на мои выпады.

— Договорились.

А я плотнее кутаюсь в куртку Зотова, немного успокаиваясь под его уютный смех.

— Вы расскажите Заиру?

— О претензиях Мансурова? Думаю, ему не нужно этого знать. Пока, во всяком случае. И Вы молчите, ладно?

Согласно киваю.

— А как мне... нам дальше быть, ну... с Асей? Наверное, Заир захочет забрать её к себе? Или, может, мне снять другой номер?

— Зачем?

Зотов откровенно удивляется. А я удивляюсь его удивлению: Господи, до чего мужчины бывают бестолковыми! Глобальные задачи они решают на раз-два, а вот подумать о том, кто где сегодня спать будет, у них мозгов не хватает. Пытаюсь разжевать для Аркадия тему:

— Смотрите: наверняка Заир теперь не захочет разлучаться с дочерью. Как же нам дальше с ним... эмм... — я помогаю себе жестами, — сосуществовать? В бытовом плане, я имею в виду.

Кажется, дошло, потому, что этот могучий гигант мысли явно смущается. Да ладно!

— Ну, кхе... Мы это решим, — обещает Аркадий. Я же недовольна, так как вопрос для меня остаётся открытым.

Когда мы возвращаемся, хмурый Тураев встречает нас на крыльце, и с подозрением оглядывает с ног до головы, как если бы суровый папаша поджидал нерадивую дочку с позднего свидания, чтоб закатить ей скандал, а заодно пристукнуть её кавалера.

И, чёрт побери, под его взглядом мне действительно становится немного стыдно. Торопливо сбросив с плеч куртку Зотова, я стараюсь по быстренькому проскользнуть мимо и присоединиться к Аське, которой в четырёх стенах явно тесно, и она устраивает всё новые и новые забавы, из-за чего гостиная уже похожа на будуар куклы Барби.

Вижу, ребёнок переутомился, поэтому переключаю её на более спокойный режим. Мы немного прибираемся и садимся с ней складывать пазлы, пока Зотов с Тураевым шепчутся в сторонке. Похоже, спорят. Аркадий на чём-то настаивает, Заир упрямо топорщит нижнюю губу и бычится на друга. Вся его поза, со слегка склонённой вперёд головой, упёртыми в бока кулаками и широко расставленными ногами, говорит о том, что Зотову спор не выиграть.

Право же, будет очень смешно, если выяснится, что они сейчас спорят о ночлежке. Но когда Зотов засобирался восвояси, так ничего и не растолковав, мне становится не до смеха: а как же мой вопрос?

— Аркадий! Я провожу Вас, — вскакиваю из-за стола, но рука Заира, вцепившаяся в моё предплечье, останавливает меня налету.

— Аркадий обойдётся без сопровождения, — заявляет он безапелляционно. — А если тебя интересует, где я буду спать, говорю прямо: здесь. С вами. Постелю себе в гостиной. Так понятно?

— Но...

Хлопаю глазами на торопливо закрывающуюся за Зотовым дверь, успев уловить напоследок его виноватый взгляд.

— Постель мне сейчас принесут. И вещи тоже. А пока закажи ужин, я проголодался.

— Ужин? — я окончательно впадаю в ступор. — Сюда?

— Почему нет? Ася, будешь шоколадные колечки?

— Да!!

— Никакого шоколада на ночь! — тут же взрываюсь я, позабыв обо всём остальном. — Она и так слишком активна, — возмущенно шиплю на Заира, в слабой попытке оправдаться за то, что влезаю в воспитание чужого ребёнка. — Я еле переломила эту тенденцию, а Вы мне всё портите!

— О, как, — Тураев с видом оголодавшего людоеда потирает себе живот, глядя на меня из-под полуопущенных век. — Ладно, тогда сама выбирай.

Он не возражает, надо же!

— Ася, — заявляю я твёрдо, — Салат, омлет и творог.

— Ну, тётъ Лин...

— А колечки завтра после сиесты.

— Ладно. Только творог с бананом и орехами!

— С бананом без орехов. Заир?

— Мне мясо. Я не обедал.

— Бифштекс с рисом, сладким перцем и помидорами пойдёт?

— Двойной.

— Что ж. Это ваш желудок.

Иду к телефону, делаю заказ, добавляя от себя ещё пару лёгких блюд, и понимаю вдруг, что меня только что очень технично обвели вокруг пальца.

А в это время у Заира звонит сотовый, но он, почему то, сбрасывает вызов.

Глава 30. Заир/Линара

Заир.

Человек не рождается смельчаком. Он приходит в этот мир голым и беспомощным, и страх помогает ему выжить. Взрослея, человек старается победить свой страх, взять под контроль, работая над этим всю оставшуюся жизнь, однако, не переставая испытывать его. Иногда страх всё же берёт над нами верх. Вот, как сейчас. Я испугался сказать ей: «Прости, это была ошибка». Сказав такое, назад дороги не будет. А я не хочу. Не могу. Не готов. Завтра.

Одна ночь рядом с ней. А потом всё.

Я дал слово Зотову.

Поэтому сижу сейчас здесь, на полу, под дверью их спальни. Она тоже не спит, я знаю. Слышу, как ворочается, как вздыхает. Прости, что заварил эту кашу. Прости, что не сдержался. Но нет на свете силы, что удержала бы меня от того поцелуя. Я должен был, я не мог иначе. Это как сделать вдох после длительного пребывания под водой. Я сейчас, кажется, начинаю понимать тебя, твой фетиш с нырянием. Получить этот первый вдох — это как получить шанс жить дальше. Что может быть ценнее? Что может быть желаннее и правильнее?

Сегодня, глядя на тебя там, на крыльце, когда ты смотрела в вечернее небо, кутаясь в серо-розовую шаль, я хотел остановить время. Вот бы было так всегда, думал я. Ты, я, Аська, дом, небо над головой. И снова ты.

Почему мы тогда разминулись? Почему я не разглядел тебя в тот день, у Шамиля? Ведь ты была так близко. У меня бы не было Нисар, у тебя бы не было Мансурова. Меньше ошибок. Меньше горечи и боли. Сожалений.

А теперь поздно. Марина трезвонила весь вечер. Отписался ей, кое-как успокоил. Завтра. Всё завтра. Сейчас я здесь, с тобой. Со своими глупыми мечтами о недостижимом. И даже так мне хорошо, потому, что вы обе рядом — ты и Аська. Пусть за дверью, пусть только на несколько часов, но и за это я готов благодарить судьбу.

У меня только эта ночь. Хочу продлить её, как можно дольше.

А, пока, спой мне, Линара. Спой, как ты пела Аське, укладывая её спать. Как там?

Волна на берег накатилась,

За тучкой Солнышко укрылось,

На землю тишина спустилась, спи, баюшки-баю...

Линара.

Ещё одна такая ночь, и меня к неврологу можно записывать. Слава Богу, уже утро. Встаю. Поправляю на Аське одеяло, накидываю халат, беру плед, и осторожно выхожу из спальни.

Я знала, что Заир всю ночь просидел перед нашей дверью — слышала его. Много раз порывалась встать и прогнать. Или обнять, прижать к себе, и никогда не отпустить. Но никак не могла решиться ни на то, ни на другое, поэтому продолжала лежать и слушать, как он вздыхает, ворочается, что-то тихо бормочет про себя. Сама тоже глаз не сомкнула, естественно.

Опускаюсь перед ним на колени, осторожно укрываю пледом широкие плечи, которыми

он подпирает стену. Как можно спать в такой позе? Ведь наверняка всё тело болеть будет.

При неверном утреннем свете позволяю себе, наконец, разглядеть его красивое, мужественное лицо, хмурое даже во сне. Хочется дотронуться до этих густых бровей, расправить пальцами глубокую складку между ними, стереть тень усталости под глазами. Собственно, я так и делаю, только не касаясь его: кончиками пальцев, по воздуху, обрисовываю скулы, губы, подбородок, с уже отросшей за ночь щетиной. Зря он остался: измучил меня, измучился сам. Чего добился? Не понимаю. Себя понимаю, а его нет. Быть может, если бы мы поговорили...

Ладно. Пусть поспит еще немного.

Встаю. На цыпочках прокрадываюсь на кухню, варю себе крепкий кофе — без кофе мне сейчас никак, и иду на патио.

Туман укутывает сад. Над бассейном клубиться пар, но восходящее солнце скоро разгонит его. После вчерашнего шторма в воде полно мусора и опавших листьев. Снова вспоминаю, что уже ноябрь. Становится одновременно и грустно, и светло на душе.

Я сниму с себя ночь, и надену прозрачный рассвет,
Расплету тишину, и вплету в свои косы прохладу,
Я умоюсь росой, спелых яблок вдыхая букет,
Распахну настежь дверь, и впущу в свою душу отраду.
Я обуюсь в траву, и накину на плечи туман,
Обмотаюсь шарфом из меланжа зари с перламутром,
Улыбнусь синеве, и бредущим по ней облакам,
И шагну за порог в это дивное, дивное утро.

— Линара!

— Ащщц... — шиплю от досады, проливая на себя горячий кофе.

Вот уж никак не ожидала услышать здесь этот голос! Отряхиваю рукой халат, но пятно уже расплзается по белоснежной махровой ткани. Оборачиваюсь.

Строевым шагом, стуча по мощеной дорожке высоченными каблуками, ко мне приближается женщина, которую я многие годы, с переменным успехом, то ненавидела, то жалела. В паре метре от неё замечаю крупного мужчину, такого волосатого, что он напоминает мне гориллу. На нём строгий чёрный костюм, который едва не трещит по швам на его массивных плечах. Тяжёлая артиллерия, подумала я, вставая со своего хлюпенького стульчика.

— Роксана Давидовна? Какими судьбами?

— Здравствуй, Линара. Я приехала за Асей.

Так вот, значит, кого ждал Зотов! Я ему тут соловьём разливаюсь о своих подозрениях, а он, получается, уже всё знал! Конспиратор хренов.

— А где Нисар? Вообще-то мы с ней договаривались...

— Она не смогла приехать, поэтому я тут. Ася ещё спит?

— Разумеется. Раньше восьми она не просыпается.

— Разбуди. Нет, я сама. А ты собери пока её вещи.

Немного теряюсь от такого напора, но быстро прихожу в себя:

— Тётя Роксана!

Я загораживаю ей путь, и мы едва не бьёмся грудями. Я бы даже посмеялась над ситуацией, если бы горилла не встал у меня за спиной — намёк более чем прозрачный. Я с

опаской кошусь на волосатого дядьку и, тем не менее, не уступаю.

— Не хотите объяснить сначала, что происходит? Кто этот человек? Куда Вы хотите увести Асю? Зачем? И что случилось с Нисар?

Роксана теряет терпение:

— С какой стати я должна тебе что-то объяснять, девочка? Как Нисар вообще додумалась доверить тебе дочь? Уйди с дороги!

Ну, уж нет. Хотите титьками померяться, Роксана Давидовна? Что ж, давайте, попробуйте!

Я выпрямляю спину и задираю подбородок.

— При всём уважении, Роксана Давидовна, но Асю я с Вами никуда не отпущу, — говорю тоном королевы, отчитывающей генерала. Такого от меня Роксана, конечно же, не ожидала. Да, годы почти рабского подчинения прошли. А Вы как хотели?

Тётка краснеет лицом, и её безупречный макияж плывёт, выдавая истинный возраст и усталость, которую она прятала до сих пор под маской высокомерия и самоуверенности. Мне становится, почти что, жаль её. Как в детстве, когда я случайно наталкивалась на Роксану в каком-нибудь укромном уголке с сигаретой в зубах, задумчиво глядящую куда-то вдаль, поникшую и ссутулившуюся, совсем не похожую на ту «Железную леди», какой она обычно представлялась перед всеми нами.

Однако сейчас Роксана решительно приказывает сопровождающему её мужчине:

— Чего стоишь? Действуй!

Горилла лишь кладёт мне на плечо ладонь, а я оседаю под её тяжестью, будто мне на хребет корзину с камнями водрузили.

— Убери от неё руки!

От этого угрожающего рыка, по-моему, даже рябь по воде пошла. Амбал от неожиданности отпускает меня. Что, испугался? И правильно. Такого Заира любой испугается — вон как глаза горят, того и гляди, спалит кого-нибудь.

— Еще раз протянешь к ней свои клешни, без пальцев останешься, — говорит он на чистейшем турецком. И горилла, с интуицией хорошо вымуштрованного слуги, мгновенно признаёт в Тураеве превосходящую силу хозяина, и отступает на шаг. Даже слегка кланяется в знак уважения.

А Заир подходит ко мне, взбешённый, но собранный, как хищник перед решающим прыжком.

— Ты в порядке?

Он касается моего плеча, словно в желании стереть след той, другой руки.

— В порядке, не волнуйся.

Заир смотрит мне в глаза, чтобы увериться, что я говорю правду, и лишь после этого кидает мрачный взгляд на притихшую тещу.

— Здравствуйте, Роксана Давидовна. А мы вас ждали. Линара, приготовь нам кофе. У нас с Роксаной Давидовной будет долгий разговор.

Тураев двигает кресло для Роксаны, молчаливо приглашая, или, скорее, приказывая ей сесть. А я, затянув потуже пояс халата, плетусь на кухню, как послушная девочка, позволяя себе лишь недовольно пробурчать под нос:

— Кофе им. Я что, бариста, что ли?

Глава 31. Заир/Линара

Заир.

— Итак, Роксана Давидовна, игра окончена.

Роксана, с видом проигравшей, но не сломленной суки, швыряет сумочку на столик и усаживается в кресло, перекинув ногу на ногу.

— А я смотрю, ты не теряешь время даром, Заир.

— Зато Вы его потеряли. И это стало для Вас фатальным.

Роксана молча покусывает ярко накрашенные губы, но смотрит прямо, глаз не опускает. Сильная женщина. Но я сильнее. И приступаю без обвиняков:

— Вы понимаете, что я могу выдвинуть против Вас обвинение в неправомерных действиях?

— Против меня лично ты ничего не можешь выдвинуть.

— Конечно, всю грязную работу за Вас сделали другие, но план... План разработали Вы. Однако зубы я вам вырвал — документы у меня.

— Не понимаю, о чём ты.

Весь её вид говорит о том, что она лжёт.

— Что ж. Могу и озвучить, мне не трудно. С помощью этих документов, Вы хотели засадить меня за решётку и забрать Асю себе, навсегда лишив меня возможности быть для неё отцом.

— Ну, в тюрьму бы ты, положим, не сел, всего лишь немного подмочил репутацию. А что касается Аси — ты собирался сделать с Нисар то же самое — отобрать у неё дочь!

— Я дал ей выбор: наркотики или Ася. Нисар выбрала наркотики.

Роксана достаёт сигарету и закуривает, пытаясь потянуть время.

— Юсуф заставил бы её лечиться. Он решил бы эту проблему.

— Конечно, решил. Он бы запер Нисар в психушку. Ведь у вас уже даже место в лечебнице зарезервировано для неё, не так ли?

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. Так же знаю, что Вы уже хлопчите об официальной опеке над моей дочерью здесь, в Турции.

Роксана поднимается и вышагивает по патио, окутывая свою сухощавую фигуру сигаретным дымом. Наверняка раздумывает, как вести себя со мной в свете изменившихся обстоятельств. Я же расслабленно откидываюсь на спинку стула, скрестив руки на груди, и жду, что она скажет дальше.

Наконец, Роксана поворачивается ко мне. Взгляд её смягчается.

— А что мне оставалось делать, Заир? — разводит она руками, и от резкого движения пепел падает на её дорогое платье, но, похоже, Роксане плевать на это. — Муж умер, дочь я уже, считай, потеряла. Ася единственное, что у меня осталось, но ты решил отобрать и её.

Она тычет в меня пальцем с зажатой в ней сигаретой. Я потираю подбородок, спокойно отвергая её обвинения:

— Никто вам не запрещал и не запрещает общаться с внучкой.

— Ц-ц-ц... Вы, мужчины, как маленькие, в самом деле, — качает головой Роксана. — Всё-то вам надо разжевать и в рот положить, — она картинно вздыхает. — Это твоя шлюха Марина спит и видит, когда ты кольцо ей на палец наденешь. Дело за малым — получить

штамп в паспорте о разводе. Ты женишься, вернёшься к своей привычной жизни, к работе, к постоянным разъездам, а Ася будет на попечении Марины. И мне придётся каждый раз выпрашивать разрешение пообщаться с моей внучкой не у тебя, заметь, а у твоей новой жены, и в её власти будет позволять или не позволять мне это. А когда у вас родятся другие дети, Асю и вовсе заметут под ковёр.

Её слова задевают меня, и я начинаю огрызаться:

— Дети, конечно же, будут — я рассчитываю на это. Но что касается Аси — тут вы неправы. Я никому не позволю обидеть её.

— Ты плохо знаешь женщин, Заир. Не в сексуальном плане — тут ты дока. Но женщины, ко всему прочему, ещё и матери. А иногда мачехи. Вот тут вы, мужчины, разницу и не видите. Да, сейчас Марина воркует вокруг Аси, но завтра, когда станет хозяйкой в твоём доме, она начнёт раздавать ей пощёчины, а ты об этом даже не узнаешь, помяни моё слово.

— Что Вы несёте? — я злюсь ещё больше, а Роксана наоборот, словно уверенности набирается с нашего спора.

— Жизнь несё, Заир, жизнь. Чем больше ты будешь любить Асю, тем больше будут её пощёчины. Няни, детсад, школа, потом, конечно же, элитная школа-интернат за границей, подальше от глаз. Вот сценарий, который уготовлен твоей дочери Мариной. И всё это под эгидой «заботы» о девочке. Но ты забудешь об Асе даже ещё раньше, это случится, когда тебе в руки вручат новорожденного сына.

Нет, эта женщина кого хочешь, выведет из себя, и я ударяю в ответ запрещённым приёмом:

— Вы считаете, что лучше меня воспитаю мою дочь? Но посмотрите на свою!

По лицу Роксана пробегает тень, на скулах выступают красные пятна. Она молчит какое-то время.

— Твои слова справедливы, — наконец выдаёт она. — Однако потерю осознаёшь только, когда потеряешь. Поэтому-то я имею право говорить то, что говорю сейчас. Да, я упустила Нисар. Моя ошибка, и моя боль. Но я уже прошла свой путь, и вынесла из него горький опыт. А тебе только предстоит это сделать, если не послушаешь меня. Беда в том, что этот урок будет болезненным не только, и не столько для тебя, сколько для твоей дочери. А я не хочу ей такой участи.

Не найдя пепельницы, Роксана тушит сигарету о каменную вазу с цветами и туда же бросает бычок.

— Я ещё относительно молода, Заир. Я смогу воспитать Асю должным образом, с учётом тех ошибок, что совершила с Нисар. Но, главное, я смогу дать ей заботу и любовь родного человека, единого с ней по крови. То, что ей никогда не даст чужая женщина. А ты строй себе новую семью с кем хочешь, хоть с Мариной. Я даже благословлю вас. Подумай над этим. Это лучший выход для всех.

Я смеюсь в голос:

— Поражаюсь Вам, Роксана Давидовна. Вы уже проиграли, но продолжаете гнуть своё.

— На том стоим, — тёща с вызовом улыбается мне.

Надо признать, она удивительно быстро пришла в себя после шока, и уже вполне освоилась в новых реалиях: то ли не верит в возмездие с моей стороны, то ли чувствует за спиной крепкую поддержку. Кстати, а где наш волосатый друг?

Пока я размышляю над этим, Линара возвращается с подносом, уставленным посудой, уже переодетая, и свежая, как цветок тигровой лилии. Не могу отвести глаз от её

порозовевшего лица и гибкой фигуры, склонённой над столом.

Роксана тянется за чашкой с ароматным кофе и делает жадный глоток.

— Мм... Мечтала об этом последние несколько часов, — удовлетворённо вздыхает она, и тут поворачивается к племяннице:

— Линара, девочка, а теперь объясни мне, какого чёрта ты делаешь в Анталии, когда должна быть в Алании? Юсуф с ног сбился, разыскивая вас.

Линара.

Я чуть кофейник из рук не выронила.

— О чём Вы говорите, тётя?

Роксана берёт с тарелочки один из бутербродов, которые я сделала, и вонзает в него зубы.

— Простите мне мой зверский аппетит, но я всю ночь в дороге.

— Тётя! — не выдерживаю я, и усаживаюсь напротив. Заир тоже с интересом ждёт продолжение.

Завладев, таким образом, нашим вниманием, Роксана отставляет чашку с кофе:

— Нисар мне позвонила в тот день, когда не смогла улететь — твои люди, Заир, едва не перехватили её в аэропорту. Она предупредила, что Асю привезёт Линара, а сама она прилетит в Аланию на день-два позже.

— В Аланию? — я сначала впадаю в ступор, а потом меня пробирает ужас. — Нет-нет, я хорошо помню, речь шла об Анталии.

— У кого-то со слухом, похоже, проблемы. Алания, детка, А-ла-ни-я! Юсуф к тому времени уже забронировал для вас номер в «Мираже». Он не знал точно, когда вы с Асей прилетите, поэтому ждал в отеле. Однако вы не появились ни в тот день, ни на следующий. Ко всему прочему и Нисар пропала, как сквозь землю провалилась.

Этого быть не может. Мой рот то открывается, то закрывается, как у гуппи. Наконец, я выдаю:

— Вы что же, хотите сказать, что я... перепутала города?

На меня уставились две пары глаз: тёткины требовательные, и Заира насмешливые. Но обоих объединяло одно — любопытство. А я начинаю чувствовать себя полной идиоткой. Нет! Я решительно против такой роли.

— Так. Погодите, — я лихорадочно вспоминаю события недавнего прошлого, усердно морща лоб. — Нисар велела мне взять билеты непосредственно перед вылетом и поселиться в отеле «Мираж». Вот! Отель! Отель-то я не перепутала? Отель «Мираж», всё правильно, — радуюсь я, но мой энтузиазм быстро гаснет:

— Правда, брони, почему-то, тут не оказалось.

— Потому, что это не тот «Мираж», — хмыкает Заир.

До него первого доходит, и он едва может удержаться от язвительной улыбки, которую я, конечно же, замечаю, и зло шурюсь на него.

— Хочешь сказать, в Алании тоже есть отель «Мираж»?

— Есть. «Mirage Apart Hotel». А это «Mirage park Resort», — Заир кидает в рот печеньку и многозначительно качает головой. — Чуток промахнулась. Но, надо заметить — в лучшую сторону. «Mirage park Resort» самый шикарный отель на побережье. И самый дорогой.

Он еще насмехается! А я молча обтекаю, оглушённая неоспоримыми доказательствами своей тупости.

Роксана вдруг дотягивается до меня через столик и стучает по лбу костяшкой пальца, как делала это в детстве за любую провинность.

— Глупая девчонка, ты мне все карты спутала!

— Ай!

Я подпрыгиваю на стуле и тру ушибленное место. Ладно. Заслужила, чего уж там.

— Ну, хорошо. А куда делась Нисар? Почему она ни разу не позвонила? Если бы она искала нас в Алании, она бы мне уже телефон сорвала. Но ведь это не так!

Роксана пожимает плечами, и вся как-то сдувается, будто воздушный шарик.

— Не знаю. Нам она тоже не звонила. Мы всё обыскали, и в Москве и в Алании. Я эти дни чуть с ума не сошла, но тут люди Юсуфа наткнулись на какой-то ролик в интернете, на котором узнали тебя и Асю. Из комментариев стало понятно, где вас искать. Я тут же прыгнула на самолёт и прилетела сюда. Думала, Нисар тоже здесь, с тобой, но сразу стало понятно, что это не так.

У тётки на глазах слёзы вдруг наворачиваются, и, она совсем по-детски хлюпает носом, вытирая его тыльной стороной ладони. Да. Нашу Железную леди здорово подкосило. Да и года уже дают о себе знать. Тянусь к её руке, беру в свою.

— Ну, отсутствие новостей, в данном случае, тоже хорошая новость, — успокаиваю я тётю. — Если бы с ней что-то случилось, мы бы уже знали, так ведь?

— Линара права, — поддерживает меня Заир. — Нисар не первый раз вот так внезапно исчезает, а потом объявляется, как ни в чем не бывало. Уж Вам ли не знать.

— Надеюсь, что так, — отвечает Роксана и смотрит куда-то поверх моего плеча. На лице её неожиданно появляется тёплая улыбка — редкое явление, и я тоже оглядываюсь. Со стороны аллеи к нам неторопливо идёт полный мужчина. На полшага от него, вперевалочку, топают наш «горилла» с небольшим кожаным тоутом через плечо.

— Это Юсуф.

Роксана встаёт со своего стула и торопится ему навстречу. Мы с Заиром тоже поднимаемся, приветствуя гостя.

— Доброе утро, господа, — низким басом говорит Юсуф по-русски. Говорит правильно, но медленно, и с сильным акцентом. — Прости, Роксана, я так и не дождался тебя в машине, и решил сам прийти. Вижу, наша маленькая авантюра не сработала. Что ж. Может, оно и к лучшему. Роксана, представь меня присутствующим, пожалуйста.

— Господин Челик, мой дальний родственник.

— Настолько дальний, что даже не берусь назвать степень нашего родства. Будем считать, что я кузен Роксаны. А Вы, полагаю, господин Тураев?

— Рад знакомству, — мужчины пожимают руки, предварительно оценивающе осмотрев друг друга. — Однако лучше бы оно состоялось при других обстоятельствах.

— Я тоже так думаю, но уж как есть, — сдержанно соглашается Юсуф.

— А это Линара, дочь Эльшада, — тётя поворачивает господина Челика ко мне. — Я тебе о ней рассказывала.

Юсуф окидывает меня неожиданно острым взглядом темных глаз. А ведь он не так уж и стар, думаю я. Только седина, и эта манерная степенность восточного мужчины, добавляет ему лишние годы.

— А, племянница? — улыбается он. — Очень рад. А где моя внучка? Столько слышал о ней, не терпится познакомиться.

— Ох, ей уже пора просыпаться, — спохватываюсь я. — Простите, пойду будить её.

— Я с тобой! — Роксана упреждающе смотрит на Заира. Тот немного помедлив, величаво кивает, в знак позволения, — султан, да и только, — после чего мы с тётёй спешим в коттедж.

Роксана на ходу расспрашивает меня про Асю, я с энтузиазмом ей отвечаю — ну прямо две подружки, ни дать, ни взять. И это после того, как мы, каких-то полчаса назад едва не порвали друг друга в клочья.

Странная ситуация, прямо скажем. А ведь еще не вечер.

Глава 32. Заир/Линара

Заир.

— Пока женщины занимаются своими делами, у нас есть время поговорить. Присядем?

Юсуф грузно опускается на стул и делает знак своему помощнику. Тот быстренько освобождает столик от остатков кофе, распахивает сумку и извлекает из неё термос, две походные чашечки в серебряных подстаканниках, и разливает по ним душистый чай с крепким ароматом имбиря.

— Никуда не выезжаю из дома без этого напитка. Очень тонизирует. Попробуй.

— Благодарю, с удовольствием.

Пробую чай, чувствую сложный букет из трав. Вкусно. Приятно. Немного жгуче, и действительно бодрит. Жду, когда Юсуф начнёт разговор, а сам посматриваю в сад: Игорь, небось, уже доложил Зотову, и тот только ждёт отмашки. Но я думаю, что сам разберусь с Роксаной и Юсуфом, тем более что всё проходит на удивление гладко и пока без особых эксцессов.

— Это дело с самого начала было провальным, — говорит мой гость, после непродолжительной паузы. — Но я не мог отказать Роксане. Кровь не водица, сам знаешь. Когда у тебя появляются дети, ты любишь их всем сердцем. Когда появляются внуки, ты сходишь по ним с ума. Я знаю, у меня их двенадцать. А вот у Роксаны всего одна внучка.

— Это не оправдывает её. Пусть не рассчитывает, что я спущу ей с рук это дело.

— Нет, конечно. Но помни, здесь замешана любовь. Пусть даже это любовь бабушки к внучке. А в любви, как... как... — Юсуф взмахивает рукой. — Прости, забыл, как это по-русски.

— как и на войне, все средства хороши.

— Вот-вот. Понять Роксану можно. Ты ведь собираешься заводить новую семью, однако женщину, которую ты выбрал, Роксана не одобряет. Я так понял, она хорошо знает её, так что вполне возможно, в ней говорит не просто ревность или каприз.

Я лишь поджимаю губы — не нравится мне всё это. Да. Когда наша связь с Мариной вышла наружу, мы столкнулись с целой лавиной упрёков, не столько со стороны Нисар, сколько со стороны её матери. И всё же Марина с достоинством перенесла эту волну неприязни в свой адрес. Терпеливо сносила все нападки и козни, что устраивала ей Роксана, находя утешение и силу в моих объятиях. Я поддерживал её так же, как она поддерживала меня. И я очень ценю это.

Если я решу жениться на Марине, мнение Роксаны я спрашивать не буду, однозначно.

— Роксана переживает, что та женщина будет плохо обращаться с её внучкой, — продолжает Юсуф, неторопливо отпивая глоток и отставляя чашечку. Он всё делает неторопливо, степенно, с достоинством. Мудрый человек. Но это не даёт ему права рассуждать о том, что его не касается. И я отвечаю довольно грубо:

— Я сам разберусь со своей женщиной, господин Челик.

— Конечно, сынок, конечно. Хорошо, когда ты так уверен в себе, — толстяк складывает на животе руки и щурится на выглянувшее из-за деревьев солнышко. — Но так ли ты уверен в своей женщине? Как, кстати, узнать, что это именно твоя женщина, та самая? А я скажу тебе, как: смотри ей в глаза. Долго смотри, и ответ придёт. Женщина изменчива и непостоянна по натуре своей: утром она вода, в обед вино, вечером уксус или мёд — это уж

как повезёт. Но есть в ней то, что неизменно: её глаза. Они не лгут. Не зря их называют зеркалом души. Смотрел ли ты достаточно долго в глаза Нисар, когда делал её своей женой? Нет? — Юсуф сочувственно качает головой. — А той, другой, что вот уже несколько минут топчет траву у куста барбариса и не решается подойти к нам? — Он указывает куда-то в сторону своими толстыми пальцами.

Я не сразу понимаю, о чём он говорит, но когда до меня доходит смысл сказанного, резко оборачиваюсь:

— Марина? Что ты тут делаешь?

Марина с виноватым видом выходит из своего укрытия. Я встаю, Юсуф тоже.

— Прости меня, Заир. Не хотела тебя беспокоить, но ты не пришёл вчера и на звонки не отвечаешь. А я переживала...

— Представь меня, Заир.

— Господин Челик. Марина, моя... близкая подруга.

— Очень приятно.

— Что эта женщина здесь делает?

Мы оборачиваемся на сердитый окрик и приближающуюся к нам троицу: Роксана решительно выступает вперёд, Линара с Аськой немного отстают от неё. А я, затаив дыхание, залипаю на улыбке Линары, которая вдруг каменеет, словно из неё уходит жизнь. Она знает. Знает, кто такая Марина. О, чёрт!

— Роксана, прояви уважение, — Юсуф дружелюбно подмигивает нам с Мариной. — Эта женщина, возможно, будущая мачеха твоей внучки.

Марина вспыхивает, Роксана бледнеет, а я, пропуская мимо ушей провокацию Юсуфа, смотрю только на Линару, глаза которой сначала окатывают меня кипятком, но постепенно холодеют, холодеют, становясь далёкими и недосыгаемыми, как звёзды. Почти физически чувствую, как она отдаляется от меня, уходит, захлопывая между нами двери. Я теряю её. Здесь и сейчас мой мир рушится. И не только мой. Прости... Прости, маленькая. Я не хотел, чтоб так...

Линара.

Слишком шумно.

— ...Раз уж все здесь собрались, я предлагаю отправиться в мой дом, и отпраздновать знакомство. Прямо сейчас. Что скажешь, Заир?

Звон в ушах нарастает. Картина передо мной превращается в какой-то несуразный калейдоскоп с массой разноцветных осколков из стекла. Осколки кружатся, перемешиваются между собой и никак не могут сложиться в единый, осмысленный узор...

— ...Линара! Собери вещи, мы едем в гости к твоему дяде...

Заир пытается поймать мой взгляд, его губы шевелятся, но я не разбираю слов. Отворачиваюсь, улыбаюсь Роксане, что-то отвечаю ей невпопад, иду куда-то. Слишком шумно...

— Здравствуйте, Линара, я Марина...

Мозг фиксирует чьи-то чужие голубые глаза — цепкие, холодные, оценивающие. Они преследуют меня, не отпускают. Дыши, Линара, дыши. И улыбайся, чёрт возьми. Ты должна! Только вот зачем? Не знаю...

— ...Тётя Марина! А ты привезла мне Барби в шубе?..

— ...Я вызвал ещё машину, а то в одной мы все не поместимся...

Мне надо уйти отсюда, здесь слишком тесно, слишком много острых осколков, они режутся, впиваются, дышать больно...

— ... Линара! Линара, ты слышишь меня? Я сказал вещи...

— Слышу.

Вещи. Конечно. Надо собрать вещи. Мои ноги чётко вышагивают по дорожке, хотя я их и не чувствую. Заворачивают направо, поднимаются по ступенькам. Хорошие у меня ноги, на них можно положиться...

— Линара!

— Привет, Жень, — ему я тоже улыбаюсь и прохожу мимо. Почему-то меня не удивляет его присутствие в коттедже. Захожу в спальню, достаю чемодан.

— Что ты делаешь? — Женя стоит в проёме двери, смотрит на меня с подозрением.

— Собираю вещи.

— Зачем?

— Уезжаю. Всё кончено. Всё же кончено? Теперь я могу уехать.

Методично и планомерно я вытаскиваю из шкафа вешалки, снимаю с них одежду и аккуратно складываю в открытый зев чемодана.

— Линара... Подожди, брось это. Иди сюда...

Евгений выхватывает у меня очередную вешалку, берёт за руки, заводит обратно в гостиную и усаживает на диван.

— Вот, присядь здесь, ладно?

— Ты чего, Жень?

Мне становится смешно. Я начинаю хихикать, как ненормальная — ну, правда, у него такое испуганное лицо, что я просто покатываюсь со смеху! А он мягко мнёт в руках мои пальцы — они действительно какие-то холодные, ледяные просто.

— Сиди здесь, никуда не уходи, — говорит Женя. — Я сейчас.

Ну, сижу. Почему бы и не посидеть? Здесь хорошо, тихо. Прислоняюсь затылком к мягкому подголовнику, закрываю глаза, продолжая кружиться в дурацком калейдоскопе. Сейчас бы в море, покачаться на волнах, а потом в глубину. Но чтобы обязательно вынырнуть. Обязательно вынырнуть.

— Вот.

Женя суёт мне в ладонь стакан с какой-то жидкостью. Вокруг распространяется резкий запах спиртного.

— Что это?

— Пей.

Послушно выпиваю до дна. О! Отличный коньяк. Морщусь, чувствую, как тепло разливается по всему телу. Глубоко вдыхаю и выдыхаю. Калейдоскоп, наконец, притормаживает, и все предметы вокруг возвращаются на свои места, приобретая нормальный вид. Но вместе с тем я начинаю ощущать такую тяжесть, будто меня придавливает к земле могильной плитой.

— Сигареты есть? — спрашиваю хриплым голосом, утыкаясь лбом в кулак, и упираясь локтём в коленку.

Евгений мнётся, но, всё же вытаскивает пачку из кармана вместе с зажигалкой, и присаживается передо мной на корточки, пытаюсь заглянуть в опущенное лицо. Я закуриваю, судорожно затягиваюсь. Горький дым проскальзывает в лёгкие, смешивается с острой болью внутри меня, и я выдыхаю эту ядовитую смесь в потолок. Вроде как даже легче становится.

— Ты откуда родом, Жень?

— Из Пскова.

— Ааа...

— Ты как?

Как? Как обухом по голове, вот как. Значит, Марина всё это время была здесь, с ним, а я... Ой, дурааа... Сражаюсь с очередным приступом смеха. Я вполне осознаю, что это истерика, и стараюсь не поддаться ей. Но, чёрт, как же трудно-то...

— Прорвёмся, Жень, — подмигиваю Евгению, на что он только ещё больше хмурится.

Слышу тяжёлые шаги в коридоре. Знаю, что это Заир, поэтому спешу опустить глаза в пол — не хочу смотреть на него.

— Выйди, Смирнов, — отдаёт приказ Тураев. — И проследи, чтобы нас никто не беспокоил минут десять.

Евгений шебуршит, недовольно кряхтит, вставая с корточек, вздыхает, но, в конце концов, оставляет нас одних.

Заир подходит ко мне вплотную. Я молчу. Любуюсь его легкими мокасинами ручной работы. Делаю очередную затяжку. Вдруг сигарету выдёргивают из моих рук. Как есть, тлеющую, Заир сминает её в кулаке, перетирает, словно сухой лист, а затем отшвыривает в сторону. Поднимаю на него пустые глаза, смотрю снизу вверх.

— И к чему эта демонстрация силы и воли, Заир Самирович?

— К тому, что ты не куришь больше.

Его взгляд из-под полуопущенных век давит, как та самая плита. Губы плотно сжаты. Этот человек чужой для меня. Я его не знаю. И знать не хочу.

— Что-нибудь ещё?

— Сейчас идёшь и собираешь вещи Аси, и мы едем к твоему дяде. Машина уже ждёт.

Скрещиваю руки на груди, без интереса рассматриваю его.

— Знаете, а я к вам в прислуги не нанималась.

— Ты не прислуга, ты член семьи. И сейчас семья должна быть вместе.

Хмыкаю.

— Эта та самая семья, которая выгнала меня из дома, навесив позорные ярлыки? А теперь дерётся из-за маленького ребёнка, как кошка с собакой? Нет, не желаю. Пусть остаётся, как было: я не знаю вас, вы не знаете меня. Мы друг другу ничего не должны.

— Ты всё ещё должна Асе. Ты взяла ответственность за неё. И, хочешь ты того, или нет, но ты её тетя.

— У неё теперь Большая-тётя-Марина тётя. И бабушка с дедушкой есть, и папа. Где-то там ещё мама болтается, — я небрежно машу рукой, словно мошку отгоняю. — Так что за Асю я спокойна, за ней есть, кому присмотреть. А мне пора домой.

Встаю и направляюсь в спальню. Но Заир следует за мной, чуть ли не на пятки мне наступая.

— Я тебя не отпускаю! — рычит он мне в затылок.

— А я тебя не спрашиваю, — отвечаю безразлично.

Но Заир протискивается в спальню раньше меня, подлетает к кровати, на которой стоит чемодан, и начинает рыться в нём, расшвыривая вещи по всей комнате. Потом кидается к моей сумке, и проделывает с ней то же самое. Развожу руки в стороны и хлопаю себя по бёдрам.

— Что ты творишь?

— Вот! — Заир сжимает в пальцах красную книжицу. И мои глаза круглеют, когда он прячет её у себя в заднем кармане джинсов.

— Твой паспорт у меня. А теперь собирай вещи, мы едим к Юсуфу.

— Ты!..

После приступа полной апатии, меня вдруг охватывает самая настоящая ярость. Откуда только силы взялись, но я подрываюсь, и набрасываюсь на Заира, словно дикая кошка, пытаюсь дотянуться до его зада. Мы боремся зло, самоотверженно, как самые настоящие звери, стремящиеся разорвать друг друга. Но наш «бой» неравен, а потому короток, всего несколько секунд. Заир ловко выкручивает мне руки, и вдруг крепко прижимает к себе, утыкаясь носом в шею, и судорожно втягивает в себя воздух, будто нюхает. А потом резко отталкивает.

— Не провоцируй меня, Линара, — свистящим шёпотом цедит он сквозь зубы, грозя мне пальцем. — Иначе мы оба об этом пожалеем. Смирнов!

— Да, Заир Самирович?

— Проконтролируй, чтобы через десять минут госпожа Загитова с вещами сидела в машине. А если нет — ты уволен, ясно?

— Да, Заир Самирович.

— Ублюдох... — тяжело дышу, сдувая со лба выбившуюся прядь и оправляя задравшуюся кофточку.

— Ты еще не знаешь, какой, — с волчьим оскалом отвечает мне Тураев. — И не дай Бог тебе узнать.

От его пинка прикроватный пуфик отлетает к противоположной стене, и с грохотом падает на пол, а я в страхе закрываю лицо ладонями.

Заир буквально выбегает из комнаты, шарахнув напоследок дверью. А вместо него в спальню осторожно пробирается Женя.

— Ну, что? — тихо спрашивает он.

— Что «что»? Пипец, что.

Стою посреди комнаты, уперев руки в бока, обзираю окружающий меня бардак. Вот такой бардак теперь и в моей жизни.

— Налей что ли ещё, Жень.

**

— Посмотри на эту толпу, тут только меня не хватает, — ворчу я, глядя, как Аська собрала вокруг себя кучу народа, словно Солнце планеты. Даже Горилла каким-то образом вклинился в этот хоровод.

Евгений лишь мрачно ухмыляется, укладывая наши сумки в багажник.

— Говорю тебе, не спорь с Тураевым. Он и так на пределе.

— Я с ним теперь вообще разговаривать не буду.

— Хорошо бы. Только не думаю, что он тебе позволит это. Ладно, садись.

— А ты едешь?

— Нет, с вами Игорь поедет.

Стою у двери машины, уже собираюсь нырнуть внутрь, но притормаживаю и снова поворачиваюсь к Евгению.

— Слушай, а откуда здесь Марина? Она с вами приехала, что ли?

— Нет, Тураев вызвал её дня три назад, — неохотно отвечает Евгений.

— Зачем?

Женя отводит глаза, а я ехидно хмыкаю.

— Ну, чего мнёшься? Так и скажи: для личного пользования.

— Линара!

— Что «Линара»? Думаешь, я не знаю, кто она Тураеву? Прекрасно знаю. Мне просто интересно, что она здесь делает? Или это какой-то хитрый план Зотова? Видишь ли, если бы вы не скрытничали, а поделились со мной своими соображениями, мне было бы легче ориентироваться, и я не попадала бы впросак, как, например, сегодня, с Роксаной.

Евгений немного смягчается. Достает свои тёмные очки, протирает их краем майки и водружает на нос.

— Марина нам действительно кое в чём помогла. С её подачи мы, если можно так выразиться, столкнули камень с горы. Теперь он катится, набирая обороты, а нам приходится ориентироваться по ходу, подстраиваясь под быстро развивающиеся события.

— Жень? — капризно морщит нос.

— Что?

— Ты меня совсем не успокоил. Лучше бы у вас был план.

Евгений смеётся. Боковым зрением улавливаю, как Заир кидает в нашу сторону быстрый взгляд, одновременно усаживая Марину в шикарный Мерседес. Следом забирается сам, вместе с Аськой. Моё же место в более «скромном» Ауди, с Юсуфом и Роксаной, которые уже подходят к машине.

Ну что ж. Мой отпуск, похоже, продолжается.

Глава 33. Линара

Едем по довольно живописной местности. Юсуф всю дорогу развлекает нас с тётей рассказами о достопримечательностях, о климате и здешней кухне, почитателем которой он является. Говорит о своих детях, внуках, кто чем занимается, и кто где учится. Осторожно расспрашивает меня о моей жизни в Москве. Я отвечаю уклончиво, не вдаваясь в подробности, и мудрый Юсуф тут же переводит разговор на другую тему, видя моё нежелание распространяться о себе.

Роксана в основном помалкивает. Очевидно, что настроение у неё далеко от радужного, и в этом я с ней солидарна. Она оскорблена поведением зятя, который осмелился так открыто демонстрировать свои новые отношения, что даже потащил свою любовницу на семейное собрание, но присутствие кузена сдерживает её от желания высказаться по этому поводу. Однако я уверена: тётя своё наверстаёт, когда мы останемся наедине.

Интересно, что бы она сказала, если бы узнала, что и я не без греха? Что целовалась и обнималась с её зятем, и даже получала от этого удовольствие? А, правда, зачем Заир делал это, когда под боком у него была Марина? Он ни во что не ставит женщин? Или это какой-то хитрый ход в отношении меня? Ну, нет, не может же он быть настолько мерзавцем. Или может? Да что я, собственно, знаю о Заире?

И снова уверяю себя, что ничего не хочу о нём знать. История с Асей вот-вот разрешится. Скоро я отправлюсь обратно в своё одиночное плавание, и моя жизнь вернётся на круги своя. Как и до него.

Забыть. Хочу забыть всё, как страшный сон.

Виляем по горной дороге, затем спускаемся снова к морю. Курортная зона осталась позади, а здесь, в небольшом городке, малоллюдно и тихо. Медленно плуаем по кривым улочкам с белёными домами, вдоль стен которых стоят большие глиняные горшки с цветами и туями; делаем круг по вымощенной булыжником площади и останавливаемся у огромных деревянных ворот, таких старых, что они потемнели от времени до черноты.

Охранник Юсуфа выпрыгивает из авто, распахивает перед нами тяжёлые створки, прилагая немалые усилия для этого, и наша процессия торжественно wpłyвает внутрь.

Сказать, что я поражена, это ничего не сказать. Это даже не дом, а целая крепость, с многочисленными пристройками, верандами, галереями, с потаёнными уголками и крохотными балкончиками. Этому сооружению, наверное, лет двести, а то и все триста. По нему можно изучать историю.

Мы выходим из машин и всей толпой проходим через арку во внутренний дворик, затенённый нависшими над ним галереями.

— Это старинная часть дома, — объясняет дядя Юсуф. — Родовое гнездо, так сказать. Дальше будет более привычная для вас обстановка с садом, бассейном и прочее.

И действительно: пройдя двор насквозь, мы выходим из сумрачной тени веков на широкую, светлую площадку, окружённую вполне современным двухэтажным строением. Нам навстречу с лестницы спускается пара: совсем молоденькая девушка и парень постарше.

— А вот и мои дети — то есть двое из шести. Остальные, как я уже говорил, живут отдельно и приезжают сюда только по праздникам. Познакомьтесь: Мирай, моя младшая, и Тахир. Он только недавно закончил университет. Сейчас помогает мне с бизнесом.

Девочка, лет пятнадцати, красивая, как нимфа, однако одетая и причёсанная по всем

правилам современной молодёжной моды, приветливо улыбается нам и тепло здоровается с Роксаной, чему я немало удивлена.

Парень ведёт себя сдержаннее, но видно, что он тоже рад гостям. Наши глаза встречаются, и его улыбка становится шире. Хмм... Я торопливо отвожу взгляд и тут же утыкаюсь в черные омуты, которые следят за мной, как коршуны.

Заир окатывает меня немым осуждением, или предупреждением, — не знаю, не берусь судить, потому что моё внимание привлекает его рука, лежащая на пояснице сияющей, как новенький пятак, Марины. Принародное повышение статуса до «почти мачехи» явно добавило ей уверенности. И теперь она улыбается всем, даже Роксане. Против воли, во мне поднимается протест. Я прищуриваюсь и возвращаю Заиру убийственный взгляд.

Но долго в гляделки нам играть не дали, поскольку началась процедура знакомства сразу на двух языках. Возникла небольшая толчея, а потом и вовсе разразился полный хаос, когда во двор влетела стайка галдящих, как воронята, детишек, возрастом, примерно, от трех до шести:

— *Büyükbaba, büyükbaba burada!* (*Деда, деда приехал!)

— *Oo-o!! Allah sizi kutsasın, canlarım!* (*Благослови вас Аллах, хорошие мои!)

Две девочки и два мальчика облепливают Юсуфа как головастики, виснут на нём, хватаются за него своими маленькими ручонками, а дед улыбается им, довольный до безобразия.

— А это мои младшие внуки, кто еще в школу не ходит. Сейчас гостят у меня. Остальные учатся, или совсем крошки. *Ben de size başka bir torunu getirdim — bu Asya'dır. Merhaba deyin.* (*А я привёл к вам еще одну внучку — это Асия. Поздоровайтесь)

Детишки заверещали ещё громче, окружив немного растерявшуюся Аську со всех сторон, и тут же увели её в свои детские хоромы, под неусыпным вниманием дородной турчанки, судя по всему, няни.

— Не волнуйтесь, за ней присмотрят, пока вы устраиваетесь, — успокаивает нас Юсуф.

Я и не переживаю за Аську — уверена, она быстро освоится, и даже не слишком хорошее знание языка не мешает ей общаться с новыми братьями и сёстрами.

Юсуф тем временем распоряжается:

— Мирай, дочка, покажи женщинам их комнаты, а Тахир устроит мужчин, — говорит Юсуф по-турецки, а потом переходит на русский: — Встретимся через полчаса, в столовой. Вам объяснят, где это.

Задней мыслью отмечаю, что Марину не стали селить вместе с Заиром, видимо, придерживаясь восточного этикета «мужская половина — женская половина», и что «до свадьбы ни-ни!»

Можно было предположить, что ей неловко будет оставаться в нашем с тётей обществе, но Марина вышла из положения, прибившись к Мирай, а мы с Роксаной, поотстав, следуем за ними.

Надо отдать должное тётке, которая воздерживается от прямых нападков на Марину. Она просто делает вид, что её не существует. А я, шагая сзади, могу, наконец, оценить вкус Заира.

Что сказать? Аська предельно точно описала её. Правда вместо тривиальных «90-60-90», я бы выразилась так: Вау! — шестьдесят — Ого!

Женщина-мечта. Для мужчин, разумеется. Красивая, холёная, белая, как молоко. Блондинка с голубыми глазами и плавными движениями каравеллы. Я же на её фоне маленький швертбот, лихорадочно мечущийся по волнам в ветреную погоду. То есть, полная

её противоположность. Тогда почему? Зачем?

Не понимаю Заира. Не понимаю тот наш поцелуй, его жгучие взгляды, ночное бдение под дверью. Ведь в какой-то момент я действительно поверила...

Так, хватит об этом думать. Хватит! Не было ничего. Всё это иллюзии. Мираж. Обман. Игра. На кой чёрт только она ему сдалась? Не знаю.

Мне выделили комнату вместе с Асей. Небольшая, уютная спальня, с шикарным видом на море. Пока я раскладываю вещи, ко мне заходит тётя. И началось:

— Нет, ты видела? Как Заир посмел притащить сюда эту женщину?

— Это Юсуф её пригласил.

— Но как она вообще оказалась в Турции?

— Не знаю. Если честно, то вся эта история мне порядком надоела. Я хочу быстрее вернуться в Москву.

Но тётя не замечает моего нежелания углубляться в тему.

— Иди сюда.

Она хватается меня за руки и нетерпеливо усаживает на кровать. Сама садится рядом.

— Расскажи мне всё, как было. Что тебе сказала Нисар? Как Заир выследил вас? Когда...

— Долго рассказывать, — прерываю я её, — а нас ждут к обеду. Скажу только, что Нисар здорово подставила меня, наврав с три короба. Как всегда, впрочем. А Вы? Как Вы могли пойти на такой шаг? Отобратить ребёнка у отца, это надо же подумать!

Выражение лица Роксаны становится жёстким. Она воинственно сверкает на меня глазами.

— А ничего, что отец лишает дочь матери?

Качаю головой: спорить с ней не хочется.

— Я не владею достаточно информацией, чтобы вступать с Вами в полемику, тётя. Все вокруг врут, изворачиваются, в лучшем случае отмалчиваются. Кто прав из вас, кто виноват — я не знаю. Знаю одно: прежде всего, надо думать об интересах Аси. А Нисар... Мать-наркоманка не лучший вариант для неё, согласитесь.

— А мачеха лучше?

— Любой вариант лучше, если он не несёт прямой угрозы ребёнку! — не выдерживаю я, повышая голос.

— В таком случае, почему не отдать Асю мне?

— Да Вы в своём уме?! — всплёскиваю я руками, поражаясь упёртости тётки. — Разве Заир позволит забрать у него дочь?

— Ах, если бы ты так не сглупила...

Нет, это бесполезно.

— Скажите спасибо, что сглупила, тётя, иначе Тураев от вас с Юсуфом мокрого места бы не оставил. А тому есть что терять. Признайтесь, Вы даже не подумали, что подставляете близкого человека, втягивая его в свои склоки, раздувая настоящую кровную вражду. Я уже не говорю, что Вы подвергли Аську опасности, отдав её в руки, не отвечающей за свои поступки Нисар, рядом с которой крутятся самые настоящие бандиты!

Роксана замолкает, опуская глаза — возразить ей нечего. Тогда я подступаю к ней с вопросом, который давно волнует меня:

— Скажите, тётя, что случилось с Нисар? Почему она стала такой?

— Мансуров случился, дочка, — Роксана, видимо думает, что этим объясняется всё.

Она берёт Аськину кофточку, разворачивает и заново сворачивает её, уже по-своему. Делает это машинально, и я понимаю, что мысли её не здесь.

— Этот парень проклятье наше, не иначе. Погубил мою девочку. А поначалу у них с Заиром всё было так хорошо!

Да не было у них «хорошо» никогда, враки всё это. Враки и самообман.

— Почему она не лечилась?

— Ты же знаешь свою сестру. Себе на уме человек. Никогда не признается в своих ошибках. Всё-то она знает лучше, никто ей не указ.

Роксана тяжело вздыхает.

— В последние годы я в Москве жила больше, чем дома, пыталась хоть как-то контролировать её. Куда там!

— Почему вы ничего мне не говорили? Я ведь звонила вам?

— Не хотела, чтобы кто-то знал. Скрывала. Надеялась до последнего, что всё наладится. Не наладилось. Заир, в конце концов, подал на развод и на лишение Нисар родительских прав. Я тогда сильно поскандалила с ней. Кричала, угрожала, уговаривала. А она только смеялась. Говорила, что ничего Заир ей не сделает, что знает, как остановить его.

— Документы?

Роксана кивает.

— Когда-то Шамиль попал в нехорошую историю. Заир вытащил его, но при этом сам замарался. Понятия не имею, как об этом узнала Нисар — не от меня, уж точно, но она решила шантажировать этим Заира.

— Так это была не ваша инициатива?

— Нет. Нисар. Она хотела тем самым заставить Заира забрать иск. Но когда о материалах узнал Мансуров, то вцепился в эту идею, как клещ, решил подзаработать. Сказал, что знает человека, который выложит хорошую сумму за компромат на Тураева, а деньги ему были очень нужны. И не те крохи, что ещё оставались у нас от Шамиля, а действительно большие деньги. Рамиль стал давить на Нисар. А рычаги давления у него имелись.

— Наркотики?

— Да, будь они неладны. Страшно смотреть на то, как из-за них человек теряет себя, но самое страшное, когда это твой ребёнок. Нисар стала неуправляемой. Семья побоку. На дочь ноль внимания. Тогда-то я и решила, что Заир правильно делает, что разводится: он молодой, здоровый мужчина, мечтающий о большой семье, о детях. За это я его не осуждаю. Но когда узнала, что в мачехи моей внучке прочат Марину...

— Вы что-то имеете против неё?

— Конечно, имею!

— Что?

— Ну, хотя бы то, что она была близкой подругой Нисар, когда влезла в постель к её мужу. И при этом ещё какое-то время продолжала прикидываться ею, пока их грязная связь с Заиром не всплыла.

У меня шея заныла от этих слов, лицо невольно скривилось от горького привкуса во рту.

— Это отвратительно, конечно. Но не оригинально. Сколько таких случаев? — я тру шею, наклоняю голову то вправо, то влево, стараясь избавиться от тяжести. — Потом, только ли Марина виновата? А Заир? А сама Нисар, которая далеко не добродетельная жена и мать?

И это я ещё мягко выразилась, пощадив чувства Роксаны.

— Да уж, все хороши, — неожиданно соглашается тётя, резко заканчивая разговор. —

Ну, что? Пойдём обедать? — Она встаёт и расправляет складки на юбке.

Видит Бог, как мне не хочется никуда идти. Улыбаться, вести светскую беседу, делать вид, что всё замечательно, а внутри обливаться слезами, глядя на Заира рядом с Мариной. Но дядю Юсуфа обижать не хочется.

— Да, — я тоже поднимаюсь, мельком смотрю в зеркало, поправляя волосы. А потом, из каких-то бесячих соображений достаю губнушку и ярко крашу губы. — Пошли.

Глава 34. Заир/Линара

Заир.

Странно, как всё обернулось: ещё утром я готовился к драке с Роксаной и могучим Юсуфом Челиком, собираясь размазать их обоих по стенке, а сейчас расслабленно сижу за его столом, наевшись до отвала, и с умилением наблюдаю за тем, как моя, пока ещё тёща, вытирает салфеткой губки маленькой черноглазой Амине — внучке Юсуфа. Аська крутится рядом с какой-то несуразной палкой в руках, треща без остановки на только ей понятном «турецком». Роксана терпеливо поправляет её, добиваясь правильного произношения, одновременно сморкая нос другому внуку Юсуфа — Бураку, мальчику лет пяти-шести.

Хмм... А Роксана сюда вписывается на удивление гармонично, думаю я. И тут замечаю хитрый взгляд Челика. Он подмигивает мне. Ах ты, старый лис, вон куда нацелился! Что ж. Он давно вдовец, дети выросли. И Мирай с Роксаной дружны — когда только успели? Я сдержанно киваю Юсуфу, салютуя чашечкой ароматного чая, которым мы наслаждаемся после сытного обеда. Да, старик, моё благословение ты получил. Но я всё еще зол на тебя за то, что так подставил меня с Мариной.

Впрочем, подумав немного, прихожу к выводу, что это был самый дипломатичный выход из ситуации. Иначе грязного скандала было не избежать. Однако за такой «политес» я дорого заплатил.

Перевожу взгляд на Линару, сидящую по другую сторону стола, и мрачнею. Этот сопляк Тахир прямо прилип к ней. Сейчас он что-то увлечённо рассказывает, а Линара улыбается ему своими красными губами. Эти губы раздражают меня, как красная тряпка быка. Не дают покоя. Весь обед мои глаза то и дело возвращались к ним: как она ими ест, как пьёт, осторожно облизывает их, улыбается. Как капризно кривит и поджимает, когда наши взгляды встречаются. Злишься на меня, русалка? Понимаю. Я тоже злюсь на себя и ругаю последними словами. Казалось бы: отпустил, и дело с концом.

Но в том-то и беда, что конца не будет, Линара. Ты член клана, и пусть сейчас сопротивляешься, но я твёрдо намерен вернуть тебя в семью. Ведь даже когда я разведусь с Нисар, мы всё равно останемся связанными между собой Аської. Дочь уже привыкла к тебе и полюбила: через слово — «тётъ Лин, тётъ Лин». Видит Бог, как я втайне радуюсь этому. И в то же время, прекрасно понимаю, какие муки мне сулит в дальнейшем эта связь. Но жизнь такова, русалка. Нет у нас с тобой будущего и, в то же время, есть. Странно, правда?

Марина, прижавшись плечом ко мне, томно тянет из бокала гранатовый сок. А сама занимается со мной сексом под столом: скинув туфлю, гладит ступнёй мою голую лодыжку, щиплет пальчиками кожу, пытаюсь стянуть с меня домашние шлёпанцы. Я вяло реагирую на её заигрывания, и тогда ладонь Марины, как бы невзначай, ложится на моё бедро, спрятанное под скатертью, и медленно ползёт внутрь. Бесстыжая баба. Чего добивается? Что б я встал из-за стола с парусом в штанах?

Поворачиваюсь к ней:

— Уймись, Марина. Здесь дети, — говорю негромко.

— Может, пойдём, прогуляемся?

— Не сейчас.

— Почему нет?

— Юсуф со мной поговорить хочет.

Марина мягко улыбается, но я вижу под этой улыбкой лёгкий налёт раздражения.

— Вот так всегда. Дела, дела... Даже на отдыхе.

Я не отвечаю. Отворачиваюсь и натываюсь на нефритовые омути. Холод опалает меня на мгновение, а потом прячется под густыми ресницами. А у меня дыхание перехватывает от этого мимолётного, но такого красноречивого, взгляда.

Не ври, русалка, я твоим глазам не верю. Не холодны они, они убить хотят.

Ревнуешь, злишься на меня и презираешь, себя за это люто ненавидя.

Что делать с этим нам, скажи? Не знаешь. Как и я.

Но только вместе нам не быть, увы. И врозь не быть, увы, нам тоже.

Впрочем... Ведь в жизни всякое случится может, согласишься?

Линара.

За стол сели все вместе: мужчины, женщины, дети. Особого порядка, естественно, ожидать не приходилось. И это было замечательно. Ребятишки оживляли обстановку, заставляя и взрослых махнуть рукой на условности. Разговаривали свободно, громко, много смеялись и шутили. Напитки, порой, проливались на скатерть, крошки сыпались на пол, куски, иногда, проносились мимо рта. Но никто не обращал на это внимания: семья наслаждалась едой и обществом друг друга.

В конце трапезы дед Юсуф, сидя во главе стола, ломал ещё горячую лепёшку на маленькие кусочки, макал в мёд и давал каждому внуку, подбегающему к нему, называя того по имени. Те целовали его в щёку, в знак благодарности, и убегали, собираясь вокруг няни, как цыплята вокруг наседки. И Аське тоже достался сладкий кусочек. Племяшка тут же запихнула его в рот и была на седьмом небе от счастья, словно никогда не ела ничего вкуснее.

У меня слёзы на глазах навернулись от щемящего чувства. Вот, что значит настоящая семья в моём понимании. Семья, которой я лишена, и в которую я с радостью бы влилась, будь у меня такая возможность. Но этому, увы, не суждено случиться. Потому, что Заир тоже часть этой семьи. И даже когда разведётся с Нисар и женится на Марине, всё равно останется ею. А я не смогу. Не смогу видеть его рядом с Мариной, с их будущими детьми. Думаю, мне даже придётся уехать из Москвы.

Пока Тахир подкладывает плов в мою тарелку, украдкой смотрю на Заира. Тот внимательно слушает Марину, которая что-то говорит ему, ковыряя вилкой в салате. Заир кивает, отвечает ей.

Они действительно видная пара: он — тёмный аггел, горячий, страстный, темпераментный. Она — холодная красавица, мягкая и спокойная, как снежный сугроб. Контраст, но убийственно красивый контраст. И меня саднит от этого. Стараюсь отвлечься, вслушиваясь в то, что говорит мне Тахир, но ничего не могу поделать: мои глаза снова и снова возвращаются к этим двоим. Ты дура, Линара. Форменная дура. Ну, кто она, и кто ты? Кто ОН, и кто ты? Еще день-другой, и ты вернёшься в свою серую хрущевку, к горшкам и тряпкам, вымоченным в антисептике. Пожила красиво, хлебнула сладкого дурмана, и хватит. Пора возвращаться в настоящее.

Заир.

После обеда все расползлись кто куда: под присмотром Роксаны и няньки детей уводят

на «тихий час», в том числе и Аську. Юсуф, поболтав со мной немного, извинился и тоже отправился совершать свой öğle uykusu (*полуденный сон). Марина попыталась было уломать меня на совместную сиесту, но, не добившись желаемого, скрылась в своей комнате, посетовав, что вымоталась из-за бессонной ночи, и ей необходима передышка.

Видит Бог, мне тоже. Но в дом возвращаться не хочется. Солнце припекает, стоит полный штиль. Почему бы не насладиться хорошей погодой и свежим морским воздухом? Я забредаю в первую попавшуюся беседку, увитую диким виноградом, уже окрасившимся осенними красками, взбиваю подушки и заваливаюсь на уютный диванчик, стоящий в углу.

Я погружаюсь в послеобеденную дрёму, лениво рассуждая о том, что мой новообретённый родственник, Юсуф Челик, самый настоящий счастливец. Хотя, судя по расследованию Зотова, которое он провёл, его жизненный путь не был усыпан цветами. Но этот человек многого добился. Кстати, надо подумать над тем деловым предложением, что он сделал мне. Оно довольно заманчивое. Быть может, таким образом, Юсуф хочет задобрить меня относительно Роксаны? Смягчить ей наказание? Что ж, возможно, возможно...

С этими мыслями я засыпаю.

Линара.

Не знаю, зачем я здесь. Ася во мне не нуждается: Роксана использует каждую минуту, чтобы побыть с внучкой, пока есть возможность. Вот и сейчас, во время «тихого часа», пошла укладывать её сама, а я брожу бесцельно по саду, не желая мешать им. Впрочем, не совсем бесцельно: я получила разрешение Юсуфа осмотреть Старый дом. Говорит, сейчас там никого нет — у работников, кто следит за домом, сегодня выходной.

— Разве что на Ямур наткнёшься, — добавил он. — Она любит иногда на крыше посидеть.

— Ямур? Кошка, что ли?

Юсуф рассмеялся.

— Кошка? Скорее уж дремучая сова.

Он так и ушёл, посмеиваясь над своими словами. А мне осталось лишь пожать в недоумении плечами.

В отличие от Нового дома, расположенного на обширном плато, искусственно расчищенном и выровненном, Старый дом был построен на склоне и походил на гнездо ласточки, прилепленное к скале. Он не являлся монолитом, а был собран из множества прямоугольников и кубов различных размеров и высот, с такими же разномастными крышами: то плоскими, в виде площадок с бордюрами, то покатыми, укрытыми черепицей. Видно, что пристраивались они на протяжении долгих лет, а то и столетий.

Этажей, я так прикинула, где-то от двух до четырёх. Но однозначно сказать было нельзя, поскольку Дом, как бы, карабкался на гору, и именно горой определялся уровень той или иной пристройки. Самая высокая точка располагалась почти на вершине скалы, но разглядеть её снизу было, практически, невозможно.

Я решила начать осмотр снаружи, поэтому не стала заходить во внутренний дворик, а пройдя между разросшимися клумбами сада, свернула за угол, и будто погрузилась в седые века.

Грубо вымощенная дорожка вела меня в неизвестность, петляя между глухой стеной с одной стороны, и высоким каменным забором с другой, за которым скала резко обрывалась

вниз. Я то проваливалась в глубокую тень, то выныривала на яркое солнце, ослепляющее меня. В обшарпанной, выбеленной временем штукатурке, я порой, замечала следы замурованных старых дверей. Один раз даже наткнулась на открытую арку, под которой зловеще чернел туннель, уходящий внутрь дома. Конечно, я не решилась войти в него, а поспешила проскочить мимо.

Иногда стена вдруг вставала на моём пути, и тогда тропинка уходила в сторону, огибала выступ, а потом снова возвращалась. Иногда ступенями поднималась вверх или прыгала вниз, и я за ней. Время от времени надо мной нависали дряхлые балкончики с кованными перильцами, или узкие окошки, закрытые проржавевшими, но красиво перевитыми решётками. И всё это время я слышала гул моря, что беспрерывно билось подо мной.

Странное, угнетающее чувство охватывает меня неожиданно. Я замедляю шаг, и в бессилье прислоняюсь плечом к горячему камню. Послеполуденное солнце словно колдует надо мной, настойчиво шепчет что-то, гладит по нагретой макушке. Надо было надеть шляпу, думаю я, прикрывая веки, в надежде, что дурман рассеется.

Когда же я открываю глаза, моему удивлению нет предела. Я вижу перед собой небольшой выступ в стене, которого минуту назад здесь не было. Или это лучи солнца так упали, что теперь он стал заметен. Я слежу взглядом за выступом и вижу ещё один. И ещё... Ступени! Прямо в стене. И ведут они серпантинном куда-то вверх, теряясь за углом башни. Да это и есть самая настоящая башня!

Конечно же, любопытство побеждает, и я безрассудно следую за ним.

Ступеней оказалось сорок четыре, и на последней я уже едва дышу, пыхтя, как паровоз. Зато, какой подарок меня ждёт на вершине!

— О, Боже... о, Боже... о, Боже... — беспрерывно повторяю я, глядя на невероятную красоту, раскинувшуюся передо мной.

Синь, от густого, почти чёрного ультрамарина до прозрачной бирюзы. Переливающаяся и искрящаяся, смешивающаяся между собой и расплёскивающаяся брызгами ярчайших красок. Я парю над этой синью. Над морем. Над небом. Вместе с безбашенным ветром и горластыми чайками. Я вижу горизонт и даже дальше, много дальше. Я лечу!

Раскинув в стороны руки, я вдруг делаю то, что не делала с детства: я кричу захарит. Долго и пронзительно. И чайки откликаются мне, а ветер подхватывает мой зов и уносит с собой в дальние дали. А когда дыхания больше не хватает, и наша перекличка заканчивается, я смеюсь от необъяснимого счастья и ощущения полной, безграничной свободы.

Заир.

— Заир...

Её гибкая спина маячит впереди меня. Длинная цветастая юбка из какой-то очень тонкой, летящей ткани, колышется, вьётся вокруг стройных ног, которыми она неторопливо ступает по неровной каменной дорожке. Рыжие волосы, собранные в небрежный пучок, блестят на свету так, что глазам больно. Её маленькая ладошка движется по горячей шершавой стене в такт шагам.

Нара совсем близко. Я могу дотронуться до неё. Я ХОЧУ дотронуться до неё. Тяну руку уже чувствую жар от нагретой солнцем кожи, но тут она сворачивает за угол... И меня пронзает страх, что я больше никогда её не увижу.

Я подрываюсь, бегу за ней со всех ног, заворачиваю за тот же угол... Её нет. Пропала. Исчезла! Я лихорадочно кручу головой в поисках знакомой фигуры. И, уже почти придя в

отчаяние, вдруг вижу Нару высоко на стене: она поднимается по лестнице вверх. Как? Где? Каким образом она там оказалась? Не вижу никаких ступеней, их нет! Бред. Это какой-то бред!

Мечусь у подножия башни, колочу по ней кулаками, рычу, кричу, как ненормальный, зову её. Но она не слышит меня. Она уходит!

— Etrafına bak, aptal! (*Оглянись, дурень!) — слышу я старческий голос. Мне некогда задаваться вопросом, откуда этот голос, я просто делаю, что мне велят. Есть! В стене позади меня выступ. И ещё один, и ещё...

Я несусь по ступенькам вверх, задыхаясь, обливаясь потом. Я должен догнать её!

Какая странная лестница: то она вьётся снаружи башни, причём без всяких перил, и приходится жаться к стене, чтобы не навернуться с высоты в пропасть, то она ныряет в прохладный тоннель, по которому приходится двигаться чуть ли не на ощупь. Пролёты расположены хаотично, никакого логического порядка — то влево, то вправо, то снова вправо. Я совсем запутался, знаю одно: я поднимаюсь вверх. Я следую за ней.

Из глубокой тени я неожиданно вырываюсь на ослепительно яркий свет. Глаза режет, сердце бешено стучит в горле, грудь едва не разрывается надвое. В нос ударяет густой запах мандарин, а под ногами целая россыпь этих золотисто-красных, спелых плодов.

Я вижу её. Она парит над синей бездной, купаясь в солнечных лучах. Ветер ласкает её тело, играет с распущенными волосами, треплет подол юбки, приподнимая его, и облизывая гладкие икры и колени. Чёрт! Я, кажется, ревную её к ветру.

— Заир...

Наши глаза встречаются. На лице её счастливая улыбка — я ещё никогда не видел, чтобы она так улыбалась. И я таю от этой улыбки, как снег под солнцем. Нара раскидывает руки в стороны, как крылья, и, приветствуя меня, кричит захарит...

Я вздрагиваю и просыпаюсь. Сердце гулко бьётся о рёбра. В ушах всё ещё звучит её крик, её зов. И у меня нет больше сил противиться ему.

Глава 35. Линара

— Эй!

Меня прямо-таки подбрасывает от неожиданности.

— Neden bağıyorsun? Kimi çağırıyorsun? (*Чего кричишь? Кого зовёшь?)

Я со страхом оборачиваюсь, и глаза мои чуть не вылезают из орбит. В плотной тени скалы, к которой примыкает башня, на высоком топчане, укрытом коврами и разномастными подушками, восседает старуха, такая древняя, будто сама рождена этими камнями. С ног до головы укутана в тёмные одежды, в руках клюка, в глазах суровость.

Я бы приняла её за призрак, если бы из-под обширной юбки, трепыхающейся на ветру, не проглядывали фирменные треники с лампасами, а рядом не валялись стоптанные найки.

Но гораздо больше поражает меня то, что она сидит под настоящим мандариновым деревом, невесть каким образом оказавшимся здесь. Старым, с потрескавшейся корой и скрюченными, полусухими ветками, на которых, тем не менее, ещё висят спелые плоды. Мандариновое дерево на крыше. Чудо, другого слова у меня просто нет.

— Neden sessizsin? Dilini mi yuttun? Sen kimsin? (*Чего молчишь? Язык проглотила? Ты кто?)

— Я-я... Линара.

— Kim? (*Кто?)

— Ben Linara'yım, büyükanne... (*Я Линара, бабушка!)

— Nara? (*Крик, зов) — старуха удовлетворённо качает головой. — Хорошее имя. Сильное. Поэтому так хорошо кричишь захарит?

От порыва ветра на топчан падает три мандарина. Не вставая, старуха подбирает ближайшие два и кладёт в корзину, уже почти полную оранжевых плодов. До третьего она пытается дотянуться клюкой, но неловко отталкивает его, и тот падает с топчана и катится в мою сторону. Я подбираю пахучий плод, подхожу и протягиваю его старухе.

Коричневой, и такой же корявой и сухой, как ветки старого дерева, рукой, она отводит мою ладонь.

— Это тебе. Ешь, — приказывает старуха, и хлопает рядом с собой по лежаку. — Садись и ешь.

Странно, но я слушаюсь беспрекословно. Разуваюсь, присаживаюсь на ворсистый ковёр, устилающий доски, подбираю под себя ноги, так же, как старуха, и начинаю неторопливо чистить мандарин, глядя вдаль. Молчим, пока я высасываю сладкий нектар из волокнистой мякоти. Вкус необычный, не такой, к какому мы привыкли: слаще, душистее, но с крапинкой горчинки, будто морская соль вьелась.

— Вкусно? — спрашивает Ямур, ибо это, должно быть, она и есть.

— Очень.

— Как любовь: сладко-горькая.

М-да. Лучше и не скажешь.

— Ну, так что, Нара? Мужчину своего зовёшь, да?

Я вдруг жутко смущаюсь, опускаю голову.

— Нет, я просто... Нет. Нет никакого мужчины, бабушка.

— Врёшь.

Ветер путает мои волосы, чайки, крича, проносятся над нами. И именно сейчас мне до

жуги хочется поделиться с кем-то своей болью, поплакаться, как маленькой, и получить утешение. Пусть даже от совершенно незнакомой мне старухи, на этой «крыше мира», окружённой синевой.

— Ну... Я не могу, понимаете? Мне нельзя. Он не свободен, и... У него другая.

— Нет других! — резко прерывает меня Ямур, стукнув клюкой по полу и сердито хмуря седые брови. — Ты есть. Нара. У тебя крик громче. Зов сильнее. Огонь жарче. Других нет если сама захочешь. Ты решаешь. А он уже за тобой идёт.

Если бы так! Я вздыхаю:

— Всё очень сложно, бабушка.

Ямур неожиданно теряет весь свой запал оракула, кряхтит и подбирает очередной упавший рядом мандарин.

— Ну, если сложно, тогда надо у звёзд спросить, — говорит так, будто речь идёт о чём-то совершенно обыденном, например, о рецепте пирожков с мандаринами.

— Как это? — недоумеваю я.

— Как, как? Приходи сюда ночью, когда звезды близко. Протянешь руку, коснёшься звезды, она сядет тебе на ладонь, — Ямур показательно бьёт заскорузлым пальцем в свою сморщенную ладошку, — и ты узнаешь свою судьбу. Ночью. Ночью приходи, Нара. Всё для себя и выяснишь.

— Бабушка Ямур!

Неожиданно на крышу, как чёртик из табакерки, выпрыгивает Мирай.

— Я тут, дочка! Чего тебе?

Девочка подходит ближе. Забавная, задорная, в своих безразмерных джинсах и аляповатой майке.

— Ты опять забыла? Медсестра пришла капельницу ставить, а тебя нет, — звонким голоском отчитывает она Ямур. Старуха заволновалась, засуетилась, пытаясь вытащить из-под себя задеревеневшие ноги.

— Ой, Аллах! Закапали совсем старуху. Тыкают, тыкаю в меня свои иголки, я вам что, вышивка, что ли?

Мирай смеётся, привычным движением помогая Ямур справиться с ногами, и, присев на корточки, одевает ей кроссовки, пока та ворчит, но послушно подставляет ступни в тёплых вязаных носках.

Я подхватываю женщину под локоть с другой стороны, и мы с Мирай осторожно поднимаем старушку, ставя её на пол.

— Ох-ох-ох... — она с трудом передвигает ноги. Мы медленно ползём к двери, которую я поначалу не заметила. — Корзину заведи! — спохватывается Ямур.

— Да взяла я, взяла, не волнуйся, — успокаивает её Мирай.

— На кухню отнеси. Пусть вымоют и на стол поставят. Витамины.

— Ладно.

— А я думаю, как она сюда забралась? — говорю, когда девочка толкает покосившуюся створку перед нами.

— А тут лифт есть. Старый, правда, примитивный, но работает. Вот она время от времени, и устраивает вылазки на крышу. Любит Ямур это место, да, бабуля?

— Кто-то же должен мандарины собирать. Вас ведь не дождёшься.

Мирай добродушно посмеивается, не возражает.

Лифт смахивает на плетёную клетку с щербатыми досками вместо пола. Я с опаской

ввожу в него старушку, и вхожу сама. Мирай бодро шарахает ладонью по огромной медной кнопке на болтающейся панели, клетка дёргается и неожиданно плавно ползёт вниз, вдоль каменной стены. Чудеса Старого дома продолжают поражать меня.

Мы проходим галерею над пустым внутренним двориком, в котором, как в колодце, разносится эхо от наших шагов, и заводим Ямур в небольшую комнату, завешанную и застеленную старинными коврами ручной работы. Там мы со всеми предосторожностями передаём старушку в заботливые руки ожидающей нас медсестры и отправляемся восвояси, прихватив с собой корзину.

— Ямур родилась в этом доме, — объясняет Мирай. — Знает все его тайные уголки и закоулки. Мне иногда приходится часы тратить, чтобы найти её. Но её любимое место — крыша с мандаринами.

— Ямур твоя бабушка?

— Нет. Но она была нянькой почти всех, кто родился здесь, начиная с моего деда, и мы считаем её роднёй.

— Нянькой деда? Сколько же ей лет?

— Сто два года. И ещё лет двадцать проживёт, точно. Если, конечно, не навернётся, забираясь в очередной раз на крышу.

Мирай смеётся, а я с грустью размышляю над понятиями Времени и Дома в наших жизнях. Но, проецируя вопрос на себя, только ещё больше впадаю в уныние, поэтому меняю тему:

— А тебе здесь не скучно, Мирай?

— Нет, конечно! Полдня в школе, а вечерами обычно мы ездим в город с друзьями. Там клубы, кафе, ТЦ... в общем, всё, как везде. Школу закончу, в Стамбул уеду. Буду поступать.

— На какую специальность?

— На прикладную математику. Что, удивились?

— Да, — смеюсь я. — Сегодня много удивительного. А бизнес отца? Туристический, кажется?

— О, у нас Тахир по этой части. Он сейчас помогает папе. И даже делает успехи. А Вы?

— Я? — я даже растерялась. — Я не знаю...

Так, за разговорами, мы возвращаемся в Новый дом, где нас уже ждёт Тахир.

— Где вы были?

— У Ямур. Не видишь что ли? — Мирай кивает на корзинку с мандаринами. — Пойду отнесу на кухню. А вы тут развлекайтесь пока.

Девочка убегает, а между нами с Тахиром повисает неловкая пауза.

— Ты меня опередила. Я сам хотел тебе дом показать.

— Да я и побывала-то только на крыше с мандаринами. А на осмотр всего дома и месяца, кажется, не хватит, а нам завтра уезжать. Так что, лучше отложить до следующего раза.

— Ну, что ж. Тогда позволь показать тебе хотя бы конюшню. Она такая же старинная, как и дом.

— У вас есть конюшня?

— Есть. Хочешь посмотреть?

— Конечно, с удовольствием.

Тахир приятный парень, эрудированный. Сразу заметен уровень образования. А я очень чувствительна к этому, потому что сама «недоотягиваю», и понимаю это. Разговор с Мирай

всколыхнул во мне потаённые надежды: я всё еще хочу поступить в ВУЗ, только вот пока не знаю, куда. Да и есть ли у меня шанс?

Конюшня представляет собой длинный сарай — смесь каменной кладки и ссохшегося дерева, скреплённого между собой коваными скобами, да не простыми, а украшенными витиеватыми узорами — настоящее произведение кузнечного искусства.

Я насчитала двенадцать стойл, но все они, кроме одного, оказались пустыми.

— Сейчас здесь всего одна лошадь. Ещё две на соревнованиях — ими один из братьев занимается. А когда-то все стойла были заняты.

— Сколько же лет этому сооружению? — спрашиваю я, с благоговением поглаживая старинные, искусно выделанные уздечки, сбруи, сёдла, висящие сейчас вдоль стен, словно выставочные экспонаты в музее. И, тем не менее, совершенно ясно, что некоторыми пользуются до сих пор.

— Никто точно не знает. Но мой прапрадед уже держал здесь своих «аравов».

Мы идём к дальнему стойлу.

— Познакомься, это Дженна, ей четыре.

С опасливым трепетом подхожу к благородному животному — мне всё-таки немножко боязно, ведь я лошадей так близко впервые вижу. Ониксовый глаз внимательно следит за моим приближением. И вдруг кобыла резко вскидывает голову и фыркает мне прямо в лицо, окатив горячим влажным дыханием. Провалиться мне на месте, но на её хитрой морде в этот момент читается самая настоящая ухмылка.

— Ой! — я подпрыгиваю вместе с чёрной гривой Дженны, и страх мгновенно уступает место изумлению. — Она специально это сделала! Нет, ты видел? — ошарашенно смотрю на Тахира, обтирая со лба лошадиную мокроту. А тот смеётся над нами обеими.

— Ты ей понравилась. Подойди ближе, не бойся. Вот, дай ей яблоко.

Бархатные губы аккуратно смахивают с моей ладони угощение. А у меня по спине мурашки пробегают от тёплого, почти интимного прикосновения. И я просто млею перед ней.

— Дженна, красавица, — говорю по-русски и одновременно глажу рукой по блестящей гнедой шкуре, пока шутница с наслаждением хрустит сочным фруктом.

— Что ты ей сказала?

— Я сказала «красавица», — перевожу на турецкий.

— Ты тоже «красавица», — ладонь Тахира накрывает мою, лежащую на гладкой шее Дженны. Живое тепло снизу, живое тепло сверху. И так уютно и надёжно я вдруг себя почувствовала, что даже растерялась. И смутилась. Господи, мной впервые столь откровенно интересуются. И это так необычно, так... так...

— Линара!

Сердце от неожиданности делает кульбит и пускается вскачь, как одержимое. Меня словно застали за чем-то сокровенным, в момент, когда душа оголена и совсем не готова к вторжению извне. Это доставляет мне почти физическую боль.

Я медленно высвобождаю свою руку из-под ладони Тахира — опять на холод, в этот враждебный, непредсказуемый мир, где я одна сражаюсь за выживание.

Судорожно сглатываю, пытаюсь восстановить дыхание, влезть обратно в свою скорлупу. И только потом оборачиваюсь. Заир. Чёрной глыбой стоит в освещённом солнцем проёме. Грозный. Непримирымый. Требовательный. Меня злость берёт. Да как он смеет! Какое имеет право?!

Спокойно, Линара, спокойно. Не надо устраивать сцен.

— Да, Заир?

— Ася уже проснулась, ищет тебя.

— А Роксана?

— Что «Роксана»? Я сказал: Ася ищет ТЕБЯ.

Тахир вопрошающе смотрит то на меня, то на Заира, не понимая смысла нашей беседы, но явно встревоженный резким тоном. Да, парень. Всё сложно. И объяснений для тебя у меня нет.

Я стараюсь подбодрить его улыбкой, прикидываясь, что всё норм.

— Я пойду, Тахир. Ася проснулась, — говорю ему по-турецки. На что парень, сразу успокоившись, кивает.

— Конечно, «красавица».

Ох, зря он это сказал. Иду к выходу, приближаясь к Заиру. С каждым шагом чувствую его недовольство всё сильнее и сильнее. Да, хоть лопни от него, тиран! Ты мне никто. А я тебе и подавно.

Не поднимая глаз, протискиваюсь мимо, он же взглядом меня не отпускает, держит, словно на крючке. Торопливо иду по дорожке, пытаюсь увеличить расстояние между нами. Но Заир не отстаёт ни на шаг. Дышит мне в затылок.

— Не морочь мальчишке голову.

— Не твоё дело.

— Захочу, моё будет.

— Вот тогда и разговаривать будем.

— Аащщц...

Меня вдруг тараном сносит в сторону, тащат по кустам, не разбирая дороги, не обращая внимания на хлесткие ветки, бьющие по щекам, и, наконец, с силой припечатывают к какому-то неприметному сараю, при этом больно сжимая плечи. Заир нависает надо мной, закрывая от меня солнце, погружая в свою тень. В нос снова ударяет его запах, и самка во мне моментально поднимает голову. Ноздри трепещут, груди рвутся к нему, пульсация приливной волной долбит в промежности. И это за какие-то секунды, Боже правый!.. Чтс он творит со мной!

Смотрим в глаза друг другу. Оба дышим тяжело, натужно. Оба злы и нетерпеливы, оба жаждем крови и друг друга. И оба понимаем, что нельзя. Его сумасшедший чёрный взгляд словно кожу с моей души сдирает, а я отвечаю ему тем же. Мы сейчас равны. И оба это знаем.

— Я сказал: не смей заигрывать с парнем!

— С кем мне заигрывать не тебе решать, — дёргаюсь в его руках. — Иди к Марине, ей команды раздавай, а меня не трогай — не твоё!

Моя спина и затылок снова ударяются о доски. А мне от этой боли только слаще. Хочу его эмоций. Питаюсь ими, как вампир. Ещё хочу. Ещё!

— Не дерзи мне, Нара. Я ведь здесь камня на камне не оставлю, если доведёшь меня.

Мои щёки горят, глаза пылают. Знаю, что с огнём играю, и всё же не могу остановиться. Огонь во мне самой бушует так ярко, что спалить способен всё вокруг и нас обоих.

— Скажи честно, Заир, чего ты хочешь? Чего добиваешься? — набрасываюсь я на него, шипя в лицо. — У тебя же есть, кого трахать! От меня-то что тебе нужно, а?! Ну? Чего молчишь?

Молчит он долго. А потом подушечкой большого пальца вдруг с нажимом касается моих губ, и, сминая, мазком проходится по ним по всей длине. А после смотрит на палец. Я тоже смотрю. На нём остатки моей красной губной помады. Я совсем забыла, что у меня губы накрашены. В недоумении поднимаю взгляд. И что?

А Тураев, не спуская с меня глаз, высовывает язык и медленно облизывает свой палец снизу доверху, съедая краску. Губа его дёргается, обнажая крепкие зубы, ноздри раздуваются. Зверь смотрит на меня из чёрной черноты.

— Я хочу, чтобы ты больше не красила губы, — наклоняясь, тихо рокочет он мне в самое ухо, а я едва не бьюсь в конвульсиях оргазма, готового накрыть меня от той дрожи, что вливается сейчас в меня с его голосом, его запахом, его ничем не прикрытым желанием, что камнем упирается мне в живот. А я непроизвольно трусь об него, мои бёдра сами толкаются навстречу. Ещё немного, и я сама запрыгну на Заира.

Пугаюсь своей реакции на этого человека-зверя, потому, что с ним я становлюсь такой же дикой и необузданной. Чего мне ожидать от себя такой? Я не знаю. И мне страшно.

— Ты сумасшедший...

Со всей силы отталкиваю Заира от себя и убегаю. И ещё долго слышу за спиной его грудной, низкий смех, летящий вслед за мной.

Глава 36. Заир

Мы с Мариной лежим в тени на шезлонгах. Я лениво потягиваю сок через соломинку. Марина, в откровенном красном купальнике, уже минут двадцать щёлкает камерой, делая сэлфи с разных ракурсов, и тут же выставляя их в инстаграм.

— Меня не снимай, — предупреждаю я.

— Ну, почему?

— Я сказал!

— Ладно, я только себя.

— Что за мания? Не девочка уже, — ворчу недовольно, на что Марина спокойно отвечает:

— «Мы в ответе за тех, кого приручили». Слышал такое? А мои подписчики каждый день ждут чего-то новенького от меня. А потом, скоро открытие на Пушкинской. Реклама не помешает.

Фыркаю.

— Пушкин и бутик женского белья как-то не вяжется.

— Ты просто Пушкина плохо знал. Тот еще был затейник, — парирует Марина, и я не могу не улыбнуться ей на это.

Я разговариваю с Мариной, шучу, ворчу, но мой взгляд, спрятанный за тёмными очками, неотступно следует за Линарой — Янтарной девочкой с прозрачными зелёными глазами. Она всё в том же своём бирюзовом купальнике, который так идёт к её загару и рыжим волосам, сейчас высоко собранным на макушке в небрежный узел. Эта причёска напоминает мне кактус, с торчащими во все стороны иголками. Но её чертовски красит эта небрежность, этот шарм, придающий налёт невинности и незащитности. Но Линара ни то, и ни другое. Я это уже понял и принял. И даже рад тому, что она может за себя постоять, несмотря на свою внешнюю хрупкость.

Мне нравится с ней спорить, раздражать, злить, дразнить. И приручать. И наблюдать, как она заводится, как возбуждается от моей близости, как глаза её начинают гореть неистовым зелёным пламенем, похожим цветом в тот момент на лёд Байкала. Девочка-огонь. Девочка-русалка. Многогранная и уникальная, непредсказуемая и несгибаемая. Красивая...

Разве такие бывают в реальности, а, Тураев? Может, всё это мираж? Обман?

Так не попробуешь — не поймёшь, — убеждаю сам себя.

А попробовав, отпустишь? — вопрошаю тут же снова.

Да кто ж его знает? Жизнь покажет.

В последнее время диалоги Меня со Мной уже стали нормой. С одной стороны — разумный, ответственный, думающий о будущем «Я», с другой — такой, какой есть. И второй, похоже, берёт верх над первым.

Линара легко и грациозно выходит из бассейна, сверкая бриллиантовыми каплями на смуглой коже. Неторопливо подходит к Тахиру, который угодливо протягивает ей полотенце. Они о чём-то переговариваются. Линара смеётся, прикасаясь мягкой тканью к груди, к шее, к животу, к бёдрам... Идёт дальше. Тахир смотрит вслед на её голую спину, опускает глаза ниже, на подвижную попку, где через мокрую ткань крохотных трусиков

темнеет манящая щель между ягодицами, и снова поднимает глаза. Рассеянно потирает подбородок. Дёргает кадыком. Облизывается. Парень даже не отдаёт себе отчёта, насколько сейчас выглядит озабоченным козлом. Козёл...

— Что ты сказал?

— Ничего.

— Слушай, мы сможем вылететь завтра? Я тут рейсы смотрю.

— А это вряд ли, — я ёрзаю на лежаке, тру ладонью грудь, живот, разминаю шею, пытаюсь как-то отделаться от чувства досады, с новой силой охватившей меня. — Когда Зотов даст отмашку, тогда и полетим.

Марина протягивает руку, гладит моё предплечье. Сейчас уламывать начнёт, бляядь...

— У «Виктории» в субботу показ. Я не хотела бы пропустить его.

Еле сдерживаюсь, чтобы не вспылить.

— Ну, так, в чём проблема? Лети завтра.

— А ты?

— Марина, этот «чирей» надо выдавить до конца. Чтобы больше не воспалился.

Марина лупит меня ладошкой.

— Фу, Заир, ну что ты такое несёшь!

А я тихо злорадствую, удивляясь собственной вредности. Шумно всасываю через трубочку остатки сока и кошусь на ширму, где переодевается русалка. Что-то долго она там. И Тахира не видать. Братик снова решил с сестричкой пошалить? Что, выволочка моя не подействовала? Ну-ну, ребятки, сейчас я вас обломаю.

— Ася! — ору я. — Иди сюда.

— Что, пап?

— Найди тётю Лину, пусть причешет тебя.

Марина тут же спохватывается:

— Давай я, — и уже лезет за сумкой. Но я упираюсь.

— Нет, пусть Линара позаботится. Иди, детка, — подталкиваю Аську. — А то у тебя совсем волосики растрепались.

— Тётъ Лина!! — доча убегает, сверкая розовыми пятками. — Папа сказал позаботиться!

Ну, вот. Уже легче. И настроение, кажется, поднимается.

— Ну, почему, Заир? — дуется на меня Марина.

Я встаю с шезлонга, потягиваюсь, играя мышцами, шлёпаю по животу резинкой от трусов.

— Пойдём лучше поплаваем.

— Ты же знаешь, я не плаваю.

Я и не жду, что она пойдёт. Ей вообще морская вода противопоказана. И солнце. И свежий воздух. И нормальная, вкусная еда. Какая-то рафинированная женщина, способная жить только под искусственным освещением, дышать кондиционированным воздухом и питаться пророщенными злаками. Почему-то именно сейчас меня это начинает жутко раздражать.

Спустившись с пьедестала, на котором рядом установлены шезлонги, разбегаюсь и со всей дури плюхаюсь в неправдоподобно голубую гладь, вздымая вверх столб брызг. Потом гребу, что есть сил, отфыркиваясь, как тюлень. Делаю сразу пять-шесть кругов, чтобы успокоиться и разогнать не проходящую злость, зудом досаждающую мне уже который день.

Выдохнувшись, наконец, прибиваюсь к бортику. Вижу, Аська чешет назад, уже с двумя «бубликами» на голове.

— Папа, всё, она позаботилась!

— Где Линара? Что делает?

— Шпотает.

— Что?

— Фейпачку мою шпотает!

— Это даже не по-турецки, — бормочу я, отмахиваясь от желания расспрашивать Аську дальше. — Ладно, прыгай ко мне! — кричу, и дочка, с радостным визгом, летит в мои распротёртые к ней руки. В этот момент я самый счастливый папаша на свете!

Плескаемся, пока не появляется Роксана и не забирает Аську и остальных ребятишек в дом. Марина тоже ушла переодеваться к ужину. Хотя до него ещё, как минимум, два часа, ей всегда требуется не меньше времени, чтобы навести марафет. А, казалось бы — простой семейный ужин. Но, такова Марина. Её уже не переделать.

«Вот это ты сейчас с сарказмом или с одобрением подумал, а?» — задаю себе вопрос. И страшусь ответить правду. Потому, что едва потянув за эту ниточку, я рискую размотать весь клубок своих противоречий. А я совсем не уверен, что мне понравится то, что я найду на другом конце этого клубка.

Ещё совсем светло, однако площадка вокруг бассейна пустеет. Вылезаю, вытираюсь, рефлекторно опять ищу Линару глазами. Нету. Спряталась. Я уже заметил, что она сторонится меня. Да хоть на Луне спрячься, русалка, бесполезно. Мы оба ничего не можем с этим поделать. Мучительно медленно, но верно, я прихожу к выводу, что проиграл эту битву. Мне нужна она. Как голодному кусок хлеба. Как жаждущему глоток воды. Нужна, чтобы элементарно не свихнуться и продолжать жить дальше. Что будет после — разберёмся. А пока...

Брожу по саду между беседками, заглядывая в каждую. Хотя мне даже этого не надо делать. Мои ноги сами принесут меня к ней. Я как заговорённый иду на её зов, на её запах, на феромоны... не знаю. Словно волк, ищущий свою волчицу.

Заворачиваю за решётчатую ограду, скрывающую небольшой альков, откидываю шуршащую занавеску из бус и замираю. Линара сидит на топчане по-турецки и сосредоточенно пьёт. У неё в руках какая-то розовая тряпка. Вот она делает последний стежок, прикусывает нитку зубами и тут замечает меня. Глаза упираются в мой голый живот, потом ползут выше, выше. Смотрю на неё сверху вниз, наслаждаюсь её взглядом, словно физической лаской.

— Что ты тут делаешь? — спрашиваю.

Линара, наконец, откусывает нитку, опускает голову.

— Штопаю Аськину юбочку. Совсем расползлась...

Подхожу, вырываю из рук Линары тряпку, разворачиваю. Унылое зрелище.

— Зачем? — спрашиваю. — Выбрось, и всё.

Отшвыриваю юбку в сторону.

Глаза Нары возмущённо распахиваются.

— Ты что?! Это же от костюма, который ты ей подарил на Новый год! Она даже спала в ней в дороге, пока мы ехали сюда, так скучала по тебе.

— Правда? Я не знал, — бормочу растерянно.

— Дай сюда, там ещё много дыр.

— Потом зашьёшь. Пойдём.

— Ты иди, мне надо закончить.

— Я сказал: пойдём.

Беру её за тонкое запястье, резко дёргаю вверх. Она с ахом подпрыгивает на топчане, потряхнув рыжими вихрами, и встаёт передо мной в полный рост. Наши взгляды встречаются на одном уровне и меня как током шарахает: от мозгов и прямо в пах. Из-за молниеносной реакции тела у меня глаза закатываются, голова откидывается назад, и я судорожно втягиваю в себя воздух. Ещё сильнее стискиваю пальцы, и рывком кидаю Линару на себя.

— Заир... Заир, нет!

Да хоть сто тысяч «нет», меня это уже не остановит. Я распластываю её тело на своём, и врываюсь в нежный рот, как безумный. Я терзаю его, ем его, пью его.

— Нара... — чуть ли не всхлипываю, и снова впиваюсь в эти губы: податливые, отзывчивые, шёлковые, как грёбанные лепестки грёбанных роз. Мои пальцы тонут в рыжих кущах, мнут их, гладят, расправляют кудри, и снова мнут. Её мандариновый запах вышибает из меня остатки разума, я захлёбываюсь им.

— Нара...

Маленькие ладошки гладят и гладят меня по плечам, по рукам, по бокам, оставляя за собой след, как от ожогов медузы. Да, мне больно. Потому, что всё тело напряжено, будто натянутый барабан. И даже самое лёгкое прикосновение отзывается болезненной дрожью. И сладостью. Потому, что чувствую её отдачу. Она отвечает мне. Русалка моя, моя Линара...

— Заир...

Её руки тянут мою голову вниз. О, да, детка. Я тоже, тоже безумно этого хочу. Стягиваю с её плеч тонкие бретельки, и мои... МОИ!... прекрасные, упругие, тёплые грудки выпрыгивают мне прямо в лицо. Да, девочки, теперь вы там, где надо, вы со мной, в моих руках. А мои губы между вами.

Целую каждую из них по очереди, безумно радуюсь встрече. Облизываю, дую на них, сосу, тяну, обволакиваю своей слюной, люблюсь, снова дую. Небольшие, аккуратные ореолы цвета тёмных роз, припудренных пылью, сжимаются под моими порывистыми ласками. Гвоздички маленьких сосков топорчатся мне прямо в рот. А я пирую, я ликую, я наслаждаюсь, как шмель весенний на цветке, захлёбываясь от восторга в свежем аромате, сдуревший от любви и пьяный от нектара.

— Нара... русалка моя, девочка, колдунья-Нара... С ума меня свела...

— Заир... — Линара шепчет моё имя, выгибается дугой передо мной. А для моих ушей награды слаще нет.

Мои руки уже хозяйничают в её трусиках — гладят, трогают, раздвигают губки, проникают в тайну, собирают её сок, её росу. Всё для меня, для встречи со мной. Скоро, уже скоро, девочка моя.

Закидываю её ногу на своё бедро, пристраиваясь к промежности, и трюсь стволком через трусы о горячую гладкую шелку. Горячо, ох, горячо! И влажно... Хочу туда, туда, в пещеру Алладина, к сокровищам несметным прикоснуться, в шелках восточных туго обернуться, рубином драгоценным завладеть... Мать твою, кажись, стихами снова заговорил...

— Заир... ах...

— Заир! Заир, ты где? Твой телефон звонит!

Глава 37. Линара/Заир

Линара.

Марина. Совсем рядом!

Я вырываюсь из объятий Заира. Тот недовольно рычит, но отпускает меня, отстраняется, пятится назад. Глаза злые, бешенные. На скулах лихорадочный румянец горит. Отросшие, ещё влажные волосы взлохмачены моими пальцами. Голая грудь вздымается, как кузнечные меха. Его возбуждение режет мне глаз, но Заир и не думает скрывать его, наоборот: демонстрирует, как верный признак того, чего мне следует ждать. Его слова только подтверждают это:

— Не прячься больше, Линара. Бесполезно. Нам не избежать этого. Просто прими.

Хочу ответить отказом: гордо и твёрдо, как и подобает сильной женщине. Но я вовсе не сильная. Мой голос не слушается меня. Я лишь хватаю ртом воздух, словно выброшенная из воды рыба. Словно, оторвав от меня его тело, из меня выкачали весь воздух, лишили самой способности дышать.

Верни, верни его! — требует сердце. Гони прочь! — вопит совесть. А я, сгибаясь под тяжестью невыполнимых решений, корчусь от боли и потери.

Подождав секунду, Заир коротко кивает, будто убедившись в чём-то важном и, откинув занавеску из бус, уходит. А меня продолжает колотить, как припадочную. Даже зубы стучат, и челюсть сводит от напряжения. Неудовлетворённое тело ломает, выкручивает. Ещё влажные от поцелуев Заира соски царапаются о тоненький хлопок топа, словно о наждачку. А из меня волнами извергаются глухие стоны. Мне плохо, плохо без него... невыносимо...

С силой впиваюсь пальцами в волосы и сползаю по стенке вниз. Что делать? Что мне делать?! Может правда, спросить совета у звёзд?

Ты чокнулась, Линара?

— Чокнешься тут, — ворчу, почти что плача.

Просидев так минут пять в полном вакууме, немного успокоившись, встаю, поправляю на себе сбившуюся одежду и ищу в потёмках злополучную Аськину юбку. Надо закончить её починку, пока есть возможность. Потому что скоро я уеду. Я уже решила. Вопрос в том, как забрать у Заира паспорт.

Зажав под мышкой юбку и прихватив шкатулку со швейными принадлежностями, которую я одолжила у Мирай, откидываю занавеску, и...

— А ты шустрая девочка, как я погляжу.

Не отвечаю. Устало прислоняюсь к косяку, безучастно смотрю на Марину. Почему-то совсем не удивляюсь, что она поджидает меня тут. Скорее всего, она видела нас с Заиром. Но мне как-то всё равно.

— Знаешь, я представляла тебя несколько иначе. Что смотришь? Да, Нисар рассказывала мне о тебе и о ваших с ней школьных... кхм... «подвигах».

— Я рада, что у Вас были настолько доверительные отношения с моей сестрой. Жаль, они плохо кончились. Для неё.

На красивом лице Марины, в сумерках похожем на восковую маску, угадываю кривую ухмылку.

— Не пытайся смутить меня, девочка. Это ещё никому не удавалось.

Я холодно улыбаюсь в ответ, перебираю пальцами растрёпанные Заиром волосы, жду,

что будет дальше. А Марина вдруг вскидывается и шипит на меня змеей:

— Вы, сестрёнки Загитовы, цепкие, как пиявки. Стоило одной от Заира отвалиться, как сразу другая присосалась. Мало Нисар ему крови попила? Теперь ты начинаешь?

Вот самое меньшее, что мне сейчас нужно, так это бабские разборки на тему делёжки мужика. Я и так вымотана до предела.

— Что Вы от меня хотите, Марина? — устало вздыхаю я.

— Разве не ясно? Оставь Заира в покое! Он мой мужчина. И скоро будет моим мужем. Даже не пытайся встать на моём пути, не то кончишь, как и твоя сестрица: медленно и мучительно пожирая саму себя.

Хмм... вот как? И что бы это значило?

— Мне не нравятся Ваши намёки, Марина.

— Они тебе правильно не нравятся, девочка. Поэтому крепко запомни их.

Выплюнув мне в лицо яд, Марина уходит. Плавно и осторожно лавируя между раскидистыми кустами, она бесшумно уползает в ночь, напоминая мне огромного белого питона-альбиноса, пробирающегося по джунглям в поисках жертвы. Смотрю вслед и думаю: а ведь тётя, похоже, права насчёт Марины.

Аську укладывали всем хороводом. Сначала новоявленный дедушка пожелал ей спокойной ночи. Потом Заир читал ей сказку, пока Роксана ждала за дверью своей очереди, а я, как могла, тянула время в ванной. Затем Роксана оккупировала нашу спальню, и, запахнув халат, я ушла, чтобы не мешать им шептаться об «их, девичьем».

Когда, уже в начале одиннадцатого, Роксана так и не вышла, я не выдержала и заглянула в комнату. Картина маслом: бабушка, в обнимку с внучкой, спокойно посапывает себе в окружении плюшевых мишек и щеночков. Ну, и что тут думать? Ясень пень — это знак. Пожалуй, минут за тридцать управлюсь. Хватит же, чтобы пошептаться со звёздами?

Стараясь не попадаться никому на глаза, тихонько выскальзываю из дома.

Полная Луна, словно специально выпрыгнувшая в этот час на небосклон, освещает мне дорогу. Мне даже не пришлось включать фонарик на телефоне. За пять минут я добираюсь до лестницы и начинаю подъём по крутым ступеням. Тут уже без освещения не обойтись.

Приходится двигаться медленно и времени уходит довольно много. Но, наконец, я достигаю цели — я на крыше. Здесь пусто. Только старое мандариновое дерево приветствует свою ночную гостью, тихонько помахивая полуголыми ветками над топчаном, заваленным подушками.

Подхожу к краю башни. И снова меня охватывает восторг от раскинувшейся передо мной нереальной картины. Но если днём я восхищалась солнцем, то сейчас Луна вершила свою власть над миром. Сейчас ОНА хозяйка в нём. Владычица и королева ночи. А я лишь одна из миллиарда смиренных, приветствующих Её.

Торжественно и величаво, Луна ступает по ковру из звёзд, щедрой рукой рассыпая вокруг себя серебро и брильянты, одаривая подданных своих в честь великого праздника Полнолуния.

Остановив на мне свой холодный, строгий взгляд, в котором светится бесконечная мудрость и знание человеческих душ, Луна будто вопрошает, — не для себя, она-то знает, — а чтобы я ответила себе:

— Зачем ты здесь? Зачем ты здесь на самом деле?

И под этим белым, непреклонным сиянием, сдирающим с меня всю фальшь и мнимый стыд, вдруг ясно осознаю, зачем: Я жду ЕГО. Зову ЕГО. Хочу. Надеюсь. И будь, что будет. И да простят меня все те, кого я этим обижаю или раню, но это правда, которую уже не скрыть мне от себя.

Луна печально улыбается и, тут же позабыв обо мне, продолжает своё шествие по небу. А я, оглушённая правдой, беззащитная перед ней, принимаю свою судьбу как неизбежность.

Я почувствовала его сразу. Шорох, шёпот, шелест... не знаю. Не важно. Просто, когда руки Заира осторожно обвили меня, я даже не вздрогнула.

— Ты здесь, — говорю я тихо, кладя свои ладони поверх его, и прижимаясь спиной к широкой груди.

Он целует меня в шею, а потом прислоняется горячей щекой к месту поцелуя, слегка царапая щетиной мою кожу.

— Я там, где ты, Нара, — шепчет он. — Этого не изменить.

Я там, где ты, и этого не изменить,
Смирись, и перестань с судьбой сражаться,
Позволь уж ей за нас двоих решить, кого любить, кому страдать,
Кого за всё это винить или прощать, и с кем прощаться,
Кого в угаре гневном проклинать, иль умолять,
Кому лить слёзы, а кому до слёз смеяться...

Заир.

Я шёл за ней от самых дверей. Словно чувствовал, что она обязательно появится, и ждал в беседке. Линара меня не заметила, торопливо прошла мимо и свернула к Старому дому. Это может показаться странным, но я знал, куда она направляется.

Пока я крался за ней, как полночный вор, меня не покидало ощущение, что я всё ещё нахожусь в своём сне. Эта таинственная лестница, ведущая вверх окольными путями; хаотичное мелькание маленькой звёздочки впереди — свет от фонарика Линары; Луна, совершенно невероятных, фантастических размеров, заливающая нас молочным светом, пока мы карабкаемся в чёрное небо по стене старой башни.

Когда я ступил на плоскую крышу, я окончательно уверовал, что всё это мне снится. Потому, что в реальной жизни такого не бывает, чтобы звёзды были не только над тобой, но и вокруг тебя — справа, слева, снизу... Наверное, так чувствует себя космонавт, вышедший в открытый космос.

А море? Похожее сейчас на бесконечный разлив нефти, оно глубоко дышит, как живое существо. Медленно перекатываясь во сне, оно спит. А над ним, забавляясь, колдует Луна, выплёскивая в его атласные чернильные воды своё светящееся молоко.

Луна, над спящим морем проплывая, свой поцелуй ему украдкой подарила,
И ослепительным осыпала сияньем, пока оно спокойно отдыхает, и видит сны,
И ни о чём не знает...

Ухнув, с ветки бесшумно слетела небольшая сова и, мелькнув призрачной тенью, растворилась в ночи. Мой взгляд проследил за ней, и тогда я увидел Линару.

Она стоит на самом краю, спиной ко мне, и смотрит вдаль. Я знаю, что она чувствует, потому, что чувствую то же самое. Моё сердце замирает, пока я подхожу к ней.

Осторожно, чтобы не напугать, обхватываю её талию руками.

— Ты здесь, — говорит она тихо.

— Я там, где ты. И этого не изменить.

Прими, как должное, как истину, как данность, как судьбу. Меня прими.

Укладываю Линару на подушки, словно специально приготовленные для нашей ночи, и не перестаю удивляться мистики, преследующей нас в этом доме. Как можно по-другому назвать мой странный полуденный сон, в котором Линара зовёт меня, указывает путь, что привёл меня в это необыкновенное место на вершине мира, непохожее ни на одно из тех, в которых я побывал. На это ложе, украшенное драгоценными иранскими коврами и подушками. Под это мандариновое дерево времён Османской империи, которое до сих пор плодоносит, что само по себе уже чудо. Привёл к ней. К Линаре. К женщине-русалке с огненными волосами, что парит сейчас со мной над облаками. Смотрит на меня своими волшебными очами. Ворожит, колдует руками, гладит, ласкает, целует мои ладони...

Нара...

Перебираю пальцами её распущенные волосы, искрящиеся под голубоватым светом Луны, которая словно прожектор светит на нас так ярко, что мне виден каждый изгиб, каждая впадинка на теле Линары. Глажу её брови, губы, горло, груди... А вокруг нас нереальная красота. Фантастическая. Неземная. Из какого-то другого мира. Потому, что на Земле такого чёрного неба не бывает. Таких ярких звёзд не бывает. Таких совершенных женщин, что сейчас лежит передо мной, не бывает. Это и правда сон.

Медленно развязываю пояс и распахиваю полы её халата. Хочу избавиться от него, хочу сам стать для неё покрывалом, отдать ей своё тепло, свою энергию, взамен беря её любовь и нежность.

Мой жадный взгляд гуляет по обнажённому телу Линары — по высоким грудям, тонкой талии, стройным бёдрам. Глаза останавливаются на развилке ног. А ведь насчёт «язычка пламени» я был прав. Склоняюсь над ним и, с благоговением, целую. Линара вздрагивает подо мной, но не отстраняется.

— На нас Луна смотрит, — лишь говорит она.

— Пусть смотрит, — отвечаю. — Нам есть, чем удивить её сегодня.

Линара улыбается. Зарывшись пальчиками в мои волосы, она притягивает моё лицо к себе и целует в губы. Обнимаю её, и мы падаем, падаем, падаем в звёзды...

Сама Луна постель нам постелила,
Из облаков перину и подушки взбила,
И на любовь к тебе меня благословила,
Покров ночной над нами опустив,
И всех свидетелей из спальни удалив.

Если это сон, почему бы мне не быть поэтом? Если это сон, почему бы ему не длиться вечно?

Линара.

Мы лежим на ковре из звёзд. Звёзды над нами, звёзды под нами, звёзды вокруг нас. Его

буйная голова покоится на моей груди. Лёгкий предутренний бриз путается в его волосах. Руки сжимают меня с осторожной силой даже во сне. Он тяжёлый, но я наслаждаюсь этой тяжестью. Она мне необходима, как якорь кораблю. Без неё я бы уже была там, среди мириад звёзд, потерянная, растерянная, не верящая, что всё это случилось со мной. Плутающая в поисках дороги назад, к нему. К Заиру.

Поднимаю руку к небу, растопырив пальцы. Касаюсь самой яркой точки. Вот она, моя звезда. Моя судьба. Иди же, и скажи, в чём заключается мой путь?

Любовь.

Вот и ответ: Любовь. И нет ответа правильной и проще.

До рассвета далеко, но уже чувствуется его приближение. Небо синеет. Море просыпается, разгоняемое ранним бризом. Чайки начинают свою утреннюю переключку. Я уже раздумываю, как разбудить Заира, когда сверху на него падает сразу парочка мандарин.

Он вздрагивает, недовольно ворчит, елзлит на мне. А меня вдруг смех пробирает, не могу сдержаться, и всё тут.

Заир поднимает голову, смотрит на меня, сначала не узнавая, будто. Но постепенно его хмурое лицо озаряется улыбкой.

— Ты смеёшься, — говорит он хриплым ото сна голосом.

— Да. А что?

— Ты для меня ещё никогда не смеялась. Только во сне.

Наши лица так близко. Я дотрагиваюсь до его щеки, глажу, люблюсь, смотрю, и не могу насмотреться. В предутренних сумерках его глаза горят не хуже звёзд. Чувствую, как наливается его желание, упираясь мне в живот. Как каменеют мышцы, пульсируя под моими пальцами. Он коленом раздвигает мне ноги, пытаюсь сдержать своё нетерпение, уже плещущее через край. Губы сжаты, желваки дёргаются.

— Заир...

— Поцелуй меня, Нара.

И я целую. А он целует в ответ. И звёзды снова кружатся над нами, всё быстрее и быстрее, сжимаясь в единую, ослепительную мегаточку, чтоб через время взорваться колоссальной сверхновой, от которой вздрагивает вся Вселенная.

Мы любим в тишине. Летим над звездами, купаясь в нежности друг друга. Даруя и беря, взмывая к небесам и падая в глубины. И, кажется, что это будет длиться вечно и всегда...

Но ночь уходит, время на исходе.

Рассвет торопит нас вернуться в бытие...

Глава 38. Заир

— Папа, смотри, как я умею! Паааап!! Ну, пап!

Неохотно отрываю взгляд от смеющегося лица Линары, которая лежит сейчас подо мной в своём бирюзовом купальнике. Жаркий день. Мы милуемся у бассейна Юсуфа, а Аська забавляется неподалёку. Я счастлив. Просто полон счастья до краёв.

— Пааап!

Оборачиваюсь, всё ещё улыбаясь. Вижу Аську на высоком трамплине над водой. Слишком высоким для неё. Меня колет тревога, моё счастье быстро сворачивается, как прокисшее молоко на огне. Но Аська хохочет, продолжая раскачивать узкую доску, которая угрожающе пружинит под ней.

— Ася, осторожно!

— Я прыгаю!

А я холодею от ужаса, так как замечаю вдруг, что воды в бассейне нет. И даже дна нет. Там чёрная, бездонная дыра. Аська, не видя опасности, подпрыгивает, а я срываюсь с места, бегу к ней, кричу, что есть силы...

Кто-то толкает меня в спину, и я падаю. И просыпаюсь.

Сердце болезненно стучит, дыхание рваное. Где я? Вокруг чернильная синь, я лежу на чём-то тёплом, мягком и живом. Прохладный ветер холодит мои голые ноги и спину. Только задница прикрыта белым махровым халатом.

Кто-то заливисто смеётся совсем рядом. Трясу головой, отгоняя сон, и теперь вижу под собой Линару. Это она смеётся. А мне словно бальзам на душу льют, очищая её от скверны.

Смотрю на русалку, потихоньку приходя в себя. Это был сон. Всего лишь сон. Какое облегчение! Улыбаюсь, всё ещё не до конца веря в это.

— Ты смеёшься.

— Да. А что?

— Ты для меня ещё никогда не смеялась. Только во сне.

Её глаза таинственно светятся в предутренней синеве. Она гладит моё лицо, разглядывая его, а у меня от этой простой ласки член твердеет за рекордные секунды.

— Поцелуй меня, Нара, — хриплю я.

И грубо раздвигаю её ноги коленом. Кажется, я делаю ей больно, но мне необходимо избавиться от остатков кошмара, что приснился мне. Я настойчиво тыкаюсь головкой в тёплую промежность. Спрячь меня там, Нара. Успокой. Приласкай. Подари свою нежность, прогони своей любовью мои страхи. Ты можешь это!

Линара обхватывает меня ногами, упираясь пятками в поясницу, и крепко прижимает к себе. Да, вот так. Держи меня крепче, девочка, не отпускай. Если отпустишь, может случиться непоправимое.

Я двигаюсь, двигаюсь в ней, как заведённый, словно если остановлюсь, то она исчезнет навсегда. Что тогда будет со мной, с нами?

Не думай. Не думай...

Её ногти впиваются мне в плечи, голова запрокидывается, глаза закатываются.

— Зааа...

Ловлю момент и накрываю её рот своим. Она кричит в меня, бьётся птицей, сжимает

мой член в своих шёлковых тисках, и я взмываю в светлеющее небо вслед за нею. Вселенная подхватывает нас, и кружит, кружит...

..

Мы тихо прощаемся у чёрного хода, укрытые ото всех сизым утренним туманом, поднимающимся с моря. Я крепко целую Линару на прощание, стискивая так, будто мы расстаёмся навсегда.

Вот и всё. То, чего я так ждал, так желал, случилось. Это была поистине необыкновенная ночь. Я даже не знал, что такое возможно почувствовать, пережить. Мы будто побывали в другой реальности, более прекрасной, более совершенной, чем наша.

Но ночь осталась позади. Теперь наступают так называемые «последствия». То, что «после». Расплата. Вопрос лишь в том, насколько тяжёлой она будет. А то, что будет, я не сомневаюсь.

Особенно я в этом убедился, когда, осторожно открыв дверь комнаты, обнаруживаю в своей постели Марину.

Она спит одетая, лёжа поверх покрывала. Светлые волосы рассыпаны по подушке, ладонь под щекой, под глазами синие тени.

Устало тру лицо, готовлюсь к неизбежному.

Присаживаюсь рядом с ней, приминая матрас. От моего движения, Марина открывает глаза, и несколько мгновений молча смотрит на меня.

— Марина...

— Нет!

Она резко вскидывает руку и закрывает мне рот ладонью. В её глазах испуг.

— Не надо, Заир, — хрипло шепчет она, и мне становится совсем хреново, когда замечаю её слёзы, тихо катящиеся по щекам. — Не руби с плеча, подумай. Ты ведь эту девочку чуть больше недели всего знаешь. Внезапный порыв, страсть, похоть... Это можно понять, но всё это быстро проходит, что останется? А потом...

Марина садится в постели, придвигается ближе и кладёт свою руку на мою. В предрассветных сумерках её ладонь кажется мне нереально белой, как у утопленницы.

— А потом, она ведь сестра Нисар, не забывай. Как ты объяснишь это Роксане? Юсуфу? А? Я была подругой твоей жены, и ты знаешь, что мне пришлось пережить, когда наша связь вышла наружу. А она её сестра. Сестра, понимаешь? Только представь, что они с ней сделают. С вами. Твоя репутация, бизнес, семья... Что ты скажешь отцу? А Ася?

Под тяжестью её аргументов мои плечи сгибаются, словно на них каменные жернова по одному навешивают. С другой стороны, Марина не сказала ничего такого, чего я сам себе не говорил в последнее время. Страсть страстью, но реальность... Куда от неё денешься? Всё упирается в пресловутое — что скажут люди? Скандал никому еще не приносил пользы.

Скандал... пфф... Я барышня что ли, чтобы бояться какого-то скандала? Всё решаемо. Тяжело, но решаемо. Но вот Линара... Её ведь действительно заключают, проклянут. Отторгнут от семьи уже навсегда, окончательно и бесповоротно. А у них с Роксаной только-только налаживаться стало. И Юсуф к ней хорошо относится. Да и я хотел, чтобы она в семью вернулась. А выходит-то всё как раз наоборот — я ей только наврежу.

Упираюсь локтями в колени, опускаю голову. Марина, прочуввав мои метания, усиливает нажим:

— Давай так: всё решим в Москве. Когда ты придёшь в себя, остынешь, всё хорошенько взвесишь, тогда. Потому, что если я уйду, Заир, я уйду навсегда. Никаких вторых шансов.

Поэтому не рискуй, дай нам обоим время. Там, в Москве, я приму любое твоё решение. Но пока пусть всё остаётся по-прежнему. Договорились?

То, что предлагает Марина это ведь... разумно, правда? Взвешенно. По-взрослому. А то, что случилось с Линарой... Это действительно сумасшествие, по-другому и не назовёшь. Дать время? Время... Почему бы и не дать?

— Хорошо. Пусть будет так.

Марина трогает моё лицо, заглядывая в глаза, но, когда пытается поцеловать меня, я отстраняюсь. Я ещё пахну Линарой. Её кожей, её соками. Не хочу менять этого. Пока, нет.

— Ладно, — Марина отступает, успокаивающе хлопает меня по плечу. — Сегодня вечером у меня самолёт. Как решишь здесь свои дела — возвращайся. Я буду ждать вас с Аськой.

Смотрю на Марину, и меня словно рвёт на части.

— Ты действительно такая идеальная, как кажешься?

Она мягко улыбается, спускает с кровати ноги, надевает туфли.

— Я просто люблю тебя. И знаю, что тебе нужно. Даже лучше, чем ты сам. Увидимся за завтраком, любимый. И... прими душ.

Невесело хмыкаю на прощание, следя, как за Мариной захлопывается дверь.

Заваливаюсь на постель, окунаясь сразу в приторный запах её духов. И тут же вскакиваю. Со злостью отшвыриваю покрывало, одеяло, скидываю на пол подушку и, как есть, одетый, падаю на голый матрас.

Остыну? Перегорю? Неужели такое возможно после сегодняшней ночи? Когда узнал её, познал. Не думаю. Но чем чёрт не шутит?

Я засыпаю, вспоминая руки, губы Линары. Наш страстный танец с ней под песнь ночного ветра, в которую вплетались звуки двигающихся тел. Наши стоны, шёпот, тихий смех, когда утомлённые любовными играми, мы лежали на подушках и, сквозь качающиеся ветки мандаринового дерева, считали звёзды в чёрном небе, давая им свои затейливые имена. Остыну? Перегорю? А если нет, что тогда? Что?

Глава 39. Линара

Обратно в «Мираж» едем впятером на арендованном Заиром Мерседесе. Сам он восседает на переднем сидении, мы с Мариной и Аськой устроились позади. Игорь за рулём.

— Проедем через город? Мне хочется сделать несколько фотографий.

— Марина, все устали. Давай в другой раз.

— У меня же самолёт вечером, ты забыл?

Заир недовольно ёрзает в кресле.

— Ладно. Игорь...

— Понял, Заир Самирович.

Игорь сворачивает на дорогу, ведущую к городу, на ходу перестраивая GPS.

Заир не в духе. Боюсь даже думать об этом. За завтраком он почти не смотрел на меня. Неужто жалеет? Возможно. А может просто получил, что хотел, и большего ему не надо. Хотя судя по тому жаркому поцелую, что он подарил мне на прощание, я не должна так думать. Однако иллюзий не питаю: я всё та же Линара, он всё тот же Заир. Есть Марина. И всё ещё есть Нисар с её проблемами. Так что...

Приятно мечтать. Но мечты тем и хороши, что они мало имеют общего с реальностью. А реальность такова, что мы не свободны в своём выборе. Это было ясно и там, на крыше, и, тем более, здесь, сейчас, при свете дня. Никто ничего никому не обещал, клятв не давал, в любви не признавался. Мы взрослые люди. А взрослые люди иногда так делают — вдруг загораются, сияют, а после гаснут. Как звёзды поутру.

Вернулись мы под покровом предрассветного тумана, незамеченные никем. Во всяком случае, я на это очень рассчитываю. Пробравшись в спальню к Роксане, я, как была, в халате, завалилась в кровать. Естественно, долго спать мне не дали. Вся помятая, лохматая, с поплывшей косметикой на лице, тётя вломилась в комнату, переполошив меня своим:

— Ох, ты здесь! Ну, слава Богу. Представь, я даже не заметила, как уснула. Почему ты меня не разбудила?

Отмахнувшись от её причитаний, всё ещё сонная, я поплелась в ванную, где проторчала почти час, приходя в себя.

Вытираясь, я разглядывала своё тело со следами бурной ночи. Ну, нет. Я не буду говорить о том, что произошло, такими тривиальными словами. Прошедшая ночь была... таинством. Для меня, во всяком случае.

Думаю, в свою последнюю минуту пребывания в этом бренном мире, когда, я надеюсь, буду такой же старой, как Ямур (дёргаю за мочку уха и стучу по дереву), я вспомню именно эту ночь, эти мгновения и часы. Теперь, как бы в дальнейшем не сложилась моя жизнь и что бы ни ждало меня в будущем, я буду помнить и благодарить судьбу за то, что эта ночь была у меня.

Прощание с семьёй Челик прошло тепло и хаотично, так же, как и знакомство. Роксана лобызала и тискала Аську, договариваясь о встрече в Москве через недельку, и уже планируя совместные Новогодние мероприятия.

Внуки Юсуфа, как и положено блестящей массовке, создавали суету и беспорядок, крашиваемый смехом и звонким детским щебетанием.

Тахир грустно смотрел на меня, долго удерживая мою ладонь в своей. Я так же грустно улыбалась в ответ: прости, парень, но я не твоя песня, а ты не мой аккордеон. Но всё к

лучшему, поверь.

Мирай строчила в мой телефон свои координаты — у неё возникла идея изучать русский язык, и ей очень хотелось бы побывать в Москве.

— Конечно, — говорю я. — Только приготовься к тому, что у меня «хоромы» раз в пятнадцать меньше ваших. Но Москву я тебе покажу, не сомневайся.

Марина, безупречная, как гляцевая обложка какого-нибудь гляцевого журнала, сдержанно улыбалась всем и никому конкретно, держась в сторонке от шумливой толпы. В конце концов, не дождавшись завершения церемонии и, кинув в никуда пространное «Всего хорошего!», она скрылась в машине.

Заир с Юсуфом на прощание крепко пожали друг другу руки и многозначительно покивали головами. Кажется, семья воссоединилась, топор войны зарыт глубоко. Ну, вот и славно!

Чтобы проехать через город, мы делаем небольшой крюк. Я не возражаю. Мне всё равно, по какой дороге дремать. Но Марина не переставая щёлкает камерой, тут же выставляет фото в инстаграм и комментирует их вслух, тем самым мешая мне отключиться полностью.

— Заир, смотри, ТЦ! Давай остановимся, я Асе куклу куплю, а то уже давно обещала.

Ну, разве Аська пропустит мимо ушей такую замануху? Она тут же начинает верещать:

— Ой, папа, точно! Давай остановимся, пап! Ну, пап, пжалуста!!

— Игорь, — вдыхает Заир. — Тормозни.

Игорь сворачивает на стоянку перед большим моллом. Марина с Аськой выскакивают первыми. Естественно, мужчины следуют за ними. Я же не вижу большого смысла таскаться по отделам игрушек и наблюдать, как Марина заискивает перед Аськой и одновременно виснет на её отце, с которым у меня недавно была лучшая ночь в моей жизни. Приятного мало.

— Я подожду вас в машине, ладно?

Заир кидает на меня быстрый хмурый взгляд. Я знаю, что выгляжу усталой, поэтому виновато улыбаюсь ему, и он кивает.

— Хорошо. Мы скоро.

Смотрю, как их четвёрка скрывается за огромными стеклянными дверями. Думаю, минут тридцать у меня точно есть. Сползаю ниже на сидении и, устроившись поудобнее, засыпаю.

Не знаю, сколько проходит времени, но что-то словно толкает меня в бок.

Я поднимаю голову. Рассеянно оглядываю снующую за окном толпу. Глаз упирается в торопливо идущую мимо женщину, тянущую за руку девочку с яркой коробкой в руках. Тру веки, промаргиваюсь, снова вглядываюсь. Аська? Это же Аська!

Меня как током подбрасывает: в женщине я узнаю Нисар! В темных очках, в бейсболке, джинсах — её не сразу признаешь, но это точно она! Моя Аська испуганно озирается по сторонам, однако продолжает следовать за матерью, крепко прижимая к себе коробку с куклой.

Я кубарем перекатываюсь на водительское сидение, не обращая внимания на удары, которые получаю при этом. Не спуская глаз с Аськи, лихорадочно нащупываю ключи зажигания — за ними, надо следовать за ними!

Ключи... где? Где ключи?! Ключей нет. Игорь забрал их!

— Да, чёрт! Чёрт! — я в отчаянии колочу по рулю.

Где они, блядь?! Где все они, когда так нужны?! Зотов, Женя... Где Заир? Как допустил?!..

Всё это пульсаром проносится в моём мозгу, пока я распахиваю дверь и вываливаюсь наружу, едва не протаранив коленками асфальт. К счастью, мне удаётся удержаться на ногах, и, стараясь не привлекать особо внимания, я торопливо лавирую между машинами, не упуская из виду маячащую впереди парочку.

По уму, надо было сразу звонить Заиру, но время на это тратить я не стала, а теперь и сумка с телефоном в машине осталось. Ладно, чёрт с ним. Сейчас главное не упустить Нисар в толпе, она и так уже достаточно далеко. Мне приходится почти бежать.

Я врезаюсь в прохожих, кого-то отталкиваю, перед кем-то извиняюсь, мне вслед несутся ругательства — плевать! Главное — не упустить.

Вижу, как сестра нетерпеливо дёргает Аську за руку, и та роняет коробку. Однако Нисар не останавливается, продолжает тащить дочку к припаркованной у обочины машине. Аська упирается, кричит, но дверь открывается, и её пихают внутрь салона. Тут я перестаю таиться и уже несусь к ним со всех ног.

— Нисар! — кричу, что есть силы.

Аська замечает меня первая.

— Теть Лина!!

— Нисар, стой!

Сестра оглядывается, и так и застывает у открытой двери, продолжая крепко удерживать дочь за руку. Я не вижу за очками её глаз, не могу угадать выражение лица, но стараюсь докричаться до её сознания.

— Нисар, не надо!

Замедляю бег, перехожу на шаг, страшусь, что или спугну, или не успею. Если она сейчас сядет в машину, я потеряю их. Но сестра нерешительно топчется у двери, дергая за руку Аську, которая всё это время пытается вырваться.

— Теть Лина!

— Тише, Ася, тише, всё в порядке. Я тут. Не бойся, — уговариваю девочку, а сама не спускаю глаз с сестры. Сердце вот-вот выпрыгнет из груди. После сумасшедшего бега дышу неровно, урывками, но я продолжаю наступать на Нисар, гипнотизируя её очки, и безбожно блефуя:

— Я сфотографировала номер машины, Заир уже в курсе, так что не делай!

— Уходи, Линара. Хочешь жить — уходи, — говорит Нисар каким-то не своим голосом.

И уже Аське: — Лезь в машину, я сказала! — она толкает дочь в салон, та визжит, ревёт, упирается ладошками, но, ясное дело, силёнок ей не хватает.

— Нисар, не делай! Не делай!

Ещё шаг, и я рывком кидаюсь к машине, с силой отпихиваю сестру в сторону и ныряю внутрь. В тесном пространстве тянусь за Аськой, уже хватаюсь за её дрожащие ручки, но в суете и полумраке не замечаю опасности, поджидающей меня совсем рядом.

Я лишь слышу, как ещё громче кричит Аська, потом оглушительная боль, а потом — ничто.

Глава 40. Линара

Меня качает. Я с трудом разлепляю веки и шурюсь от невыносимо-яркого света — солнце жарит мне прямо в лицо. Господи, как мне плохо! Тяну руки, пытаюсь прикрыть ими глаза, и понимаю, что они связаны. И я их почти не чувствую. Зато чувствую спёкшуюся коркой кровь и мучительное жжение над бровью, а ещё кол, упирающийся мне в спину.

Голова словно раздута, во рту горько-солёный привкус. Сглатываю, но слюны нет. В глотке сухо, как в пустыне.

Со стоном переворачиваюсь на бок, что даётся мне с огромным усилием и отзывается ещё большей болью в висках. Вдобавок, к горлу подкатывает тошнота. Наверняка сотрясение. Гад, Мансуров. Я знаю, что это он. Сидел на переднем сидении, поджидал. Мразь.

Даю себе минуту, чтобы приглушить раздражающую череп пульсацию и справиться с тошнотой. И медленно, с осторожностью, открываю глаза. Оглядываюсь. И офигеваю. Я в лодке. И качает меня не из-за удара, а потому, что мы в море. Сколько же я пробыла без сознания?

Судя по солнцу, уже далеко за полдень. Значит, прошло довольно много времени. Плохо. Очень плохо.

Тошнота снова одолевает меня. Нет, так не пойдёт. Надо добраться до тени, иначе я заработаю солнечный удар ко всем прочим прелестям. Моя цель неподалёку, и, кое-кое-как, перекатом, поскольку мои лодыжки тоже связаны, я добираюсь до палубы рубки и, наконец, усаживаюсь в тенёчке, прислонясь к нагретому пластику спиной. Подтягиваю к себе колени, в надежде развязать путы на ногах — благо, руки мне оставили спереди, но что толку, если пальцы не шевелятся?

Снова приходится отдыхать, чтобы восстановить силы, хотя в тени уже гораздо легче. Осматриваюсь. Лодка небольшая, но и не маленькая. Парусно-моторная яхта, довольно старая на вид. Я знакома с такими, у друга отца была подобная. Не знала, правда, что Мансуров умеет обращаться с парусниками. Он ведь по мотоциклам больше. Хотя, если Стих, таким вот образом, прятался от всех, кому «должен», то мысль зачётная: кто его будет искать в море?

Я осторожно кручу головой. Передо мной водная гладь до самого горизонта, но что за спиной, я пока не знаю. Быть может, мы недалеко от берега, хотя других лодок поблизости я не наблюдаю. И хорошо бы выяснить, где остальные?

Как по команде, слышу сбоку шаги, шорох, чертыхание Рамиля и хриплый голос Нисар:

— Что ты с ней сделал?

— Что надо, то и сделал. Мне тут истерики не нужны.

— Ты животное!

— Заткнись, сука. На, ширнись и заглохни.

Слышу, как Мансуров что-то швыряет на палубу, затем до меня доносятся всхлипы и суетливая возня Нисар.

Я тихонько ползу к корме, обжигаясь голыми руками и ногами о раскалённую поверхность лодки. Теперь жалею, что надела короткие шорты и майку. Надо было в джинсы нарядиться, но да что теперь об этом?

Поднимаю голову. Вижу сестру. Она жмётся в углу на полу кóкпита, перед ней валяется

коробочка со шприцами и прочей мерзкой атрибутикой. Мне ком к горлу подступает от вида Нисар: худая, измождённая, загорелая до черноты, лицо обветрено, давно невымытые волосы кое-как собраны в хвост. Я не узнаю её.

Рамиль тут же, рядом, возится с мотором. С невольным интересом рассматриваю его. Он стал в два раза шире — здоровенный, как бык. Когда-то густые волнистые волосы поредели и сейчас коротко подстрижены. Зато окладистая борода закрывает ему пол лица. Заношенная майка, шорты в масляных пятнах, дешёвые сланцы. От брутального рокера-красавчика, культивировавшего образ падшего ангела, мало что осталось.

Ищу глазами Асю. Наверное, в каюте, догадываюсь я. Хорошо, что она не видит сейчас свою мать. Но меня ждёт и плохая новость: мы в открытом море, и берег очень, очень далеко, хоть и в пределах видимости, но о том, чтобы добраться до него вплавь, даже думать не стоит.

Наконец, Мансуров замечает меня.

— Очнулась, рыжая? — он щерится, демонстрируя отсутствие верхнего клыка. — Зря ты потащила за Нисар. Теперь у тебя нет выбора, детка.

Сглатываю. Стараясь, чтобы голос мой звучал не слишком жалко, спрашиваю:.

— Что с девочкой? Где она?

— Всё норм, — бубнит Мансуров, крутя в пальцах какую-то железяку от мотора и без особого энтузиазма рассматривая её.

Вытягиваю шею, пытаюсь поймать взгляд сестры.

— Нисар! Нисар!

— Оставь. Она в отключке, — Рамиль небрежно пинает сестру в бедро. Та не реагирует. — Так и знал, что толку от неё не будет, широманка херова.

Во мне быстро копится ненависть к этому зверю, придавая мне силы и смелости. Даже безрассудства. Но я сдерживаю себя. Мне надо вывести этого негодяя на эмоции. Зацепить как-то.

— Тебя Калугин ищет, знаешь? — поддеваю Стиха.

Рамиль тихо матерится, продолжая возиться с механизмом.

— Ничего, Тураев мне всё компенсирует, и даже больше того.

— Он голову тебе от шеи компенсирует. И Калугину пошлёт. Как возмещение за потраченное им на тебя впустую время. Кстати, это слова самого Бориса Викторовича. А ещё ты просрал свои дополнительные двадцать четыре часа, что Калугин выделил тебе на реабилитацию. Это он тоже просил тебе передать. Хм-м, надо же, даже не думала, что в конечном итоге, всё же сделаю это... Так что, Стих, ты в жопе. С какого ракурса не посмотри.

Мансуров зло сплёвывает за борт и начинает ставить подвесной мотор на место, безбожно дёргая его из стороны в сторону.

— Если бы твоя дура-сестрица не потеряла флешку, всё бы было в ажуре. И мне не пришлось бы болтаться неделями в море на этом корыте. Связался, блядь, с бабами. Да, что б тебя! Жестянка ржавая...

Мансуров дёргает ручку, но мотор никак не желает вставать в пазы.

— Разблокируй стопор, идиот, — советую я.

— Поговори мне тут! — ещё больше злится Стих, но стопор отщёлкивает. — И вообще, чего расселась? Вставай, давай! Поработай немного руками. Фигли мне тут одному вас, кур, катать забесплатно.

— Развяжи сначала. И воды дай. И умыться бы.

— Может, джакузи ещё? — ворчит Мансуров, но подходит и одним махом развязывает мне веревку на руках.

Я едва не ору от резкого прилива крови к пальцам, на глазах слёзы наворачиваются.

— Ноги сама. Только брыкаться не вздумай, не советую — тут бежать некуда.

Рамиль вдруг протягивает ко мне свою лапу, больно хватает за щёку и треплет её.

— Линарррра... Красивая стала. Надо же. А была на курёнка похожа.

— Руки убрал, Стих!

Я дёргаюсь, чтобы избежать его наглых прикосновений. И дёргаюсь снова, но уже от хлёткой пощёчины. Да такой, что заваливаюсь на палубу. Губа лопается, в глазах мошки мельтешат. Чёрт, больно-то как...

— Ты мне тут не дерзи, рыжая. Мне уже давно никто не дерзит. А уж бабы и подавно.

Он хватает мой подбородок и разворачивает лицом к себе. От его грязных пальцев воняет машинным маслом.

— А вот если будешь умницей, так я тебя ещё и трахну перед тем, как на корм рыбам отправить.

— Какая честь, Стих. Только вот умницей я тебе не буду.

Мансуров вдруг смеётся и грубо отпихивает меня.

— Отчаянная. Этим-то ты мне всегда и нравилась, рыжая. Ладно. Хватит лясы точить. Поднимай якорь. И паруса проверь, как закреплены. А то у твоей сестры руки из жопы растут, ничего делать не умеет, даже сосать толком не научилась. Не зря муженёк её налево свинтил.

Рамиль продолжает грязно ругаться себе под нос, собирая разбросанный инструмент и складывая его в ящик, а я, срывая ногти, бьюсь над верёвками на щиколотках. Наконец, мне удаётся освободиться, и я осторожно поднимаюсь.

Покачиваясь, иду к Нисар. Сажусь на корточки, запрокидываю ей голову, смотрю зрачки, бью по щекам. Нет. Тут глухо.

Не обращая больше на неё внимания, ползу к каюте.

— Эй! Куда? Я сказал якорь!

— Там чайки летают, им скажи, — огрызаюсь, даже не оборачиваясь.

Хватаясь за что придётся, чтобы удержаться на ногах, я пробираюсь внутрь, прохожу мимо камбуза и кают-компания, к носовой части. Вижу Аську на койке: бледная, дыхание поверхностное. Падаю перед ней на колени: зрачки расширены, пульс замедленный, едва прощупывается. Сволочь! Он ей наркотик вколол!

Смахиваю с ручки полотенце, несусь к раковине, мочу его, но тут за моей спиной вырастает Стих, и мой затылок пронзает дикая боль. Вскрикиваю и выгибаюсь дугой, чтобы ослабить захват.

— Ты, ссука...

Рамиль волоком тащит меня за волосы из каюты. Я отчаянно сопротивляюсь, и в тесноте, мы оба бьёмся обо все углы, какие попадают на пути, зато это не даёт Мансурову размахнуться в полную силу. Стиснув зубы, я стараюсь вывернуться и мне это почти удаётся, я даже умудряюсь заехать этому быку в пах коленкой, отчего тот шипит, правда и я получаю удар в челюсть такой силы, что вылетаю наружу пробкой. Врезаюсь в Нисар, та мешком валится на бок, и я вместе с ней.

— Ссуки... Как вы меня достали, суки!! — орёт Мансуров, выползая следом за мной на

палубу, держась за яйца. — Чтоб я хоть раз ещё связался с бабами!.. Тварь!

Я даже боли не чувствую, когда он, схватив за грудки, шарахает меня затылком о рундук раз, другой, третий... Моя голова болтается, как оторванная, но, когда во рту скапливается достаточно крови, я плюю в лицо Мансурову и попадаю точно в цель.

Тот сразу отпускает меня и отшатывается, как от чумной. В его заплёванных глазах откровенное удивление и испуг. А я, видя такое, вдруг начинаю визгливо хохотать, ещё больше пугая его.

— Ёбнутая, чёрт!! Трахнутая на всю голову ведьма...

Мансуров больше не трогает меня. Он мечется по палубе, что-то лихорадочно ищет. Вижу верёвку в его руках. Загитова, ты дура, думаю я. Но теперь уже поздно менять приоритеты.

Я уже не сопротивляюсь, когда Стих снова связывает мне руки. Просто сил для этого нет. Моё тело словно онемело. Я его не чувствую. Сижу, прислонясь к рундуку спиной, сквозь растрёпанные волосы, упавшие мне на лицо, смотрю на Рамиля.

— За убийство сесть не боишься? — спрашиваю. — Ведь найдут, рано или поздно. Одно дело шантаж и вымогательство, и совсем другое «предумышленное».

Тот косится на меня.

— А свидетели? Эта что ли? — Рамиль кивает в сторону Нисар. — Ей бы свою задницу прикрыть.

— Ты за свою бойся. Она у тебя уже пылает.

Мы так и сидим, разглядывая друг друга: я, и Мансуров на корточках передо мной. Тишина. Море от сих до сих. Легкий бриз. Даже не верится, что всё это происходит в реальности.

Рамиль тянет руку, откидывает мне со лба волосы. Почти что с нежностью.

— Странная ты. Всегда была странной.

— А ты всегда был дерьмом.

Кривая улыбка сквозь густую бороду перекашивает лицо Мансурова, и, на мгновение, я узнаю в нём прежнего Стиха.

— Мы могли бы быть отличной парочкой.

— Ну, это вряд ли. Ты слишком красавчик. Я таких не люблю.

Стих расцветает ещё больше. Господи, до чего мужики падки на лесть! Хуже баб.

— А помнишь, я говорил тебе, что мы будем вместе до самой смерти? Ведь как в воду глядел, подумать только.

Я в свою очередь криво усмехаюсь ему разбитыми губами.

— Смерти нет. Есть переход в другое измерение. Но я тебя и оттуда достану, если ты что-то сделаешь с Аськой.

— Ничего с ней не случится. По крайней мере, до тех пор, пока она не превратится в солидный банковский счёт в каком-нибудь островном филиале.

— Как ты можешь так говорить о ребёнке, который, возможно, твой? — не выдерживаю я.

Мансуров сначала не понимает, о чём речь, потом до него доходит. И тут он начинает ржать, как конь, аж слюнями брызгать.

— Это Нисар тебе наплела?

— Ну, не сама же я такое выдумала, правда?

— Да эта шалава сама не знает, от кого её выbleдок! Нас тогда человек шесть было, там

такой микс, мама не горю...

Мансуров вдруг захлёбывается своим смехом, и, даже я не успеваю ничего сообразить, когда Нисар дикой кошкой внезапно набрасывается на него сзади, и на всю длину, одним ударом, всаживает ему в шею иглу, одновременно давя на поршень шприца. У Рамиля глаза из орбит выкатываются. Он с рёвом вскакивает на ноги, бешено крутится, машет руками, в попытке сбросить с себя ношу. Наконец, это ему удаётся, и Нисар с грохотом падает в узкий проход кокпита. Тогда Стих со всей дури начинает лупить её ногами и кулаками, не переставая грязно поносить весь женский род, начиная с прародительницы Хавы.

Он убьёт её, в ужасе думаю я, и заставляю себя подняться. Ноги не держат, разъезжаются в разные стороны, в глазах двоится, но я всё же собираю остатки сил, и с разбегу врезаюсь плечом в Мансурова, отпихивая его от скрюченного на полу, тела сестры. Истощив запал, валюсь рядом.

— Нисар... Нисар, ты слышишь меня?

Она не отвечает. Её избитое лицо неподвижно, словно маска. Спутанные волосы в крови, губы разодраны. Господи, неужели он убил её?! Нет, кажется, дышит.

— Ссуки... ссуки... — Мансуров заговаривается. Вижу, что и координация у него уже поехала. Что она ему вколола, интересно? — Обоих утоплю, суки... И девчонку туда же... бабы, блядь, мрак один от вас... Чего разлеглась? Вставай, пошла! Первой будешь...

Рамиль за волосы поднимает меня и с силой пихает к борту лодки. Я копчиком ударяюсь о корму. Одним махом он ставит меня на край, и теперь я возвышаюсь над ним, а сзади только море. Один рывок, и всё.

И вдруг Мансуров спотыкается и начинает визжать, как резаный. Опускаю глаза и холодею от ужаса и отвращения: схватив Стиха за ногу, Нисар, впивается ему зубами в голую лодыжку и, самым натуральным образом, рвёт её. Рамиль орёт дурным голосом, дёргает окровавленной ногой, пытаюсь оттолкнуть от себя Нисар, но бесполезно. Тогда он замахивается на неё, и тут вижу зажатый в его кулаке массивный гаечный ключ.

У меня всего секунда на раздумье, да и той нет. С высокого борта я запрыгиваю на плечи Рамиля, петлёй накидываю свои связанные запястья на его поднятую руку, и что есть сил, тяну на себя, выворачивая её из сустава. Стих рычит, ревёт, борется с нами обеими в тесном пространстве лодочного кокпита. Но мы словно две гиены против буйвола — вцепились намертво.

И, всё же, Рамилю удаётся пинком отбросить от себя Нисар и локтём захватить мне в бок, отчего я съезжаю вниз по его телу, и повисаю на нём, как перевязь: одна моя рука под его подмышкой, другая обхватывает шею с головой, а скованные верёвкой кисти упираются ему в грудь. Теперь я панцирь на спине огромной, уродливой черепахи. Мы связаны намертво. Но Рамиль пока ещё этого не понимает, мечется, крутится юлой, в надежде сбросить меня с себя, и, вполне предсказуемо, что в какой-то момент он теряет равновесие, и мы валимся с ним за борт.

Он сильный. Он чертовски сильный. Он бьётся, как огромная рыба, вспенивая вокруг нас воду, ослепляя, дезориентируя. Пусть бьётся, пусть тратит драгоценный кислород. Я же, задержав дыхание, продолжаю виснуть на нём якорем и тянуть вниз. Мои связанные руки не дают ему возможности разорвать наш клинч и освободиться. Мои стиснутые вокруг него ноги сковывают ему движения. Мне остаётся просто ждать, когда он окончательно выбьется из сил.

В эту минуту я убиваю человека. Пусть даже ради того, чтобы дорогие мне люди жили,

но я убиваю, отбираю чью-то жизнь. И я плачу, смешивая свои слёзы с морской водой. Оплакивая его, оплакивая себя и свою почерневшую навсегда душу.

Вскоре тело Стиха расслабляется, он затихает в моих объятиях. Вот и всё. Всё кончено. Всё. Я кладу голову на широкое плечо, прижимаясь к Рамилю ещё теснее. Теперь мы похожи на двух влюблённых, которые медленно падают в бездну.

До самой смерти вместе, как ты и говорил когда-то.

Глава 41. Линара

Я уже бесконечно долгое время качаюсь на волнах, глядя в розовеющее предзакатное небо. Чайки проносятся надо мной белыми искрами. Хотелось бы мне быть такой вот чайкой и не знать забот. Так ведь нет: живи, Линара, человеком. Жри заботы ложкой, не подавись.

Глушу удушающую безнадёжность, которая уже начинает зарождаться внутри меня. Заставляю измученное тело перевернуться, собраться с силами и сделать очередной рывок вверх. И снова, сдирая кожу, падаю вниз, уходя с головой под воду. Боюсь, в один прекрасный момент, я просто не всплыву — не смогу.

Пропади всё пропадом. Я убила Рамиля, я победила Голиафа, можно сказать, а забраться в чёртову лодку не могу. Кормовой трап поднят, и, как бы я не старалась дотянуться до него, сделать это со связанными руками в одиночку нет никакой возможности. Обидно. Устало упираюсь лбом в пузатый борт лодки и снова во всю глотку ору:

— Нисаар!!

Нет, бесполезно. Не знаю, сколько я тут болтаюсь, как г...о в проруби, кружа, крича, стуча по борту. Она либо мертва, либо в отключке. Рук не чувствую, тело от холода заостенело, зуб на зуб не попадает. Еще немного, и я последую за Рамилем, как пить дать. Кстати, пить тоже хочется. Самая ужасная жажда — это жажда в море. И никакой бедуин не убедит меня в обратном.

И вдруг лодочный трос, которым я обмотала себя, не надеясь самостоятельно удержаться на воде, начинает дёргаться. Я вскидываю голову в отчаянной надежде:

— Нисар! Нисар!!

Из-за борта выглядывает изуродованное лицо сестры.

— Лина... — всхлипывает она. — Ты жива...

..

Мы с Нисар молча боремся с преградой чуть больше метра высотой, будто Эверест покоряем. Наконец, она за шкуру затаскивает меня в лодку. Я валюсь мокрой тушей на пол, не веря, что снова ощущаю под собой хоть что-то твёрдое. Первое, что я прошу — воды, и Нисар приставляет к моим побелевшим губам горлышко от бутылки с минералкой. Наверное, я выпиваю сразу литр, после чего мне становится совсем худо и меня рвёт.

Тело колотит от холода и смертельной усталости. Даже не замечаю, когда сестра притаскивает плед из каюты и натягивает его мне на плечи. Затем, примостившись рядом, она достаёт кухонный нож и начинает пилить размокшие на руках путы. Стараюсь не смотреть на это, потому, что нож в её руках ходуном ходит. Впрочем, порежь она сейчас мои запястья на ремни, я бы всё равно не почувствовала.

— Как Ася?

— Ей в больницу надо, — с трудом ворочая языком, говорит Нисар. Её и саму в больницу надо: у неё лицо распухло, как мяч. Кажется, ещё и нос сломан. Когда действие наркотиков пройдёт, она наверняка на стенку полезет от боли. Верёвки падают, и я валюсь на спину, воя в голос от ломоты в пальцах.

Нисар снова что-то тычет мне в стиснутые зубы.

— Вот, выпей.

— Что это?

— Водка. Согреешься.

Без раздумий делаю два больших глотка из фляжки. Кровь нехотя начинает разгоняться по телу. Я моментально пьянею, но согреваюсь.

— Где мы, знаешь?

— Нет, — качает головой Нисар.

— Понятно.

Я с трудом принимаю сидячее положение. Меня штормит. Но спиртное придаёт мне силы. Знаю, что это ненадолго, поэтому надо торопиться.

— Иди к Асе, — говорю сестре. — Делай всё, чтобы привести её в чувство.

— Лина!

— Что?

— Я не хотела... чтобы так...

— Потом, Нисар. Сейчас иди к дочери.

Сестра удручённо кивает и, пошатываясь, на четвереньках ползёт в каюту.

А я ползу к приборам, чтобы для начала разобраться, где мы. А потом попытаться вытащить нас из этого дерьма. И лучше бы мне это сделать поскорее.

**

— Девушка, девушка!

Я поднимаю голову. Почему фойе любой больницы сделаны так, чтобы ожидающие испытывали максимум неудобств? Причём что у нас, что за границей.

— Ваша сестра очнулась. Вы просили сообщить.

— Да, спасибо, — тру глаза, в которых словно песок насыпали. — А племянница?

— Стабилизировали, сейчас она спит. А сестру можете навестить. Вам помогли вызвать родственников?

— Да, они уже едут, спасибо.

— Хорошо. Вон, та палата. Только старайтесь не волновать вашу сестру, она ещё очень слаба.

Миниатюрная медсестричка торопится дальше, а я пытаюсь оторвать затёкшее тело от жесткого стула и, когда мне это удаётся, тащу его по коридору в палату.

Нисар лежит на койке, укрытая по самый подбородок. Голова забинтована, на носу накладка. Челюсть тоже зафиксирована. Господи, этот зверь на ней живого места не оставил. Впрочем, и я не лучше выгляжу: запястья перевязаны, на лбу огромный пластырь обтягивает шишку размером с яйцо, ссадины по всему телу замазаны зелёной, делаю меня похожей на воина маори в разгар военных баталий.

Смотрю на Нисар и сердце кровью обливается. Всхлипываю, держась из последних сил, чтобы не зареветь, и говорю первое, что взбредает в голову:

— А знаешь, мне никогда не нравился твой нос.

На что Нисар дёргается и мычит, видимо, по достоинству оценив мой чёрный юмор.

Говорить она не может, поэтому и спрашивать о чём-то бесполезно. А вопросов у меня скопилось тьма. На лодке вести беседы было некогда — имелись дела поважнее. И сейчас, видимо, тоже с этим придётся подождать.

Подтаскивая стул к кровати, сажусь, беру руку сестры в свою.

— С Асей всё будет хорошо. Она спит. Наши уже едут сюда.

— Ммм...

Мои нервы расшатаны и оголены, как провода под напряжением. Поэтому, не удивительно, что так и не могу сдержать слёз, глядя на Нисар, когда-то такую красивую, уверенную в себе, дерзкую, а сейчас сломленную, как сухое дерево на корню.

— Рамиля больше нет. Он больше не будет угрожать ни тебе, ни Асе. Ты свободна, Нисар.

Из глаз сестры тоже катятся слёзы, стекая на подушку. Я беру салфетку и осторожно промокаю их.

— Не плач. Всё будет хорошо. Теперь всё будет хорошо.

Но мы продолжаем разводить сырость, потому, что обе знаем, что «хорошо» не будет. Слишком много наворочено «плохого». И, всё же, главное, что мы живы, значит есть надежда на лучшее.

— Нисар!

В палату влетает Роксана, бледная, растрёпанная. На ней какое-то несуразное домашнее платье, туфли на босу ногу. Видимо, сорвалась из дома, в чём была. Я встаю со стула, уступая ей место. Но она не замечает меня, сразу бросается к дочери, тянет к ней ладони и тут же отдёргивает их, закрывает лицо и разражается горькими рыданиями.

— Тётя... Всё позади, тётя, — осторожно беру её за плечи, усаживаю на стул и иду наливать ей стакан воды.

..

Выхожу из палаты, когда убеждаюсь, что Роксана успокоилась настолько, что может держать себя в руках. Ответив на её многочисленные вопросы, на какие у меня есть ответы, и на какие я готова отвечать, оставляю мать с дочерью наедине.

Прикрыв за собой одну дверь, хромаю к другой. Осторожно надавливаю на ручку, толкаю, заглядываю в узкую щель одним глазком. Вижу Аську на кровати, которая слишком большая для неё. Она всё ещё спит. Уже не такая бледная, но всё ещё слабенькая и неподвижная. В её крохотной ручке торчит иголка от капельницы — бедная моя малышка. Я быстро прикрываю рот ладонью, сдерживая всхлипы. Всё на свете бы отдала, чтобы этого не случилось. Снова бы убила.

Заир сидит спиной ко мне, и всё равно я вижу, насколько он сломлен. Сгорбившийся, с поникшими плечами, с лохматой гривой спутанных тёмных волос — он так и не подстригся, не к месту замечаю я. Уверена, его глаза сейчас красные от скупых, мужских слёз. Ему больно. Милый, дорогой мой человек. Как же мне хочется облегчить твою боль, утешить, успокоить, прижать к себе...

Мои пальцы уже касаются створки, когда неожиданно узкий обзор перекрывает чья-то фигура. Не сразу соображаю, что это Марина. Она стоит передо мной в проёме, словно на страже своих владений, и молча сверлит меня взглядом. Мы несколько секунд пристально смотрим в глаза друг другу — удивительно, какие они у неё холодные. А потом дверь медленно захлопывается прямо перед моим носом.

Как многозначительно. Как мелодраматично. Вот так, без слов, одним движением, мне дали понять, где моё место. Оно не там, не с ними. И никогда не будет.

..

Чувствуя себя полной идиоткой, отхожу в сторону, смотрю в окно, но ничего не вижу за стеклом — перед глазами всё ещё Аська и сгорбленная спина Заира.

— Линара!

Оборачиваюсь. Со стороны лифта ко мне торопливо приближается Зотов. Лицо хмурое,

бледное, даже сквозь загар. Обычно сдержанный и хладнокровный, сейчас он выглядит взволнованным.

Подходит, смотрит внимательно, видимо, оценивая мои "боевые раны" на глаз профессионала. Когда видит перевязанные запястья и сломанные до мяса ногти, что-то зло бормочет про себя, чертыхается.

— Как ты?

— В порядке.

Кивает, кусает щёку, глядя по сторонам. Нервничает?

— Пойдём куда-нибудь, поговорим.

..

Сидим в кафе на первом этаже больницы. Кофе здесь гадостный — не люблю «Старбакс». Аркадий притулился напротив, шелестит пустой обёрткой от сахара-песка.

— А тебе можно?

— Что? — не понимаю я.

— Ну, кофе.

— А где Вы тут кофе видите? — спрашиваю и делаю глоток пойла из фирменного «ведра» Старбакса. По-другому эту посудину и то, что в ней, назвать трудно.

Зотов хмыкает, и лицо его перестаёт быть таким хмурым.

— Расскажи, как дело было.

Устало откидываюсь на спинку пластикового стула. Опять?

— Да Вы наверняка уже читали мои показания. Вы же общались с морской полицией.

— Читал. Общался. Но хочется от тебя услышать, лично.

Пожимаю плечами. Вкратце излагаю хронологию недавних драматических событий, уже заученную наизусть. В конце, подводя итоги, говорю:

— Мы оба упали за борт, я выплыла, Рамиль нет. Всё.

— У тебя были связаны руки, и ты выплыла. А он нет. Как так?

— Я хорошо плаваю, — спокойно отвечаю, глядя прямо в серые глаза Аркадия. — А он был под кайфом.

Нет, дорогой, ты никогда не узнаешь правды. За то, что я совершила, я буду отвечать только перед своей совестью, больше ни перед кем.

Зотов глядит на меня несколько долгих секунд и вдруг изрекает:

— Ты молодец, девочка.

Неожиданно. Я даже смущаюсь. Рассматриваю свои обломанные ногти.

— А вот Вы не очень, господин Зотов. Как так получилось, а?

Аркадий нервно проводит рукой по коротким волосам.

— Виноват. Не проинтуичил.

— Такое ощущение, что они следили за нами.

— Так и было. Видишь ли, Марина...

Он замолкает. А я вся подбираюсь:

— Марина — что?

— Она инстаграм ведёт. Уже много лет. Ежедневные фото, видео, комментарии... ну, ты понимаешь. Шоу. В общем, Мансуров выследил по ним ваше передвижение. И, скорее всего, ехал за вами от самого дома Юсуфа.

Чувствую, как «загрибок» мой «приподнимается».

— Что?! Она... она...

— Нет, конечно, не специально, не думай, — машет рукой Зотов. — Просто трагическая случайность. Ошибка.

— Ошибка? Ошибка, которая могла стоить нам жизни!

Ошибка, мать твою! Вспоминаю, как Марина практически весь наш маршрут выкладывала в соцсеть, пока мы ехали от Юсуфа. Немудрено! Выкрасть Аську из дома-крепости Челика, или из гостиничного комплекса, где всюду камеры и охрана, конечно же, проблематично. А вот в огромном ТЦ так запросто. Тем более, как матери, Нисар ничего не стоило подманить к себе Аську и незаметно умыкнуть её в толпе. Но Марина! Случайность? Ой, ли?

— Она уже покаялась перед Заиром. И перед всеми нами попросила прощение, — продолжает тем временем Зотов, крутя в руках недопитый «Старбакс».

А я недоверчиво шурюю на него.

— Как-то это всё странно, не находите?

— Не надо, Линара, — вскидывается Зотов. — Ты сейчас необъективна. В тебе говорит ревность...

Мои брови ползут на лоб, а Аркадий сконфуженно трёт щёку.

— Хочу сказать... Признайся, ты ведь равнодушна к Заиру, но... Чёрт... Пойми, он и Марина, они давно вместе. Заир сам вызвал её из Москвы, снял коттедж неподалёку, жил с ней там. В общем... Не хочу огорчать тебя, тем более обижать, только будет лучше, если...

Аркадий вдруг лезет в карман, достаёт мой паспорт и кладёт его передо мной. Я долго молчу, глядя на красный переплёт, осмысливая правду. Она горькая, как хинин. И сейчас мне предстоит проглотить её, не запивая.

Поднимаю глаза на Зотова.

— Это он попросил тебя?

Аркадий смотрит в сторону, с досадой мотает головой. Вижу, что ему не по себе.

— Прости. Ему сейчас тяжело. Поэтому. Все очень благодарны тебе, что ты, рискуя жизнью...

Звук, похожий на выстрел, прерывает Аркадия. Это я хлопаю ладонью по столу.

— Брось мне тут пузыри пускать, Зотов. Объясни!

С лица Аркадия слетает скорбное выражение. Оно становится жестким. Он смотрит прямо мне в глаза.

— Ты её сестра, — говорит сухо. — А Тураев твёрдо намерен засадить Нисар в тюрьму. Он будет настаивать на аресте.

У меня замирает всё внутри. Неужели он решил мстить? Зачем? Когда всё кончилось, зачем?!

— Нисар дралась, как волчица с Рамилом! — шиплю я на Аркадия, не желая привлекать к нам излишнее внимание других посетителей кафе. А хочется рвать и метать, кричать, доказывать, требовать!

— Но сначала она похитила дочь и подвергла её жизнь опасности, — шипит мне в ответ Зотов, тоже злясь. — Ещё час, и Аську бы не откачали.

Я затыкаюсь. Доктор ничего такого мне не говорил. Правда, упомянул о какой-то аллергической реакции, но я не вдавалась в подробности. Для меня главное было, что Аська жива.

— Но, как же Роксана? Юсуф?

— Думаю, Заир порвёт все связи с ними... с вами, — поправляется он, — когда упрячет Нисар за решётку. Это в лучшем случае. А в худшем...

— Опять война? — догадываюсь я.

Зотов кряхтит, потирает шею.

— Юсуф уже вызвал своих адвокатов. А мы своих. Консул на подходе.

Это действительно серьёзно. Забывшись, я кусаю израненные губы и мычу от боли.

— Заир не может не понимать, что даже за решёткой Нисар останется матерью Аси.

— Чего ты хочешь от меня, Линара? — не выдержав, разводит руками Зотов. — Что б я, как Господь Бог, ответил тебе на все вопросы этого несовершенного мира? Я могу только догадываться, что у Тураева в голове. Сейчас он так зол, и так взвинчен, что никого из вас видеть не может, сам себя боится, что не сдержится. Думаешь, мне приятна та миссия, которую он возложил на меня? Но я не только его работник, я ещё и его друг.

Беру паспорт в руки.

— А полиция, и прочее?

— Показание ты дала, все бумаги подписала, остальное оставь нам. Скоро здесь такая грызня начнётся, что только держись. Послушай, девочка, — Аркадий доверительно склоняется ко мне. — Заир карт-бланш тебе выдаёт, понимаешь? Уводит из-под огня. Шанс остаться в стороне от всего этого дерьма. Мой совет: пользуйся моментом, уезжай. Тураев тебя не тронет, в отличие от остальных. Живи спокойно дальше, как жила. В общем, Женя внизу. Он отвезёт тебя в аэропорт. Вещи твои уже в машине.

Даже так? Уж, не Марина ли их собирала? Тихонько стучу уголком паспорта по столу, раздумываю какое-то время, а потому выдаю, спокойно так:

— Спасибо за заботу, Зотов. Но я никуда не поеду.

— То есть?

Мне приятно видеть его удивление и растерянность.

— Моя семья в беде. Я должна быть с ними.

— Ты это серьёзно?

Встаю, с противным скрежетом двигая стул по плиточному полу, и наклоняюсь к сидящему Зотову.

— Передай Тураеву, — говорю тихо, — что если он так жаждет драки, ему придётся драться и со мной тоже. Посмотрим, кто кого.

Зотов ошарашенно моргает на меня своими сивыми ресницами и вдруг ухмыляется.

— Чёрт возьми, Линара, я недооценил тебя.

— Бывает, — хмыкаю в ответ, и хромаю к выходу, чувствуя, как Аркадий дырявит мне спину взглядом.

Как я его, а?! «Бывает...» Круто же? Ох, чёрт, губу опять прикусила...

Ну, теперь осталось дожидаться, когда до Тураева дойдут новости.

Глава 42. Линара

— Прекрати! Это больница, а не музей, здесь везде люди!

Но Заир не слушает меня, продолжает тащить за руку по коридору, ломясь в каждую дверь, что попадается у нас на пути. Мы перешугали уже половину медперсонала. Кто-то даже охрану вызвал.

Наконец, затормозив у открытого лифта, он толкает меня в пустую кабину, торкает кнопку, лифт закрывается и начинает спускаться. И тут Заир ещё одним ударом по панели останавливает его.

Мы в четырёх стенах, как в запечатанной коробке, один на один. Тураев проделывает свой фирменный фокус: то есть, загоняет меня в угол и нависает надо мной глыбой, подавляя, угрожая, пронзая своими чёрными очами, как лазерами. Того и гляди дыхнёт, и из ноздрей огонь повалит. Вот только я уже стреляный воробей. Меня на мякине не проведёшь.

— Ну, что, Нара, поговорим?

— Поговорим, господин Тураев.

Он тяжело дышит. Смотрит на меня страшными глазами, на мой лоб, наполовину залепленный пластырем, на ссадины, замазанные зелёной. И вдруг взгляд его меняется. Заир осторожно касается пальцами пяточка выбритых волос вокруг моей раны, потом по щеке сползает к разбитым губам.

— Жаль, что он не попался мне в руки, — зубы стиснуты, желваки ходуном ходят под натянутой кожей.

Он на грани. Хочется прикоснуться, погладить, расслабить его мышцы. До чего же ты доводишь себя, дорогой, любимый мой человек?

— Знай, его смерть не была лёгкой. Если это успокоит тебя хоть немного.

— Успокоит? — Заир моментально наливаясь яростью, чернея на глазах. — Успокоит?!!

Да, такого Тураева я ещё не видела. Он бьётся в этой тесной будке, как зверь в клетке: кидается на стены, колотит по ним кулаками, пинает ногами, кричит, плюётся ругательствами, как последний грузчик в порту. От его ударов кабина ходуном ходит. Я сжимаюсь в своём углу, прикрыв голову руками. Вот теперь мне что-то ссыкотно становится.

Наконец, он выдыхается.

— Почему?! Почему ты не уехала? Почему встала на их сторону?! — рычит он.

Мне жутко, но я смотрю прямо в его безумные глаза, налитые кровью.

— Они моя семья. Так же, как и ты с Асей.

Лицо Тураева перекашивается почти до неузнаваемости.

— Семья, которая выгнала тебя из дома, выбросила, как старый башмак! Опорочила! Забыла про тебя! Нахрен такая семья?!

— За последние дни я увидела, что семья может быть другой. И вот за ТАКУЮ семью сто́ит бороться.

Пересиливая страх, делаю шаг, беру лицо Заира в свои ладони, сразу чувствую ими вибрацию его ярости, обжигаюсь ею, но не отступаю. Продолжаю попытки достучаться до его разума.

— Прекрати это, Заир. Мансурова больше нет. Всё кончено. Всё! Понимаешь? Тебе

нужно только остановиться и не тащить всех нас в пропасть. Прошу тебя, Заир.

Он делает слабое движение, будто ласкается щекой о мою ладонь. Веки его опускаются, но дыхание продолжает быть рваным.

— Ты предала меня.

— Нет.

— Ты встала на их сторону! Ты предала!! Ты предательница!

Заир вырывается из моих рук и снова бьёт разбитыми костяшками по обшивке лифта, пачкая её кровью.

— Ну, хорошо, — не выдерживаю я. — А ты? Ты, сам? Смотри: у тебя изуродованная жена с переломами в одной палате лежит, а через стенку любовница дежурит у постели твоей дочери. Скажи, что ты делал со мной на крыше, если не предавал всех нас, а?! Скажи! Нет уж, смотри на меня! Смотри!

Дёргаю его за ворот рубашки, разворачивая к себе.

— Ну, нет среди нас безгрешных, слышишь? Нет! И быть не может! Мы не ангелы, мы люди! Мы чувствуем, любим, ненавидим, завидуем, ошибаемся! Твоя «идеальная» Марина навела на нас Мансурова. Ошибка? Я предала сестру, переспав с тобой. Ошибка? Нисар... ну, там вообще одна сплошная ошибка. Но она не дала Мансурову убить меня. Она его зубами рвала, в прямом смысле этого слова, чтобы не дать ему УБИТЬ МЕНЯ! Если бы не она, мен бы сейчас здесь не было. Как я после этого отступлюсь от неё, а? Скажи? Ну, же!!

Заира шатает. Он стоит передо мной сгорбившийся, оглушённый, с поникшей головой, словно боксёр, получивший ногаун.

— Заир...

Я снова беру в руки его лицо и заставляю посмотреть на меня.

— Не отбирай у нас семью, Заир. Я прошу тебя. Всё кончено. Всё будет кончено, если ты только этого захочешь. Захоти этого, прошу.

Он мутным взглядом глядит на меня, но я не знаю, видит ли. После приступа буйства, как правило, наступает оторопь, когда человек просто отключается от внешнего мира. Он двигается, смотрит, дышит, но в жизни не участвует. Должно пройти какое-то время, чтобы человек пришёл в норму, и его мозг смог бы нормально функционировать.

Я тянусь к его губам, хочу поцеловать, но не успеваю: лифт дёргается и снова движется. Останавливается. Двери открываются. Не сказав ни слова, Заир вываливается из него, едва не сбив с ног какого-то старичка в больничной пижаме, и, не оглядываясь, уходит проч.

Старичок, проводив Тураева испуганным взглядом, осторожно заглядывает в кабину. Заходит.

— Ты наверх, дочка, или вниз?

— Всё равно, бабушка, — говорю я устало, а сама смотрю на удаляющуюся спину Заира. Двери закрываются, отрезая меня от него, от мечты, от любви. Я поднимаюсь вверх. А, может, падаю вниз. Я не знаю. Мне всё равно.

**

— Ну, что?

Здесь целый консилиум, во главе со старшим сыном Юсуфа, который является хозяином крупной адвокатской конторы. Ещё парочка его сыновей — один моряк, другой пока что студент, присутствуют как группа поддержки. С ними я успела познакомиться только поверхностно, но уже уверенно могу сказать, что Заиру пришлось бы несладко в борьбе с такой сплочённой командой.

— Он требует, чтобы Нисар подписала документы о разводе, а так же об отказе от родительских прав и претензий на имущество, не оговоренное брачным контрактом. Второе: обязательное лечение в наркологическом центре до полного выздоровления. И третье: дорога в Москву для неё закрыта, до его личного распоряжения. Но Нисар может остаться здесь, в Турции. Тут еще несколько мелких требований, не суть важных, которые я не буду зачитывать.

Фарид снимает очки, откладывает бумаги и выжидающе смотрит на нас.

Дядя Юсуф тяжело вздыхает.

— Роксана будет просто убита этим.

— Давайте двигаться маленькими шагами, дядя, — говорю ему. — Нисар больше не грозит тюрьма, это главное.

Я единственная, кого мужчины допустили к обсуждению решения проблем Нисар. Остальных женщин — дочерей, жён и сестёр, выпроводили в фойе, где они, как пчелиный рой, кружат сейчас вокруг Роксаны, успокаивая и отпаивая её чаем, привезённым с собой.

Юсуф поворачивается ко мне, его лицо печально.

— Ты поговоришь с Нисар, дочка?

— Конечно. Она всё подпишет, обещаю.

— Ну, тогда можно считать, что дело улажено, — Фарид встаёт. — Пойду, переговорю с адвокатами Тураева.

— Хорошо. Иди.

Фарид уходит. А Юсуф опять вздыхает. Стул под ним жалостливо скрипит.

— Заир уже зафрахтовал спецрейс для перевозки дочери в Москву.

Опускаю глаза, боясь, что дядя заметит мои слёзы.

— Когда?

— Завтра.

Мысль, не дающая мне покоя последние сутки, формируется окончательно, и я отбрасываю сомнения.

— Дядя Юсуф, вы можете кое-что сделать для меня? Это важно.

— Конечно, дочка. Говори.

Я выкладываю Юсуфу свою просьбу. Он удивляется, но без разговоров соглашается помочь мне.

— Только пусть это будет между нами.

— Я понял тебя, дочка. Сделаем.

**

Прощаться с Асей мне не дали. Тураев вообще никого к ней не подпустил. Мы с Роксаной наблюдали из окна фойе второго этажа, как её на каталке везли к машине скорой помощи. Следом шёл Заир. Его сопровождала Марина. Зотов, Евгений и Игорь уже ждали и у другой машины.

Роксана тихо рыдала в платок, который был уже насквозь мокрым. Я стояла с ней плечом к плечу с совершенно сухими глазами.

Когда всех уже погрузили в машины, Заир обернулся и посмотрел в нашу сторону. Не уверена, что он нас видел, но я качнула ему головой на прощание. Заир не ответил. Сел в авто, и кортеж двинулся в путь.

— Ты ведь любишь его, да?

Я не удивляюсь вопросу тётки. Я уже ничему не удивляюсь, если честно. Когда ты

теряешь самое дорогое в жизни, тебя на самом деле трудно чем-то удивить. Потому, что твоя душа замирает. Леденеет. Перестаёт чувствовать, реагировать. Она не умирает, нет. Она просто впадает в зимнюю спячку. Но я знаю, что это не навсегда. Надо просто дождаться весны. Жить и ждать оттепели.

— Линара... — Роксана осторожно дёргает меня за рукав. — Я не против, если что.

Обнимаю Роксану за плечи, продолжая пустыми глазами смотреть на осенний пейзаж за окном.

— Пойдёмте, тётя. У Нисар скоро процедуры.

И мы с ней вместе медленно идём по коридору, деля друг с другом чувство потери, с которым нам теперь жить. Но мы выдержим. Мы семья.

.
Я соберу в букет свои потери,
Поставлю в вазу, буду любоваться,
Дожди прольют, в окно забьют метели,
Капели прозвенят, и лето вновь настанет,
Цветы потерь всё также будут свежи,
И через год, и даже через двадцать...

Глава 43. Линара

— Привет, сестрёнка. Это тебе, очередная посылка, — кидаю ей на колени пачку изрисованных детскими каракулями разномастных листов. — Прими и одобри каждый, с меня требуют твоих оценок и комментариев.

— Я скоро выставку детского рисунка открою. Смогу всю стену в отделении обклеить ими, как обоями.

Нисар смеётся, рассматривая творчество наших десятиуродных племянников и племянниц.

— Ну, так в чём дело? Вперёд! — подхватываю я. — Дети просто полны энтузиазма.

— И всё же, поумерь их пыл.

— Потерпи, скоро весенние каникулы заканчиваются, тогда и выдохнешь.

Присаживаюсь рядом на нагретую скамейку, под колышущиеся ветки цветущей магнолии.

Вокруг весна бушует, солнце, как сдурело — обливает всё вокруг жаром и невозможным сиянием. Без тёмных очков на улице находиться просто невозможно — ослепнешь сразу. Но Нисар это, кажется, ничуть не смущает. Запрокинув голову, она щурится на солнце, словно довольная кошка. Уточнение: потрёпанная, истощённая и, всё же, довольная кошка.

— Ну, как ты? — спрашиваю сестру.

— Хорошо.

Недоверчиво смотрю на её синюшный цвет лица. Следы от пластических операций ещё заметны. Кожа нездоровая, сухая, истончённая. От прежней Нисар мало что осталось, как внешне, так и внутренне. Вот, говорят, люди не меняются. Может, сами они и не меняются, но их меняют обстоятельства, это факт.

— Нет, правда хорошо, — уверяет меня сестра, замечая мой пристальный взгляд. — У нас тут новый доктор недавно объявился. Взаялся за меня всерьёз. Говорит, будет по мне вторую диссертацию писать.

— Такой умничка?

— Лучше спроси: «Такой красавчик?»

— Да ладно, правда что ли? — я, шутливо хлопая её по плечу.

— У него методика своя. На мне хочет испробовать. Я уже согласие ему дала.

— А кольцо? Нет-нет, сначала кольцо, потом методика.

Смеёмся. Вижу, что Нисар искренна в своём веселье. Это хороший признак, ибо, мы уже и не надеялись на благоприятный исход, настолько болезненно и тяжело проходило её лечение.

— Ты действительно уже лучше выглядишь.

— Леонид сказал...

— Леонид?

— Ну, доктор Леонид. Тут его фамилию никто выговорить не может, поэтому, просто «доктор Леонид».

— Ну, и?

— Сказал, что самое трудное позади. «Перевалили через гору», как он выразился. Теперь процесс ускорится.

— Это замечательно, сестрёнка.

Беру её за руку, крепко сжимаю.

— Выздоровливай скорей, а то Юсуф уже весь в нетерпении. Ходит неотступно за Роксаной, растопырив перья, токует, как старый толстый тетерев.

Нисар заливается смехом, представляя себе эту картину.

— Как у них?

— Всё хорошо. Все только тебя ждут, что б свадьбу сыграть.

— Я постараюсь. Ради них.

Нисар откидывается на спинку лавочки, снова подставляет лицо весенним лучам. На её губах играет таинственная улыбка.

— Знаешь, я так странно себя чувствую. Мне так многое хочется тебе рассказать. Именно тебе.

— Что ж, начинай. Нам давно пора поговорить.

— Это будет тяжёлая исповедь, не одного дня, Линара. Может, ты и не захочешь её слушать. Но, Леонид сказал, что я должна поделиться с кем-то, кого сама выберу. Я выбрала тебя, уж прости.

— После того, что мы с тобой пережили, я не удивляюсь твоему выбору. И готова тебя выслушать, сестра.

..

Я хожу к ней уже четвёртый день. Как психолог. Или, как священник у христиан. И слушаю, слушаю...

Иногда меня жуть берёт от её откровений. Я даже в какой-то момент сон потеряла. Но, в итоге, Нисар на моих глазах стала оживать. Словно я вытягиваю из неё яд, которым она была пропитана много лет, и тут же дотла сжигаю его своим участием и сопереживанием. В исповедях всё-таки есть свой смысл. Облегчить душу, очиститься, так это называется? Да, душа порой требует очищения. Просто вопиет о ней.

— Расскажи, что на самом деле тогда произошло между тобой и Мансуровым? — однажды спрашиваю я.

Нисар долго молчит. Но я терпеливо жду. Жду именно этого момента, к которому я неустанно подталкивала Нисар всё это время.

— Предыстория всё та же, — начинает она. — День рождения у Раиски. Только вместо випки я очнулась в каком-то притоне. В одной лишь замызганной футболке с чужого плеча, без трусов, зато с жутким токсикозом и неизвестно чьей спермой на ляжках. Лежу на полу, на коврик, тряусь вся, а Мансуров с гаденькой улыбочкой передо мной на диване вискарь попивает, на телефоне фотки разглядывает. Потом мне под нос их сует, листает и комментирует: «Это Вы с Казиком. А это с Витьком. А... этого я не знаю, как зовут, но здесь он уже на второй заход пошел. Как думаете, госпожа Тураева, пятьдесят кусков зеленых за всю коллекцию не слишком скромно? Можно по частям. Деньги на счет — фотка в корзину, гарантированно. Иначе господин Тураев будет иметь эксклюзивный набор поздравительных открыток пикантного содержания».

— Господи, Нисар... — я хватаюсь за сердце.

— Честно, меня тогда так крутило, что все равно на фотки было. Я весь коврик под собой облевала.

— Как ты вырвалась оттуда?

— Всё тот же Мансуров. Я же теперь для него дойной коровой стала, а за скотиной ухаживать принято. Умыл, одел, отвез, высадил за квартал от дома. Проводил без лишних

свидетелей.

— Ты заплатила ему?

— Ну, а куда мне было деваться?

— Он удалил фотографии?

Нисар молчит. Перебирает пальцами пояс больничного халата.

— Не знаю. По крайней мере, он отстал от меня. Но, к тому времени, мне уже было не до фотографий: я выяснила, что беременна. И понятия не имела от кого, от мужа, или...

Сестра замолкает, с силой мнёт пальцы — привычка, которую она приобрела не так давно. Видно, что ей тяжело вспоминать. А мне тяжело слушать. Но, я уже столько выслушала шокирующих подробностей её жизни, что, кажется, имея такой иммунитет, выдержу всё.

— Заир очень хотел этого ребёнка. А я уже заранее ненавидела его, зная, что он мог быть зачат кем-нибудь из тех подонков, что насильовал меня. Когда Аська родилась, я её даже на руки не смогла взять. Поэтому так...

Теперь многое становилось понятным.

— Почему ты сразу не сделала тест?

— А ты не догадываешься? Боялась. Что она не Заира. Я бы её тогда...

— Что? — в ужасе смотрю на сестру.

— Ты что, дурочка, подумала? — усмехается Нисар. — Я про другое: что я бы её тогда вообще семьи лишила, понимаешь? Мать никакая, да ещё отец неизвестно кто. Девочка-пылинка, практически сирота. А из Тураева отец просто чудесный вышел. Не хотела рисковать, не хотела знать правду. Да и Заир неизвестно как бы отреагировал, если бы узнал. Но ничего хорошего из этих знаний уж точно бы не вышло.

Настал мой черёд.

— Нисар. Мне надо тебе признаться кое в чем.

— Ну, наконец-то! — сестра театрально всплещивает руками. — А я всё думаю, когда ты начнёшь мне в своих грехах каяться? А то всё я, да я. Ну, колись, сестрёнка.

Я вытаскиваю из сумки конверт.

— Я эту бумажку уже два месяца с собой таскаю. Это результаты теста. Ася дочь Заира, без всяких сомнений.

Сестра недоверчиво берёт конверт, разворачивает, читает.

— Как?..

— Юсуф помог. Когда вы с Аськой в больнице лежали. Заир тогда тоже анализы всякие сдавал, ну, и... Конечно, это незаконно... Ну, в общем, прости, что без вашего с Заиром согласия.

— Линара... — листок в руках Нисар дрожит. — Спасибо, сестрёнка. Господи, спасибо!

Она кидается мне на шею. Чувствую через тонкую ткань кофточки, как моё плечо становится мокрым от её слёз.

— Ты не представляешь... — бормочет Нисар, а я, успокаивая, тихонько хлопаю её по спине, давая возможность выплакаться.

Жить с таким грузом, постоянно иметь перед своими глазами напоминание о том, что с тобой сделали, всё время сомневаться и бояться узнать правду, это ли не кошмар? Ненавидеть собственного ребёнка, это ли не ад? А Нисар из года в год жила в таком аду и знала, что сама обрушила его на себя. Ужасно. Ужасно...

— Где ты снова встретила Рамиля? — продолжаю пытаться я, так как мне ещё многое надо выяснить.

— В Эмиратах. После родов меня разнесло, как корову. Решила красоту навести. Там он с какой-то бабой был, но быстренько на меня переключился, и всё понеслось по новой. В общем, я не смогла спрыгнуть после того раза. Вся моя жизнь полетела к чертям.

Нисар качает головой, зарываясь пальцами в волосы.

— Ты не пыталась завязать?

— Была пара неудачных попыток. Последний раз, когда Тураев пригрозил разводом, я поклялась ему Аськой, что завяжу. Развода я не хотела. Как ни крути, я любила Заира, не представляла, как буду без него. В общем, я уже и с клиникой договорилась. Но тут позвонила Марина, пригласила в клуб. Сначала я отказывалась, но она больно уж настаивала. Я пошла, а там целый девичник, ну и... Очнулась дома лишь на следующий день, уже ближе к полудню, ничего не помня. Тураев сказал, что меня Марина привезла.

Марина. Я вспоминаю её белое, размытое сумерками лицо с кривой ухмылкой.

— Расскажи про неё.

— Марина... — Нисар смотрит куда-то в сторону, обдумывая ответ. — Марина умела вползать в душу, как змея. Так же и в постель к Тураеву вползла. Сука. Я потом только узнала, что они переспали как раз в ту ночь, когда она привезла меня домой. Я даже подумала...

— Что?

— Понимаешь, я тогда рассказала ей и про клинику, и что завязать собираюсь. Поэтому пила только сок, ни капли спиртного. Но в какой-то момент меня просто вырубил.

— Думаешь, она что-то подмешала тебе в напиток?

— Не удивлюсь. Она ведь давно глаз на Заира положила. Я знала. Это даже забавляло меня. Потому, что и Тураева я тоже знала: к моей подруге он не притронется. И, действительно, продержался он довольно долго.

— И всё-таки это случилось.

— Случилось, — Нисар снова теребит свой поясок. — Понимаешь, дело не в том, что они переспали — у Заира и до Марины были женщины, в наших кругах это вообще норма, там верных нет. Паршиво то, что с той ночи он твёрдо решил развестись со мной. Мало того, так ещё и родительских прав лишить меня вздумал. Всё потому, что я клятву не сдержала. А клялась ведь самым дорогим. Мама тогда сильно расстроилась. Плакала, кричала на меня, обвиняла. А у меня крышу совсем снесло. Решила, во что бы то ни стало удержать Заира, не допустить развода. Ну, остальное ты знаешь.

Знаю, но ещё не всё.

— Куда ты пропала, когда мы с Асей уехали?

— Ааа... — Нисар невесело усмехается. — Всё из-за флешки. Когда выяснилось, что я её потеряла, Мансуров чуть не убил меня. Избил до полусмерти. Я ему, видишь ли, все планы порушила. Нам пришлось залечь на дно, прятаться и от Калугина, и от боссов Рамиля, и от Тураева — от всех, короче. Стих добыл где-то лодку, и мы дрейфовали на ней по этой солёной луже, именуемой Средиземным морем, пока он раздумывал, как подобраться к вам, чтобы выкрасть Аську и свалить куда-нибудь за бугор. Я почти всё это время в беспамятстве провалялась, избитая и обколотая. Чуть не сдохла на этой чёртовой лодке. Теперь просто ненавижу море!

— Как вы выследили нас?

— Марина. Со своей манией инстаграмить. Чего проще?

— Тебе не показалось, что она специально навела вас на Аську?

Нисар внимательно смотрит на меня.

— Зачем ей это?

Я бы могла сказать Нисар, зачем. Но не скажу. Поэтому просто пожимаю плечами. Она тоже дёргает плечом. Мы замолкаем на какое-то время, погружаясь в собственные невесёлые мысли.

— У них, вроде, скоро свадьба, знаешь?

Я знаю. Марина трубит об этом в каждом своём посте. А я, словно мазохист, рассматриваю её фотографии из бутиков, где она примиряет свадебные платья, с тайной надеждой хоть мельком увидеть лицо Заира или Аськи. Но их нет.

— Дурак Тураев, — вдруг выдаёт Нисар. — Марина не для него.

Осторожно поглядываю на сестру, боясь выдать интерес к теме.

— Почему ты так думаешь?

— Как тебе объяснить? Заир слишком... ммм... Он как раскалённая лава. Вот течёт лава, натывается на снежный сугроб, проносится по нему, и тот исчезает, испаряется бесследно, ничего после себя не оставив. Вот Марина и есть тот сугроб. Она ничто. Пустота. А вот когда лава сползает в море, соединяется с солёной водой, наступает сильнейшая химическая реакция, происходит мощный взрыв. Но постепенно море остужает лаву, и та превращается в обсидиан. В целые горы обсидиана. В целые острова. Идёт процесс созидания, понимаешь? Вот, какая женщина ему нужна, а не Марина.

Удивительно, как мы искренне верим в то, что лучше знаем, что нужно другим. Но Заиру виднее, какая именно женщина ему нужна. Он выбрал Марину. Сугроб она там, или не сугроб, однако именно с ней он собирается идти по жизни дальше. И с этим ничего не поделаешь.

Улыбаюсь, отгоняя грустные мысли прочь.

— Скажи-ка, сестрёнка, откуда вдруг в тебе такие природоведческие познания?

— Доктор Леонид просвещает. Он пантеист (*Человек, отождествляющий Бога с природой. И наоборот). Очень многое объяснил мне на примере природных явлений. Рассказывает — заслушаешься просто.

— Или засмотришься. Если Леонид это вон тот греческий бог в белом халате, то и я не прочь присоединиться к вашим лекциям.

Нисар оборачивается.

— Ага, тот самый. Эй, я здесь!

Белокурый Аполлон в докторском прикиде, заметив нас, приветливо машет рукой и неторопливо направляет свои стопы в нашу сторону.

— Скажите-ка, это где таких докторов выращивают, а? А клонировать его можно? — спрашиваю, толкая в бок сестру, которая вся просто светится улыбкой.

— Не-а. Когда его слепили, матрицу уничтожили. Единственный экземпляр. И тот мой. Так что, не повезло тебе, сестрёнка.

— Не повезло, — усмехаюсь с лёгкой грустью, глядя на этих двух влюблённых.

Подумать только, какими порой мучительными, кривыми путями, судьба ведёт нас к счастью?

**

Мы снимаем с тётей небольшой домик на двух хозяев в Стамбуле. Денег нам пока

хватает. Юсуф настоял, чтобы лечение оплачивал он, мы, естественно, не возражали — не в том мы положении, чтобы кочевряжиться.

Заир обрубил все денежные потоки, не дожидаясь официального развода. Осталось только имущество тётки в Новороссийске, кое-какая мебель и вещи в московской квартире, принадлежащей Заиру, ну, и то, что причиталось Нисар по брачному договору. А это «крохи», по понятиям Роксаны. Хотя я, например, могла бы жить на них припеваючи лет десять, наверное.

С Нисар было невыносимо тяжело. Врачи долго не решались делать ей операцию на лице, поскольку организм оказался слишком истощён наркотиками. Кости уже начали срастаться неправильно, а этого нельзя было допускать. Нисар впала в сильнейшую депрессию. Вдобавок, у неё началась ломка. Это было страшно. Мы с тёткой не отходили от неё, дежуря по очереди и днём, и ночью. Семья Юсуфа очень помогала. Весь быт на себя взяли женщины: еда, лекарства, одежда, всякие мелочи — всего этого у нас было в избытке и в любое время, спасибо им.

Долгожданную операцию, наконец, провели. Наступило время реабилитации, утомительное, тягучее, бесконечно долгое. И опять мы с тёткой, практически, жили в палате Нисар. Было всё: слёзы, ругань, истерики, угрозы, молчание сутками. Не знаю, как мы с Роксаной выдержали это. Но как-то выдержали.

Когда Нисар перевезли в Стамбул и поместили уже в наркологическую клинику, Юсуф нашёл нам дом неподалёку. Мы продолжали навещать Нисар, однако там уже нас не подпускали к ней близко. По большей части, приходилось общаться с врачами. Но всё, в общем-то, шло по тому же сценарию: недолгое просветление сменялось затяжной депрессией, подъём и вновь упадок. Казалось, это никогда не кончится.

Естественно, оставить тётку одну в такое тяжёлое время, я не могла. И о том, чтобы съездить в Москву не заходило даже речи. Однако теперь, когда Нисар уверенно пошла на поправку, я уже стала думать о возвращении домой, поскольку дел там накопилось немало.

Если на счёт работы я без проблем договорилась по телефону, то вот с квартирой всё оказалось сложнее: для продления договора аренды хозяйка настаивала на личной встрече. Да и с Роксаны адвокаты чуть ли не каждую неделю требовали, чтобы она вывезла вещи и мебель из московской квартиры, так как та уже была выставлена на продажу. Тётка искренне огорчалась, после очередного такого электронного письма:

— И чего Заиру неймётся? — сетовала она, снимая очки и закрывая свой ноутбук. — Ну, продаст он эту квартиру на полгода позже, что с того? Можно подумать, ему жить негде. А мне сейчас ну совсем недосуг этим заниматься!

— Давайте я улажу, тётя, — говорю, складывая в холодильник продукты, только что купленные в магазине. — Составьте список вещей, которые вам нужно будет переслать сюда, остальное свезу на склад.

— Правда? Ты это сделаешь? Ох, детка, ты бы меня так выручила!

И я засобиравшись в Москву.

..

Мы стоим в аэропорту Стамбула. Тётка суетится, листая маленький блокнот и что-то деловито черкая в нём. На табло уже высвечивается информация о посадке на мой рейс.

— Так, ключи я тебе отдала. Список отдала. Адреса и телефоны агентств тоже. Мой адвокат будет ждать тебя в понедельник, не забудь. Хмм... Ну, вроде всё. Будут вопросы — звони в любое время.

— Хорошо. Ну... До свидания, тётя.

— До свидания, моя хорошая, — Роксана крепко обнимает меня, незаметно смахивая слёзы с глаз. — Обещай, что подумаешь над моим предложением, ладно? Юсуф устроит тебе любые курсы, а потом и на работу возьмёт. Жить будешь, где захочешь — с нами, или отдельно, как пожелаешь.

— Я подумаю, обещаю.

Мы снова обнимаемся, крепко стискивая друг друга, как самые дорогие на земле люди, не обращая внимания на мимолётные взгляды, время от времени кидаемые на нас со всех сторон.

— Спасибо, дочка, — шепчет мне тётя.

— Спасибо, мама Роксана.

Пусть даже люди не меняются в принципе, их меняют обстоятельства. А общая беда и боль сплавивает, спаивает в единый кусок, как расплавленное олово, которое уже невозможно разделить.

Я ухожу по огороженному стойками коридору вместе с толпой отлетающих пассажиров. Чувствую щемящую, но светлую грусть. Теперь я не одна. У меня есть семья, которая стоит за моей спиной, крепко подпирая её, и не даёт упасть.

Глава 44. Заир

Не отрываясь, смотрю на заснеженный город за стеклом небоскрёба. Не обращал никогда внимания, но сейчас заметил интересную деталь: город темнеет снизу вверх. Сначала сумрак разливается, как чернила, по асфальту, затопляя собой улицы. Потом карабкается по серым стенам домов всё выше, выше. Внизу уже ночь, светят фонари, в домах зажигают лампы, а тут, на верхотуре, небо всё ещё играет с последними лучами заходящего солнца. Почему я заметил только теперь то, что было всегда перед глазами?

Зотов входит без стука. Отрываюсь от созерцания московского вечера, поворачиваюсь к нему.

— Ну, что?

— Вот. Слушай сам.

Аркадий кладёт на стол телефон, включает запись. Слушаю. Ничему не удивляюсь. Собственно, это только подтвердило мои догадки. Подхожу к столу, задумчиво стучу подушечками пальцев по полированной столешнице.

— Что в Стамбуле?

— Не очень. У Нисар опять кризис. Женщины не отходят от неё.

Я думаю несколько минут. Беру телефон, набираю знакомого врача.

— Здравствуйте, Глеб Иванович. Тураев беспокоит.

— Добрый вечер, Заир Самирович.

— У меня к Вам вопрос имеется. Есть ли у Вас на примете хороший специалист-нарколог, практикующий в Турции? Очень надо.

— Хмм... Дайте время. Я перезвоню.

— Спасибо. Буду ждать.

Отключаюсь. Смотрю на Аркадия.

— Она здесь?

— Да. Ждёт в приёмной.

— Позови.

Марина входит в кабинет. Тёмно-синее пальто, светлые волосы подняты в высокую причёску, на красивом лице замаскированное любопытство. Холодна. Сдержана. Да, после возвращения в Москву наши отношения претерпели существенные изменения, хотя это не мешает ей продолжать грезить о свадьбе: я видел её фотографии в инстаграм, где она примеряет белые платья одно за другим. И комментарии к ним, которые не имеют ничего общего с правдой, тоже читал. Интересно, зачем она это делает?

— Что за срочность, Заир? Мы же должны были встретиться в ресторане только через два часа.

— Сядь.

Удивлённая моим тоном, Марина усаживается в кресло напротив письменного стола.

Включаю запись. Сам возвращаюсь к окну, где в отражении толстого стекла, как в зеркале наблюдаю за реакцией женщины.

«— Здравствуй, Марррина...»

Она как ужаленная подскакивает с кресла и кидается к столу.

— Сядь!! — рявкаю я. Марина падает назад, и вся словно сжимается, а запись безжалостно продолжает разоблачать её гнилую сущность.

— Какого чёрта, Стих? Я велела тебе не звонить мне!

— Вот что, лапуля. Велеть будешь любовничку своему, а меня слушать: приведёшь мне девчонку, поняла?

— С ума сошёл?! Как я это сделаю?

— Похер, как. Но бабки мне платишь либо ты, либо Тураев. Выбирай.

— Ты знаешь, что у меня нет таких денег.

— Зато у тебя есть вариант номер два. Думай, лапуля, думай. И быстрее шевели своей аппетитной попкой, иначе Заир узнает, какими методами ты добываешь себе титул миссис Тураева-дубль-два.

— Подонок!

— Ты не оригинальна. И, кстати, пора бы уже пополнить счёт. Дурь для Нисар недёшево обходится, а я поиздержался тут немного.

— Хорошо. Я что-нибудь придумаю. Только не звони мне больше.

— Дашь мне знать через свой блог, где и когда. Поняла?

— Да.

— Умница, Марррина...»

Запись заканчивается.

— Заир, я...

— Слушай меня, — прерываю свою уже бывшую любовницу. — Я не буду мстить. С одним условием: когда я обернусь, вместо тебя я хочу увидеть здесь пустое кресло. И ни дай Бог попадётся мне на глаза ещё хоть раз, даже случайно, тогда пеняй на себя. А теперь: пошла!

Слышу, как шелестит её пальто. Потом торопливый стук каблуков, и хлопок дверью. Не оборачиваясь, откидываю створку узкой форточки, впуская внутрь студёный воздух, который тут же, без остатка, съедает запах духов Марины. Всё. Пусто. Как небывало.

Звонок прерывает мои невесёлые мысли. Смотрю на имя абонента, отвечаю.

— Слушаю, Глеб Иванович.

— Нашёл я тут одного. Не турок, правда, грек. Леонид Димитракопулос. Статья недавно у него вышла, очень, очень качественная. Практика в Текирдаге, но мобилен, насколько мне известно.

— Пришлите мне его координаты, пожалуйста.

— Хорошо. Это для Нисар?

— Да.

— Как она?

— Сложно. Но я работаю над этим.

— Что ж. Удачи.

Мы прощаемся.

Зотов снова входит без стука.

— Марина ушла.

— Марина? Не знаю такой. Смотри, надо одного доктора внедрить в клинику к Нисар. Черкасов сейчас данные пришлёт. Подумай.

— Понял.

Опять снег пошёл. Какая долгая зима. Без неё. Без тепла её рук, без сияния её глаз. Но я

дождусь. Дождусь весны и солнца. Дождусь её.

..

— Ну, что? — вопросительно смотрю на Зотова, который только что закончил разговор со своим осведомителем в Стамбуле.

— Дела пошли на лад.

Сдержанно улыбаюсь.

— Возвращаться не думает?

— Пока нет. Но добавим, Заир, добавим. Никуда она не денется. У неё договор на квартиру заканчивается, так что по любому ей в Москву надо.

Киваю.

— Подождём...

..

Открываю своим ключом квартиру. Захожу. Женщина из клининговой компании убралась здесь недавно, постелила на кровать бельё, что я сам купил. Шёлк. Вот уж русалка удивится! Усмехаюсь, представив себе её лицо.

Беру стакан, наливаю воду из-под крана, поливаю кактус. То есть фикус. «Фикус Бенджамина», читаю на полустёртой этикетке. Линара даже не пересадила цветок из магазинного кашпо, «хозяка», тоже мне.

Смотрю в окно. Зима опять выюжит. Но скоро, скоро...

..

Звонок.

— Привет, Заирчик. Это я.

— Да, Ирина Витольдовна. Есть новости?

— Есть! Линка звонила, в пятницу прилетает. Просила еды купить.

Собственно, я уже знаю, что Линара возвращается. Но всё равно, сердце снова и снова подпрыгивает от радости, как на батуте. Готов расцеловать всех: Ирину, Зотова, Колю, уборщицу в офисе... Всех!

— Спасибо, Ирина Витольдовна за оперативность. Насчёт продуктов не беспокойтесь, я сам всё устрою. С меня два билета на «Лебединое», как и обещал. Пришлю сегодня же с курьером.

— Ой, спасибо, Заирчик! Ты мой зайка, повезло же Линке...

Не дослушав, отключаюсь. Мы с Витольдовной прямо подружками стали. Эта запитая, потрёпанная путана, просто тащится от балета, могла бы часами о нём говорить, если бы я периодически не прерывал её, переводя разговор на Линару. Из этих разговоров я много чего подчёрпнул.

Например, что у Линары до меня было всего два парня. Причём первый был девственником, как и она сама. И в один прекрасный новогодний вечер они просто договорились по-дружески лишить себя такого затяжного «счастья». Со вторым Линара встречалась почти год. Студент-медик. Уехал потом куда-то на север, когда закончил учёбу.

— И что, больше никого не было? — с потаённым страхом и надеждой спрашиваю я.

— Не-а. Я предлагала познакомить её с кем-нибудь — о, у меня такие экземпляры водились, закачаешься! Не, правда! Но Линка только отмахивалась. Жила, как монашка, и это с её-то данными! — вздыхает сердобольная соседка, стрясаая пепел в блюдце, потому, как пепельницы в квартире Линары, где мы с Ириной иногда коротали уютные зимние вечера за чашкой чая, так и не нашлось.

..

Она прилетела в один из мартовских ненастных дней. Погода была просто препаршивой. Я переживал, что рейс отменят, или ещё что. Но, слава Богу, наши славные пилоты справились на ура.

Долго ждал выхода пассажиров. Наконец увидел Её. Вот она. Моя русалка. До боли родная. До скрежета в зубах желанная. Любимая. Янтарная моя девочка. И снова дежавю — ни подойти, ни обнять, ни прижать к груди. Стою в стороне, смотрю издали, страдаю. И улыбаюсь одновременно от переполняющего меня счастья. Держись, Тураев. Сейчас ты должен всё сделать правильно.

Линара проходит мимо меня, катя за собой небольшой чемоданчик. В какой-то тонюсенькой курточке, в сапогах, скорее демисезонных, чем зимних, в вязанной шапке с помпоном, шея замотана в шарф. А на улице минус, ветер, снег...

Шубу куплю. Норковую. Заверну в неё, что б только нос один торчал. И сапоги на меху до колен. Впрочем, можно и так, всё равно на руках носить буду всю оставшуюся. Лыблюсь как идиот, от своих мыслей, следом иду, взглядом её между лопаток сверлю, пока она в такси садится.

Едим долго, часто стоим в пробках. Я точно за их машиной, никого между нами не пропускаю. На помпон от её шапки всю дорогу люблю. Наконец, подъезжаем к дому. Наблюдаю, как выходит перед своим подъездом. Устала моя русалка. Вымоталась. Волоком тащит чемодан, а тот бултыхается по намерзшей наледи из стороны в сторону. Того и гляди сам свалится и хозяйку за собой потянет. Линара протискивает его кое-как в подъезд, и дверь за ней захлопывается.

На улице ещё день, но пасмурно. Да и во дворе старых хрущовок всегда сумрачно, поэтому жду, когда она зажжёт лампу в комнате. Морщу лоб, вглядываясь в верхние этажи через лобовое стекло. Ага, вот. Уютный жёлтый свет полился из окна. Штора колыхнулась за Бенджамином. Ну, всё. Русалка моя дома.

Утыкаюсь лбом в руль, закрываю глаза и выдыхаю. Ещё одна ночь, и всё. Дождался ты, Тураев. Дождался.

Глава 45. Заир

Март в Москве это ещё один зимний месяц. С ветрами, сырыми снегопадами, тёмной слякотью и непременными сосульками — это чтобы мы не забывали, что на дворе всё-таки весна.

Моя турецкая курточка не спасает от ветра и мокрого снега, который встретил меня по прибытию. Вообще, мы, пассажиры, даже боялись, что рейс развернут из-за непогоды куда-нибудь на запасной аэродром. Но всё обошлось.

Такси я заказала заранее, поэтому с этой стороны проблем не было. А ещё я похвалила себя за предусмотрительность, потому, что заранее позвонила Ирке-соседке, которая следила за квартирой в моё отсутствие, и предупредила о своём возвращении, а так же попросила купить для меня что-нибудь съестное — молоко там, яйца, хлеб. Не представляю, как бы я сейчас потащилась в магазин, с вытаращенными от голода и бессонницы, глазами.

Поковыряв, с непривычки, в замке ключами дольше обычного, я открываю дверь, захожу в квартиру, включаю свет и оглядываюсь. После многомесячного отсутствия, она показалась мне вполне жилой и на удивление чистой. Когда мы с Аськой уезжали, я в спешке оставила за собой приличный бардак, однако, сейчас моя однушка сияла чистотой. Даже мой когда-то чахлый «фикус Бенджамина», одиноко стоящий на подоконнике, заметно подрос и окреп. Мне кажется, мой отъезд только пошёл ему на пользу.

Отставив чемодан в сторонку, я разделась и поковыляла в ванную. Соблазн влезть с головой в горячую воду был велик, но кушать хотелось больше. Поэтому ограничилась быстрым душем. Но вот заглянув в холодильник, я малость оторопела. Мясная нарезка, заливная рыба... а это что? Даже не знаю, как называется, но выглядит аппетитно. Ирка сдурела что ли? В ресторане мне еду заказала? Ладно, потом ей деньги отдам, думаю я, пока с энтузиазмом мечу на стол харчи.

— Мммм... — у меня глаза закатываются от восхитительного вкуса.

Я, не стесняясь, уплетаю деликатесы за обе щёки, запивая их превосходным белым вином, и повышая Иркин статус от «Блудливой коровы» до «Волшебницы-крёстной».

Наверное, она в чём-то проштрафилась передо мной, поэтому откармливает, чтобы задобрить, к такому выводу я прихожу, отваливаясь на кухонном стульчике и допивая остатки вина из чайной чашки. Что ж. Она добилась своего. Заранее прощаю ей все грехи.

Засыпать я начала прямо на стульчике, поэтому быстренько ползу в кровать. Последняя мысль была: «Я что-то не помню этих простыней. Шёлк? Да ну, не может...»

..

Хмурое утро я провела, обзванивая по списку агентства по перевозке крупногабаритных грузов в складские помещения. Результат удручал: никто ничего скоро не обещал. Самое ближайшее — через две недели. Собственно, что-то подобное я и ожидала. Зато с адвокатом, забрасывавшим тётю письмами, договорилась на удивление быстро. Он сказал, что будет ждать столько, сколько нужно.

— Спасибо, — поблагодарила я его и, сильно озадаченная такой покладистостью, положила трубку.

Набрав следом Роксану, я отрапортовала ей о первых результатах и, получив от неё десятиминутный отчёт о прошедших часах после моего отъезда, направилась, собственно, на саму квартиру, чтобы хоть с чего-то начать.

Прикупив по дороге внушительную пачку картонной упаковки, с которой мне пришлось тащиться в метро, а потом с трудом протискиваться в двери подъезда, я поднимаюсь на второй этаж и предвкушаю сомнительного рода удовольствие от того, что мне сейчас придётся рыться в чужих вещах. Впрочем, у тётки работала горничная, так что не я первая.

Фуф! Я прислоняю пачку к стенке, отмыкаю замок, втаскиваю себя и пачку внутрь, и... Картонки выпадают у меня из рук, и грохот эхом разносится по совершенно пустой квартире.

Впрочем, не совсем пустой.

Стуча подошвами по голому шпоновому полу, я медленно подхожу к белому дивану, одиноко стоящему посередине большой светлой комнаты. Перед ним столик старинной работы, на нём ваза, с роскошным букетом тигровых лилий. А под ним, на инкрустированной перламутром столешнице, два красно-оранжевых мандарина.

Машинально стягиваю с себя шапку, шарф — они тоже падают на пол, а я, как лунатик, обхожу кругом диван, глажу пальцами его кожаную обивку, трогаю нежные лепестки лилий, перламутр на столешнице, беру мандарин и подношу к лицу. Сажусь на диван и, закрыв глаза, вдыхаю запах, который для меня навсегда слился с образом той безумной лунной ночи на вершине мира.

Лёгкий скрип, и последующие за ним звуки шагов, заставляют меня открыть глаза.

Заир стоит, прислонясь широким плечом к косяку двери, в чёрном пальто, припорошенном снегом, который уже начал таять и превращаться в капельки дождя. В его тёмных коротких волосах тоже сверкают капли. Его руки спрятаны глубоко в карманах.

Он смотрит на меня неотрывно. А я на него. Мандарин вдруг выпадает из моих ослабевших пальцев и катится к нему. Наклонившись, Заир подбирает его, кладёт в карман, подходит, с тяжёлым вздохом встаёт передо мной на колени, берёт мои ладони, разворачивает кверху и неторопливо гладит. А потом утыкается в них лицом, опалая кожу горячим дыханием. Неподвижно сидим так какое-то время. Я наклоняюсь и касаюсь губами его макушки.

— Я ждал тебя.

Прикрываю глаза. Господи, как давно я не слышала этот голос. Как я скучала!

— Правда? — трюсь щекой о его волосы. Они влажные и прохладные, и пахнут снегом.

— Правда. Почему так долго не приезжала?

— Я нужна была там.

— Здесь ты тоже нужна. Мне. Нам.

Заир поднимает голову, смотрит на меня, дотрагивается до моих волос, бровей, щеки, словно проверяет: не сон ли я?

— Поехали?

— Куда?

— Домой. Аська ждёт. Целыми днями ходит в розовой драной юбке, машет кривой палкой и углы заговаривает. Честно, мне уже жутко от этого делается.

Я смеюсь. Но смех мой быстро прерывается.

— А как же Марина?

— Нет никакой Марины. С тех пор, как я узнал тебя — никого нет. Только ты. Всюду ты. Всегда ты. Даже во сне.

Не могу сдержать улыбки, смущаюсь, краснею от осознания накатившего вдруг счастья — такого нежданного, негаданного. В смятении прячу глаза, в которых уже скапливаются

сентиментальные слёзы. Оглядываюсь, не выпуская из рук его горячую руку, которая тоже крепко сжимает меня.

— Значит, квартира это лишь предлог?

— Ну, мне же надо было как-то вытащить тебя из тёплой Турции в холодную Москву.

— А просто позвонить? Нет?

Упрёк? Ну, так, небольшой. Я порой мечтала, чтобы он хотя бы случайно набрал мой номер, сказал пару слов...

— Как бы я просил у тебя прощение по телефону, не видя твоих глаз?

— А ты хочешь попросить прощение?

— Хочу. Простишь?

— Прощу.

— Примешь?

— Приму.

— Линара...

— Что?

— Это навсегда, Линара.

Слезы всё же катятся по моим щекам, но я не вытираю их, потому, что это от счастья.

— А по-другому у нас с тобой и не получится, любимый.

Он целует меня. И мы надолго замолкаем. А зачем нам слова? У нас есть поцелуи.

..

Зачем слова, когда есть поцелуи? Они красноречивей всяких слов,

Нам целый Мир вселенная дарует, когда друг другу дарим мы любовь.

- Ты слушаешь меня или нет?
- Мм... конечно, слушаю. Ты сказала, что Нисар едет... Куда-то там едет.
- Леонид везёт её в Тибет.
- Этот её чокнутый доктор?
- Он не чокнутый. У него просто своё видение мира.
- Он ненормальный.
- Он пантеист.
- Я же говорю: псих.
- Да пусть хоть трижды псих, Нисар его любит.
- Что ж, рад за них. О, есть!
- Что?

— Кассиопею нашёл! — вырисовываю акварельным маркером на загорелой спине Линары очередную кривую и люблюсь видом сверху, где мной уже отмечено целых пять созвездий. — Идеально!

— И чего ты так радуешься? — ворчит жена в полудрёме, уткнувшись в подушку носом. — Она же самая простая. Всего пять звёзд.

— Ты не понимаешь. Это говорит о том, что карта готова!

— И, что это значит?

— Это значит, что маршрут на сегодня проложен, — мурчу ей в ушко, обводя носом нежную раковинку. — Можно приступить к нашей межгалактической экспедиции.

Целую каждую звёздочку на спине русалки, постепенно стягивая с неё трусики. Она хихикает от щекотки, елозит подо мной, обжигая меня своим нагретым солнцем телом. А над нами колышутся цветущие ветки старого мандаринового дерева, обсыпая нас белыми лепестками.

— Ну, Заир...

— Добро пожаловать на борт, господа.

— Только успейте к обеду свой звездолёт вернуть на орбиту. Иначе Ваш сын не простит нам задержки в кормлении.

— А что бабушка?

— Роксана с Аськой у Ямур, так что, скоро их не жди.

— В таком случае, не откладывая, начинаем обратный отсчёт. Десять!

И Линара с ахом выгибается под моим лёгким укусом над её ягодицами.

— Девять!

И я спускаюсь ниже, оставляя языком влажный след на золотистой коже...

— Итак, господа, если вы посмотрите в правый иллюминатор, то сможете полюбоваться прекрасным видом созвездия Скорпиона...

— Не отвлекайся!

— Слушаюсь, командир! Восемь...

И я целую звёзды. Я снова их целую.

КОНЕЦ.

Больше книг на сайте - Knigoed.net